

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

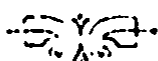
1906.

№ 7.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Взглядъ на самодержавію епископа Теофана и Н. Ѳ. Ведорова. <i>Профессора А. Вильяма</i>	313—331
Христось въ современной духовной жизни. (Christus im modernen Geistesleben). Е. Пфеннигсдорфа. (Переводъ съ нѣмецкаго). (Продолженіе). Н. Н.	332—346
Русская духовная миссія въ Японіи. (Продолженіе). <i>Студента Императорскаго Харьковскаго Университета О. Прохоренки</i>	347—366
II ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Въ защиту патріотизма. <i>И. Страхова</i>	203—229
Протоіерей Ѳ. Ѳ Сидонскій и его философскіе взгляды. (По поводу исполнившагося столѣтія со дня рожденія, 1805—1905 г.). <i>И. В.</i>	230—256
III ИЗВѢСТІЯ ПО ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. I. Опредѣленіе Святейшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—II. Христось Воскресе! <i>Б.</i> —Христось Воскресе! (Стихотвореніе) <i>Николая Катанеккио</i> .—Явленіе Господа апостоламъ. (Стихотвореніе). <i>А. Боткина</i> .—Речь <i>Превосвщеннаго Евгенія, Епископа Сумскаго</i> , произнесенная 26-го марта 1906 года, въ залѣ Харьковскаго дворянскаго дома, предъ выборами членовъ Государственной Думы отъ Харьковской губерніи.—О возрожденія церковно-приходской общины. (Продолженіе). <i>Священника Данила Попова</i> —Нѣсколько словъ по поводу сокращенія богослужебнаго устава. <i>Миссіонера Якова Глаголева</i> .—Историческое происхожденіе и значеніе изытія частицъ изъ просфоръ на проскомядіи въ честь и память святыхъ и за живыхъ и умершихъ. <i>С. Ч.</i> —О необходимости окружныхъ и областныхъ сѣздовъ духовенства. <i>Священника Константина Пантелеймонова</i> .—Къ вопросу о преобразованіи учебныхъ курсовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. <i>Священника И. Вознесенскаго</i> .—Дума сельскаго пастыря по поводу семинарскихъ неурядицъ. <i>Сельскаго священника Г. Горина</i> .—Нѣсколько словъ по поводу „голоса изъ среды сельскаго духовенства о причинахъ домогательства воспитанниковъ духовныхъ семинарій къ поступленію въ высшія свѣтскія учебныя заведенія“. <i>Священника А. С.</i> —О средствахъ для подъема приходской жизни. <i>Священника Василія Корлякова</i> —Еще о пожеланіяхъ духовенства по поводу созванія Всероссийскаго церковнаго Собора. <i>Священника Л. Петрусенко</i> .—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскіи цер., т. № 17
1906.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г. по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“. Сочиненіе А. Рождественца. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСВѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т А Т Е Й

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА.

„В Ъ Р А И Р А З У М Ъ“

— ❁ Т. II. — Ч. II. ❁ —

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

Этика Спинозы съ философской точки зрѣнія.—*Л. Багрецова* (стр. 1—11, 29—39).

Гипнотизмъ и внушеніе предъ судомъ науки и религіи. (Психологическій очеркъ).—*Феодора Владимірскаго* (стр. 12—28, 40—66, 85—104).

Философская пропедевтика.—*Проф. П. Линицкаго* (стр. 67—84, 105—120).

Религіозное міровоззрѣніе Гартмана.—*И. Щелова* (стр. 121—141, 162—178, 200—218, 235—250).

Вл. С. Соловьевъ и его религіозно-нравственные идеалы.—*А. Снегирева* (стр. 143—161, 179—199).

Мнѣніе о типѣ духовной школы, въ связи съ вопросомъ о выходѣ воспитанниковъ изъ духовныхъ семинарій для поступленія въ высшія свѣтскія учебныя заведенія.—*Протоіерея Георгія Титова* (стр. 219—225).

Искусство и наука.—*Павла Левитова* (стр. 226—234).

Инерція. (Психологическій этюдъ).—*Священника Н. Литскаго* (стр. 251—264, 275—286, 365—382).

О неизмѣримой цѣнности человѣческой личности.—*Александра Чемоданова* (стр. 265—274, 287—302).

Идея христіанскаго брака, какъ выраженіе семейнаго идеала.—*К. Истомина* (стр. 303—336).

Новая книга: „Религіозно-нравственныя воззрѣнія Л. Аннея Сенеки и отношеніе ихъ къ христіанству“. В. Фоминскій. 1906 г.—*И. С.* (стр. 337—342).

Христіанская Церковь и современный социализмъ. — *И. Айвазова* (стр. 343—364).

Фатализмъ и христіанство. — *Прот. Ст. О—ва* (стр. 383—396).

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т А Т Е Й

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„В Ъ Р А И Р А З У М Ъ“

— ❖ Т. I.—Ч. II. ❖ —

ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

„Царское Самодержавіе“ по ученію церковной молитвы въ день Коронаванія и въ день Восшествія на Престоль.—*Свящ. Д. Ромашкова* (стр. 1—17).

Общинный строй древнихъ христіанъ и значеніе его для миссія.—*Проф. Ан. Спасскаго* (стр. 18—37).

Исцѣленіе Господомъ Иисусомъ Христомъ слѣпородженнаго.—*Ив. Церова* (стр. 38—48, 140—166).

Рѣчь произнесенная въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 27 іюня н. г. при обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ смертной казни.—*Прот. Т. II. Буткевича* (стр. I—XII).

Молитвенный подвигъ Спасителя во дни Его плоти.—*Е. Воронцова* (стр. 49—64).

Христосъ въ современной духовной жизни. (*Ghristus im modernen Geistesleben*). *Е. Пфеннигсдорфа*. (Переводъ съ нѣмецкаго).—*Н. Н.* (стр. 65—114, 174—198, 312—326, 578—600) ¹⁾.

Можно ли христіанину быть социалистомъ? (стр. 115—123).

Сужденія языческой философіи о христіанствѣ.—*Ан. Спасскаго* (стр. 124—139).

Слово, въ день рожденія Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича.—*Ректора Семинаріи Прот. Алексія Юшкова* (стр. 167—173).

Вопросъ о смертной казни при свѣтѣ христіанскаго ученія.—*П. Крашкова* (199—212).

Слово, произнесенное 16-го августа 1906 года въ Спасскомъ мужскомъ монастырѣ, что на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда.—*Высокопреосвященнаго Арссія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго* (стр. 213—216).

Русское сектантство.—*И. Айвазова* (стр. 217—237, 426—442).

Русская духовная миссія въ Японіи.—*Студента Императорскаго Харьковскаго Университета Ѳ. Прохоренка* (стр. 238—258, 393—398) ²⁾.

¹⁾ См. въ 1-й части страницы: (31—49, 169—185, 213—230, 332—346, 489—507, 607—639).

²⁾ См. въ 1-й части страницы: (61—69, 151—168, 347—366, 506—514).

Распространеніе христіанства въ придворныхъ кружкахъ въ первые вѣка (по А. Гарнаку).—*Ан. Спасскаго* (стр. 259—268).

О предсоборныхъ совѣщаніяхъ при Св. Синодѣ и о представительствѣ епископовъ.—*Д. Брянцева* (стр. 269—286).

О современномъ сектантствѣ и борьбѣ съ нимъ.—*Свящ. Д. Ромашкова* (стр. 287—311, 373—392).

Собесѣдованія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. благочинными, выборными и др. лицами, духовными и свѣтскими, на ХХ съѣздѣ духовенства Харьковской епархіи.—*В.* (стр. 327—360, 469—507, 551—577, 650—709).

Къ вопросу объ автокефаліи Грузинской Церкви.—*Прот. Т. Буткевича* (стр. 361—372, 405—425, 518—527, 619—631, 710—712).

Слово въ день 17-го октября.—*Прот. Василія Добровольскаго* (стр. 399—404).

Распространеніе христіанства среди военнаго сословія въ первые три вѣка.—*Профессора А. Спасскаго* (стр. 443—468).

Къ вопросу о связи вѣры съ разумомъ.—*Свящ. Димитрія Ромашкова* (стр. 528—512)

Къ вопросу о самоубійствѣ.—*С. Н.* (стр. 543—548).

Рѣчь, произнесенная предъ молебномъ въ собраніи Союза Русскаго народа, 26 ноября 1906 г., въ залѣ Харьковскаго дворянскаго собранія—*Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго* (стр. 549—550).

Слово, произнесенное въ Озерянской церкви Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ праздникъ Введенія во храмъ Божіей Матери, 21 ноября 1906 г.—*Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго* (стр. 601—603).

Посланіе къ пастырямъ Воронежской епархіи, во время продолжающихся беспорядковъ въ Русскомъ Царствѣ.—*Преосвященнѣйшаго Анастасія, Архіепископа Воронежскаго и Задонскаго* (стр. 609—618).

Голосъ пастыря церкви къ православнымъ русскимъ женщинамъ.—*Свящ. Николая Загоровскаго* (стр. 632—644).

Слово, сказанное въ Николаевской церкви Тамбовскаго полка 20 декабря 1906 года, въ день памяти о побѣдѣ онаго надъ турками у Горнаго Бугарова въ 1877 году, въ концѣ литургіи предъ молебномъ и панихидою по павшимъ воинамъ.—*Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго* (стр. 645—649).

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI.

Взглядъ на самодержавіе епископа Ееофана и Н. Э. Еедорова.

Въ настоящее тревожное время люди очень много говорятъ, очень много пишутъ о текущихъ событіяхъ, о теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Россіи. Но понять вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, высказать безпристрастное, объективное сужденіе о событіяхъ и дѣйствующихъ лицахъ, сказать правду и только правду теперь труднѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Время теперь смутное, устой мысли и жизни поколеблены и пошатнуты, люди выбиты изъ обычной колеи, и множество людей не знаютъ, какъ отнестись къ событіямъ, что думать и дѣлать, куда идти, за кѣмъ идти. Тревоги и ужасныя бѣдствія, переживаемыя Россіей вотъ уже два года, нависшія всюду опасности, забастовки, насилія, грабежи, убійства, разореніе, ожиданіе бѣдствій въ будущемъ, неувѣренность даже въ завтрашнемъ днѣ, ослабленіе уваженія къ власти, къ закону, упадокъ порядка,—дерзость однихъ, малодушіе другихъ—все это сдѣлало людей нервными, безпокойными, люди какъ-то растерялись. Въ такомъ положеніи затруднительно жить спокойно, мыслить здраво, говорить обдуманно и трезво. Неожиданный, быстрый, рѣзкій и крутой переходъ отъ стѣсненій къ свободѣ подѣйствовалъ на многихъ, какъ угаръ на голову. Свобода хороша, но люди, не привыкшіе къ ней, не знаютъ, какъ ею пользоваться, какъ и что дѣлать при новомъ порядкѣ вещей; мысли ихъ разбредаются; люди мечутся туда и сюда, какъ угорѣлые, какъ больные головой. Въ смутное время смута въ умахъ и разстройство въ дѣлахъ усиливаются отъ дѣйствія

разныхъ побочныхъ причинъ. Пользуясь разстройствомъ порядка, слабостію власти, упадкомъ законности, многіе подшумокъ сводятъ свои личные счеты, иные не упускаютъ благоприятнаго случая ловить рыбу въ мутной водѣ, иные, наконецъ, въ партійныхъ интересахъ изливаютъ цѣлые потоки завѣдомой лжи въ печати, а изустно распускаютъ лживые слухи, клеветы, чтобы очернить тѣхъ или иныхъ лицъ, подорвать довѣріе къ тѣмъ или другимъ мѣропріятіямъ и усилить смуту. Въ особенности революціонеры, какъ извѣстно, не пренебрегаютъ никакими, даже самыми гнусными, средствами, лишь бы достигнуть своихъ цѣлей.

Въ смутное время даже и не ищущимъ своихъ личныхъ или сословныхъ выгодъ, не причастнымъ и къ партійной борьбѣ, не легко разобраться въ кипучемъ круговоротѣ мыслей, дѣйствій и событій, по достоинству оцѣнить совершающееся движеніе въ цѣломъ и въ разнообразныхъ проявленіяхъ его, сказать отрезвляющее слово, да сказать такъ, чтобы оно было услышано, правильно понято, хорошо оцѣнено и принесло пользу. Не легко и имъ сказать то, что всего нужнѣе и полезнѣе для русскаго народа въ настоящее тяжелое время,— не легко потому, что и они волей-неволей охвачены круговоротомъ движенія, объаты его пламенемъ, взволнованы, встревожены, смущены, обрадованы, или опечалены, а потому не могутъ, не имѣютъ силъ отнестись къ нему объективно, спокойно, безпристрастно.

Въ такіе дни полезно вспомнить слова людей, уже умершихъ, писавшихъ въ спокойное время, особенно людей, отличавшихся силою ума, провицательнымъ взглядомъ, ученостію, твердыми правилами, святостію жизни, идеализмомъ умственныхъ и нравственныхъ требованій, людей, у которыхъ возвышенное ученіе было согласно съ ихъ праведною жизнію, было отраженіемъ ихъ чистой души.

Въ послѣдніе смутные дни не только революціонеры, но даже и умѣренные либералы усиленно восхваляли народовластіе или демократію, а, съ другой стороны, столь же настойчиво, иногда и рѣзко, порицали сначала бюрократію или власть чиновниковъ, административныя власти, назначенныя правитель-

ствомъ, а потомъ и монархическій образъ правленія, особенно самодержавіе или неограниченную монархическую власть. Многіе всего годъ тому назадъ, повидимому, и не думали быть приверженцами народовластія; не слышно было отъ нихъ ни восхваленія, ни даже вообще благосклонной оцѣнки демократическихъ республикъ—Швейцарской, Французской, Американскихъ. А теперь они восхваляютъ народовластіе и порицаютъ самодержавіе, и даже вообще царскую власть.

Можно сказать навѣрняка, что подобныя новоявленные политики отдають теперь явное предпочтеніе народовластію предъ царскою властію не вслѣдствіе тщательнаго изученія исторіи, соціологіи, политики, не путемъ долговременнаго и самостоятельнаго труда мысли, а просто увлекаемые духомъ времени, модой, примѣромъ, круговоротомъ ходячихъ идей и теченіемъ событій. Черезъ нѣсколько времени при возможномъ поворотѣ теченія жизни въ иную, даже противоположную, сторону, они запоютъ иную пѣсню. Вліяніе стадности всегда велико, а въ смутныя эпохи въ особенности. Подулъ вѣтеръ съ юга—флюгеръ поворачивается клювомъ на сѣверъ; потянетъ вѣтеръ съ сѣвера—и тотъ же флюгеръ повертывается въ противоположную сторону. Въ эпохи, подобныя настоящей, не только высказываются нелѣпыя взгляды и лживыя ученія, но и широко распространяются, лишь бы они соотвѣтствовали духу времени.

Охватившее теперь нѣкоторую часть русскаго общества пристрастіе къ народовластію и нерасположеніе къ монархическому образу правленія побуждаютъ насъ напомнить читателямъ взглядъ на царскую власть и на власть народную выдающагося русскаго богослова, глубокаго и проникательнаго мыслителя и подвижника, епископа Теофана (Говорова).

Въ своемъ Толкованіи на второе посланіе къ Солунянамъ, оцѣнивая различныя мнѣнія о томъ, что разумѣль апостолъ подъ *удерживающимъ* явленіе антихриста, Теофанъ по поводу мнѣнія нѣкоторыхъ отцевъ церкви, видѣвшихъ въ удерживающей антихриста силѣ Римскую имперію, высказываетъ слѣдующія свои соображенія о народовластіи и о царской власти.

„Въ наше время, говоритъ онъ, какой нибудь вѣсь можно давать подобной мысли развѣ только въ такомъ случаѣ, если

подъ римскимъ царствомъ разумѣть царскую власть вообще, и это такимъ образомъ: царская власть, имѣя въ своихъ рукахъ способы удерживать движенія народныя и, держась сама христіанскихъ началъ, не попуститъ народу уклониться отъ нихъ, будетъ его сдерживать. Какъ антихристъ главнымъ дѣломъ своимъ будетъ имѣть отвлечь всѣхъ отъ Христа, то и не явится, пока будетъ въ силѣ царская власть. Она не дастъ ему развернуться, будетъ мѣшать ему дѣйствовать въ своемъ духѣ. Вотъ это и есть *удерживающее*. Когда же царская власть падетъ, и народы всюду заведутъ самоуправство (республики, демократіи), тогда антихристу дѣйствовать будетъ просторно. Сатанѣ не трудно будетъ готовить голоса въ пользу отреченія отъ Христа, какъ это показалъ опытъ во время французской революціи. Некому будетъ сказать veto — властнос. Смирное же заявленіе вѣры и слушать не станутъ. Итакъ, когда заведутся всюду такіе порядки, благопріятныя раскрытію антихристовскихъ стремленій, тогда и антихристъ явится. До того же времени подождетъ, удержится...

Можно бы основательно возразить, что народъ самъ будетъ блюсти свою вѣру. Но, какъ уже и впереди говорилось, трудно допустить, чтобы вѣра съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе возрастала въ силѣ. Свѣтлыя нѣкоторыхъ писателей изображенія христіанства въ будущемъ пріятно встрѣчать, но не чѣмъ оправдать. Царство Христово благодатное точно расширяется, растетъ, полиѣетъ, но на землѣ видимо, а на небѣ невидимо, изъ лицъ, тамъ и здѣсь, въ земныхъ царствахъ, приготавливаемыхъ туда спасительною силою Христовою. На землѣ же предуказывается господство невѣрія и зла. Оно видимо расширяется; и когда уже очень возобладаетъ, тогда дѣло будетъ стоять только за началомъ. Подай только кто вліятельный примѣръ, или голосъ сильный, и отступленіе отъ вѣры начнетъ совершаться. Этотъ толчекъ и данъ будетъ антихристомъ. Отсюда можно положить, что удерживающее антихриста есть вмѣстѣ и то, что нѣтъ еще должной подготовки въ людяхъ къ принятію его; перевѣса еще не взяли невѣріе и нечестіе; много еще вѣры и добра въ родѣ человѣческомъ" ¹⁾.

¹⁾ Бесѣдовательное толкованіе второго посланія къ Солунянамъ. Москва. 1873 г. 71—72 стр.

Это было напечатано въ 1873 году. Не знающимъ жизни епископа Теофана напомнимъ, что онъ добровольно, ради достиженія высшаго совершенства, отказался отъ всѣхъ земныхъ благъ и преимуществъ—отъ епископской власти, отъ стяжаній, и съ 1866 года подвизался въ Вышенскомъ монастырѣ (Тамбовской епархіи) въ затворѣ, а въ послѣдніе годы жизни осуществлялъ высшій и самый тяжелый подвигъ молчальничества. Очевидно, для такого человѣка было невозможно, да и не для чего, льстить кому бы то ни было, хотя бы и царю.

Добавимъ еще, что подвизаясь въ затворѣ и пустынномъ уединеніи, удалившись отъ міра, онъ не отградился отъ послѣдняго непроницаемой стѣной, не сталъ слѣпъ и глухъ къ жизни людей, къ ихъ радостямъ и горю, а въ особенности къ дѣлу ихъ спасенія. Совсѣмъ напротивъ: въ пустынѣ онъ писалъ богословскія сочиненія высокаго ученаго достоинства, зорко слѣдилъ за движеніемъ мысли и жизни въ Россіи, велъ обширную переписку и въ своихъ письмахъ людямъ всѣхъ сословій давалъ мудрые духовные совѣты, отвѣчалъ на вопросы, рѣшалъ мучившія людей сомнѣнія, ободрялъ, утѣшалъ, направлялъ на пути правды и добра. Совершенное безкорыстіе побужденій, любовь къ истинѣ, знаніе жизни,—и не мимолетныхъ верхушекъ, а глубокихъ основъ ея,—здравый практическій смыслъ, сильный и обогащенный познаніями умъ, отзывчивое любящее сердце, чистота жизни, исключительное богатство духовнаго опыта, благочестіе и преданность Богу и Христу до самоотверженія—эти рѣдко встрѣчающіяся и по отдѣльности свойства души епископа Теофана не привлекутъ ли вниманія къ его словамъ со стороны мнущихся теперь русскихъ людей. Не окажутся-ли они спасительнымъ свѣтомъ маяка, отводящимъ отъ опасныхъ скалъ и мелей и направляющимъ къ уютной пристани тѣхъ русскихъ, которые въ туманѣ теперешняго броженія мысли не знаютъ, куда и за кѣмъ идти, что отвергать и что принимать. Не призадумаются-ли надъ ними тѣ священнослужители и богословы, которые въ теперешнемъ освободительномъ движеніи привѣтствовали освобожденіе церкви отъ государственной власти, отъ бюрократическаго гнета? Свобода церкви желательна; но будетъ-ли ей свободнѣе, легче и

лучше жить и дѣйствовать при народовластіи? Какъ бы ей не попасть изъ огня да въ полымя. Православная церковь находится въ нѣкоторой зависимости отъ государственной власти, но за то и пользуется отъ послѣдней содѣйствіемъ и помощію. И при народовластіи она могла бы навѣрняка рассчитывать на расположеніе и помощь отъ свѣтскаго правительства, если бы все или почти все русское царство было населено людьми православными и вѣрующими. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ: евреи, язычники, мухаммедаве, католики, протестанты, армяне, русскіе раскольники и сектанты, русскіе невѣрующіе и равнодушные къ религіи, составляютъ не меньше трети, чуть не половину всего населенія Россіи. Пусть и справедливы въ нѣкоторой мѣрѣ жалобы, что церковь связана въ своей дѣятельности зависимостію отъ государства, и что это было одной изъ причинъ нерасположенія къ Церкви и ея служителямъ со стороны иныхъ свѣтскихъ ученыхъ. Но главная причина нерасположенія, а то и ненависти къ Церкви и ея пастырямъ со стороны свѣтскихъ ученыхъ и свѣтскихъ недоучекъ вовсе не въ этой зависимости Церкви отъ государства; она лежитъ глубже; она заключается во взаимной непріязни церковнаго и мірскаго, духовнаго и свѣтскаго. Она прямо указана Христомъ Его апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ ихъ преемникамъ, въ словахъ: *Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ. Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое; а какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ.* (Іоан. 15, 18, 19). Невѣрующимъ или равнодушнымъ къ вѣрѣ ученымъ и недоучкамъ одинаково ненавистны гражданское правительство и церковь. Къ первому они относятся враждебно по политическимъ причинамъ, ко второй—по своей непріязни къ религіи. Наивно думать, будто они имѣютъ въ виду благо церкви, требуя отдѣленія ея отъ государства. До зависимости церкви отъ государства имъ нѣтъ дѣла. Если они домогаются устранить ее, то только потому, что этимъ способомъ надѣются разобщить интересы церкви и государства, ограничить, а то и совсѣмъ уничтожить помощь, которую оказываетъ Церковь гражданскому правительству, и гражданское правительство

Церкви, даже сравить Церковь съ правительствомъ, чтобы облегчить себѣ побѣду надъ обоими. *Divide et impera*.

Вотъ голосъ о самодержавіи другаго человѣка, мірянина, но отрекшагося отъ благъ міра. Получа скудное жалованье, онъ часть его ежемѣсячно отдавалъ бѣднымъ; онъ погруженъ былъ въ занятія книгами, отвлекаясь отъ нихъ только для бесѣды съ людьми, нуждавшимися въ его учености, и прибрѣлъ широкую начитанность и разнообразныя познанія; глубокой и самобытный мыслитель, онъ былъ необычайно скромный; идеалистъ по мысли и жизни, онъ былъ высоко-нравственный, прямо святой человѣкъ. Къ нему вполне примѣнимы слова Христа: *Кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него* (Лук. 18, 17). Мы говоримъ о Николаѣ Ѳеодоровичѣ Ѳеодоровѣ. Кто изъ ученыхъ людей Москвы и иногороднихъ, посѣщавшихъ бібліотеку Румянцевскаго Музея въ Москвѣ, не зналъ этого человѣка съ выразительными глазами, высокимъ лбомъ, съ дѣтски-добродушнымъ выраженіемъ лица, съ вьющимися длинными волосами, въ темно-сѣромъ поношенномъ и потертомъ сюртукѣ и наглухо застегнутомъ жилетѣ? Кто изъ нихъ не обращался къ нему, прося у него совѣта въ своей ученой работѣ, освѣдомляясь, какія есть книги, русскія и иностранныя, по тому или другому предмету или журнальныя статьи, гдѣ и когда онѣ были напечатаны и т. п.? И онъ давалъ точныя, либо приблизительныя указанія о книгахъ, статьяхъ, писателяхъ, ученыхъ взглядахъ, частію по памяти, частію наведя справки. Все это онъ дѣлалъ охотно, съ радостію, съ чисто-родственнымъ чувствомъ любви къ ученымъ людямъ, къ ихъ трудамъ и умственнымъ запросамъ. Какой другой ученый станетъ сообщать свои свѣдѣнія, не обнародованныя еще, другому ученому? А Николай Ѳеодоровичъ сообщалъ ихъ и знакомымъ и незнакомымъ, общалъ щедро, безъ зависти или ревнивости, дружелюбно, радуясь, что можетъ оказать ученую услугу.

Николай Ѳеодоровичъ былъ мыслитель и писатель,—мыслитель глубокой, самобытный, но, по его скромности, почти неизвѣстный.

О самодержавіи онъ напечаталъ статьи въ газетѣ „Асхабадъ“ за 1901 годъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками этихъ статей и пользуемся только краткимъ извлеченіемъ изъ нихъ, помѣщеннымъ въ біографіи Николая Ѳеодоровича, которая составлена Владиміромъ Кожевниковымъ и напечатана въ Русскомъ Архивѣ за 1904 г., подъ заглавіемъ „Николай Ѳеодоровичъ Ѳеодоровъ“.

Въ этомъ извлеченіи изложено въ взглядъ Николая Ѳеодоровича на самодержавіе въ отношеніи самодержавія къ воспитанію и образованію народа. Взглядъ Николая Ѳеодоровича на воспитаніе и образованіе отличается серьезностію, возвышенностію и глубиной. Задачи образованія онъ всегда ставилъ въ связь съ задачами воспитанія. Онъ говорилъ, что „знаніе само по себѣ не можетъ служить цѣлью; оно лишь средство къ достиженію высшей цѣли, цѣли самой жизни. По его мнѣнію приобрѣтеніе знаній только ради удовлетворенія любознательности есть не болѣе, какъ облагороженный видъ безцѣльнаго занятія, и въ такомъ видѣ не можетъ дать полнаго и конечнаго удовлетворенія людямъ, какъ существамъ нравственнымъ. Знаніе раскрываетъ намъ только то, что есть, при совокупности теперешнихъ, валичныхъ условій, то есть только реальную дѣйствительность при данномъ положеніи вещей. Но существующее положеніе вещей и благо, особенно нравственное благо, не одно и то же; они далеко не совпадаютъ. Даже совершенное знаніе того, что есть, не въ состояніи дать намъ совершенный миръ. Наоборотъ, будучи достигнуто, оно повергло бы человѣчество въ скорбь, которая была бы беспросвѣтной и безнадежной, если бы на *такомъ* знаніи люди остановились бы, если бы требованія нравственнаго блага, не совпадающія при существующемъ порядкѣ вещей съ дѣйствительностію, не указывали знанію иного, высшаго назначенія: стать изъ пассивнаго проективнымъ и активнымъ, перейти въ дѣло, въ преобразование *существующаго въ долженствующее быть*. Воспитаніе есть подготовка этого дѣла въ области чувствъ, воли и характера; обученіе, образованіе, познаваніе даютъ ему средства къ осуществленію.

Первое изъ этихъ средствъ—*всеобщность и обязательность образованія*.

Всеобщее образованіе и конечную цѣль его—осуществленіе нравственнаго блага въ человѣчествѣ—Николай Θεодоровичъ ставилъ въ тѣснѣйшую связь съ самодержавіемъ. По его убѣжденію „вопросъ о цѣли существованія связанъ съ дѣломъ самодержавія“, въ коемъ, какъ воспреемничествѣ и душеприказчествѣ, заключается весь вопросъ о воспитаніи и образованіи, объ ихъ всеобщности, задачѣ и цѣли“. Николай Θεодоровичъ всеобщее спасеніе видѣлъ въ возстановленіи всемірнаго родства, въ объединеніи человѣчества въ одной семьѣ, а единственной формой государственнаго строя, способной привести къ объединенію человѣчества, онъ признавалъ самодержавіе.

Вотъ какъ онъ раскрываетъ этотъ взглядъ.

„Для возстановленія братскаго единенія, для истиннаго расширенія и сохраненія его въ родѣ человѣческомъ, а также и для руководства братскимъ союзомъ сыновъ умершихъ отцовъ въ общемъ дѣлѣ отеческомъ, въ дѣлѣ, вызываемомъ утратами (смертью), требуется намѣстникъ, всеобщій душеприказчикъ, „стоящій въ отцовъ мѣсто“ (какъ выражались наши предки, такъ и понимавшіе высшую власть). Это и есть самодержецъ. Самодержецъ, какъ стоящій въ отцовъ мѣсто, въ вѣнчаніи на царство получаетъ отъ Бога отцовъ, Бога Троичнаго, высшее освященіе, дѣлается орудіемъ Божественной воли, чтобы руководить дѣломъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, объединяя ихъ въ дѣлѣ по образу Бога Трїединого“.

„Высшее назначеніе самодержавію даетъ *православіе*, такъ какъ дѣло самодержавія не ограничивается однимъ внѣшнимъ, неполнымъ умиротвореніемъ. Для умиротворенія же внутренняго было принято христіанство, по желанію и самого народа, инстинктивно, повидимому, чувствовавшего глубоко-скрытое въ христіанствѣ всемірное родство. Христіанство было принято Русью въ его высшей, Византійской формѣ всемірнаго печалованія о жертвахъ розни и гнета, то есть, о всѣхъ умершихъ и умирающихъ. Это печалованіе, однако, въ отличіе отъ такъ называемой „мировой скорби“, ограничивающейся однимъ нитьемъ, требуетъ *дѣла*, за неисполненіе котораго и погибла Византія..

Православіе не имѣетъ свѣтской власти, на подобіе папизма, а потому и угнетать никого не можетъ; но и къ розни, которую подь видомъ свободы боготворить протестантизмъ, православіе равнодушнымъ не остается. Православіе, по образцу высшаго христіанскаго догмата Пресвятой Троицы, требуетъ, чтобы въ родѣ человѣческомъ, при совершеннѣйшей самостоятельности лицъ, было и полное ихъ единство, то есть, требуетъ такого общенія или общества, въ сравненіи съ которымъ самыя высокіе идеалы соціологіи становятся не только низкими, но и нечестивыми. Православіе требуетъ такого общества, которое не нуждалось бы ни въ наказаніяхъ, ни въ вадзорѣ, ибо все юридическое и экономическое есть мерзость предъ Тріединнымъ Богомъ и многоединнымъ человѣческимъ родомъ. Санъ самодержца и предназначенъ для постепеннаго устраненія всего юридическаго, какъ безвравственнаго и антирелигіознаго¹⁾.

„Что русское православіе есть дѣло, осуществленіе, а не подобіе его только, не метафора, не внутреннее лишь и таинственное дѣйствіе, это видно уже изъ перваго вопроса, который предлагаетъ миссіонерамъ равноапостольный Владиміръ. „Какая ваша заповѣдь“, а не „во что вы вѣруете“? спрашиваетъ онъ (впрочемъ и слово „вѣра“ обозначало въ то время не мнѣніе только, а клятву, обѣтъ исполнять дѣло; отсюда и „вѣроломный“, то есть, нарушитель обѣта, клятвы). Сущность самодержавія начинаетъ раскрываться въ вопросѣ, заданномъ Владиміромъ о заповѣди, на который онъ далъ самъ и отвѣтъ, не словомъ, а дѣломъ, своимъ нравственнымъ перерожденіемъ... Русскій народъ былъ крещенъ безъ оглашенія, безъ наученія, какъ крестятъ младенцевъ. Онъ пошелъ къ купели по приказанію князя, но какого князя? того, который на самомъ себѣ, на дѣлѣ показалъ, что такое христіанство. Какой катихизисъ, какой аргументъ могъ быть сильнѣе такого примѣра?... Народъ нашъ, у котораго все лучшее дѣлалось сообща, который предпочиталъ не только жить, но и умирать вмѣстѣ, „всѣмъ за одинъ, всѣмъ какъ одинъ“, могъ и креститься не въ одиночку а лишь въ общей купели, имѣя общимъ своимъ воспреемни-

¹⁾ Русскій Архивъ. 1904 г., май, стр. 5—6. Извлечено изъ статьи „Самодержавіе“ въ газетѣ „Асхабадъ“, 1901 г., іюля 10, № 191.

комъ князя, какъ общаго отца, стоящаго въ отцовъ мѣсто. Эти два обстоятельства: крещеніе безъ оглашенія, на вѣру князя, и сообща, опредѣлили сами собою великую задачу самодержавія. „Самодержавіе, какъ воспреемничество, есть пріятіе на себя долга за воспринятый народъ,—долга, заключающагося въ осуществленіи чаемаго, въ осуществленіи явномъ, дѣйствительномъ того, что до христіанства было лишь прообразованіемъ. Самодержавіе приняло на себя долгъ, обязанность приготовить народъ, сдѣлать его способнымъ къ осуществленію на самомъ дѣлѣ того, что при крещеніи, миропомазаніи и другихъ таинствахъ совершается таинственно. Поэтому самодержавіе, какъ воспреемничество, есть *возглавленіе*, тогда какъ папство, абсолютическое и непогрѣшимое, есть *обезглавленіе*... Воспреемничество, какъ выраженіе самодержавія, есть *возглавленіе всѣхъ*, то есть, *всеобщее, обязательное просвѣщеніе*..., или *обращеніе общества*, по типу животнаго организма слѣпою силою созданнаго, *въ общество по образу и подобию Пресвятой Троицы*. Возглавленіе означаетъ, что главою земнаго общества дѣлается *церковь*, и это не папоцезаризмъ и не цезаропапизмъ: самодержавная власть, въ отца мѣсто стоящая, есть *сила воспитывающая*, то есть, *ведущая къ совершеннолѣтію*“.

„Всеобщее обязательное образованіе есть христіанская обязанность царя-воспреемника, заключающаяся въ томъ, чтобы всѣхъ довести до состоянія зрѣлости умственной и нравственной, до выхода изъ возраста шалостей и баловства (къ которымъ въ обширномъ смыслѣ народъ причисляетъ и разбой и грабежи), изъ возраста ссоръ и дракъ (къ которымъ въ широкомъ смыслѣ принадлежатъ и войны), изъ возраста увлеченія игрушками (куда относятся и всѣ прихоти, создаваемые торгово-мануфактурною культурою), дабы ставшіе совершеннолѣтними, то есть, не нуждающіеся уже ни въ дѣякахъ, ни въ надзирателяхъ, ни въ карцерахъ, стали участниками настоящаго, общаго, великаго дѣла. Владиміръ былъ воспреемникомъ Русскаго народа отъ общей купели и этимъ принялъ на себя и всѣхъ своихъ преемниковъ долгъ всеобщаго обязательнаго образованія, которое въ настоящее время должно быть необходимымъ дополненіемъ всеобщей воинской повинности, чтобы

постепенно превратить ее изъ борьбы съ себѣ подобными въ объединеніе, въ трудъ познанія слѣпой силы (природы) и обращенія ея въ управляемую разумомъ“¹⁾).

„Власть, соединивъ воинскую повинность со всеобще-обязательнымъ образованіемъ, введетъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ въ дѣло познанія и управленія текущими явленіями природы для возстановленія прошедшаго (отцовъ). Въ этомъ заключается послѣдній и окончательный проэктъ всеобщаго, обязательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ добровольнаго образованія, ученія и дѣла, осуществленіе котораго и приведетъ къ тому, что царь вмѣстѣ съ народомъ будетъ воистину самодержцемъ, властителемъ, управителемъ слѣпыхъ силъ природы, ея царемъ, царемъ не душъ, какъ папа, а матеріи и силы, повелителемъ вѣшняго, матеріальнаго міра, освободителемъ отъ закона юридическаго и экономическаго и, наконецъ, возстановителемъ господства нравственнаго, или, что то же, родственнаго закона“²⁾).

„Такимъ образомъ двѣ великихъ обязанности лежатъ на самодержавіи: всеобщая воинская повинность, которая уже совершила великое дѣло, и всеобщее обязательное образованіе, которое должно измѣнить войну въ миръ, слѣпую борьбу между разумными существами превратить въ объединеніе для изученія и обращенія слѣпой силы природы въ управляемую разумомъ“... „Такая регуляція, взамѣнъ нынѣшней эксплуатаціи и утилизаціи, приводящихъ природу къ истощенію и разрушенію, а людей къ конкуренціи и раздорамъ, явилась бы по отношенію къ природѣ трудомъ, освобождающимъ отъ голода, болѣзней и смерти; по отношенію къ наукѣ объединеніемъ всѣхъ отраслей знанія, которому теологія давала бы цѣль, психологія—содержаніе, а космологія—средства; наконецъ, по отношенію къ людямъ регуляція было бы общимъ братскимъ дѣломъ сыновъ, исполняемыхъ ради отцовъ, смерть которыхъ скрываетъ наше сходство, наше сродство и является первою причиною не-братства“³⁾).

1) Тамъ же, стр. 6—7 изъ статьи Самодержавіе въ „Асхабадѣ“ 1901 г. № 192.

2) Тамъ же, стр. 8 изъ статьи: „Отвѣтъ на вопросъ: *Что такое Россія*“ въ „Асхабадѣ“ 1901 г. № 187.

3) Тамъ же, стр. 8, изъ „Асхабада“ №№ 192 и 202.

Признавая дѣло всеобщаго образованія высшею обязанностію самодержавія, Николай Θεодоровичъ призываетъ къ сотрудничеству съ царемъ и народомъ въ этомъ всечеловѣческомъ дѣлѣ всѣхъ ученыхъ и такъ называемую интеллигенцію. По его взгляду, каждый, научившійся самъ, долженъ учить другихъ—учить безкорыстно, самоотверженно; долгъ всѣхъ умственно зрѣлыхъ—такой же всеобщій, какъ право зрѣлыхъ физически быть братьями и отцами. Однако теперешнюю русскую интеллигенцію, склонную къ увеличенію своей силы и власти, къ фортунѣ, къ карьерѣ, между прочимъ и ученой, напыщенной своимъ умственнымъ преимуществомъ, онъ считалъ не достаточно подготовленной къ великому дѣлу всеобщаго народнаго учительства и нуждающейся въ нравственномъ переворотѣ, который сдѣлалъ бы ее болѣе способной къ этому дѣлу, превративъ заботы о личныхъ и матеріальныхъ интересахъ въ попеченіе о самомъ существенномъ—всеобщемъ воспитаніи и образованіи. Вѣрный признакъ неподготовленности русской интеллигенціи къ дѣлу всеобщаго обученія Николай Θεодоровичъ видитъ въ томъ, что даже тѣ интеллигенты, которые постоянно толкуютъ о необходимости всеобщаго обязательнаго обученія, сами никого не обучаютъ, мирятся съ тѣмъ, что важнѣйшее дѣло просвѣщенія—обученіе народа—поручалось въ огромномъ большинствѣ случаевъ людямъ малообразованнымъ, или неспособнымъ къ этой дѣятельности, а высшая отборная интеллигенція смотритъ на дѣло обученія народа, какъ на несвойственное ея высокому ученому положенію, и съ вершинъ ученаго Олимпа, свысока, взираетъ на своихъ младшихъ собратьевъ, трудящихся, какъ муравьи, у подножія пирамиды знанія.

По мнѣнію Николая Θεодоровича, и правительству, и обществу, и ученымъ спеціалистамъ, и всей интеллигенціи пора бы проникнуться сознаниемъ, что никакая высота служебнаго положенія и никакіе ученые труды и заслуги *никого* не освобождаютъ отъ учительскаго служенія *именно въ области первоначальнаго обученія*. Воспитаніе сознания этого долга въ интеллигенціи должно бы быть существенною нравственною обязанностію университета, задача котораго, какъ и государства,

какъ и церкви, состоятъ въ прекращеніи внутренней розни и раздѣленія на ученыхъ и неученыхъ, въ объединеніи всѣхъ для разслѣдованія причинъ не-братства и вражды и для пріисканія средствъ къ ихъ устраненію.

„Но откуда ждать единства между учеными и неучеными, когда глубокая пропасть отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга во всемъ ихъ міровоззрѣніи и жизневоззрѣніи? спрашиваетъ Николай Осодоровичъ. Какъ возможно въ настоящее время просвѣщеніе цѣльное и всеобщее, когда само просвѣщеніе, самъ свѣтъ сталъ вопросомъ, ибо то, что одни называютъ свѣтомъ, противникамъ ихъ кажется тьмою?... Противорѣчіе это тѣмъ болѣе невыносимо, что невѣрующіе, обзывающіе вѣрующіхъ обскурантами за ихъ невѣжественность, происходящую отъ невѣдѣнія, забываютъ, что право на пребываніе въ невѣдѣніи они однако признаютъ за стоящими во главѣ ихъ самихъ, за критическими философами и за учеными агностиками, исповѣдующими одночленный отрицательный символъ вѣры: „Ignoramus“! Если для однихъ нѣтъ отвѣтовъ на важнѣйшія міровыя загадки“, а для другихъ нѣтъ вообще ничего абсолютно-истиннаго, то какимъ яснымъ цѣлямъ жизни, какимъ определеннымъ планамъ дѣятельности будутъ учить неученыхъ послѣдователи этихъ искреннихъ мудрецовъ, знающихъ только о своемъ незнаніи? Имѣется въ виду, повидимому, Дю-Буа-Реймонъ. Онъ на Създѣ естествоиспытателей и врачей въ Лейпцигѣ въ 1872 г. произнесъ рѣчь, надѣлавшую тогда много шума: О границахъ познанія природы. Тема рѣчи: „Ignoramus et ignorabimus“: не знаемъ и не будемъ звать. Чего? 1) Сущности атомовъ и первобытнаго состоянія міра; 2) происхожденія сознанія. А въ 1880 г. въ торжественномъ засѣданіи Берлинской Академіи Наукъ Дю-Буа-Реймонъ, призналъ уже не двѣ, а семь міровыхъ загадокъ, которыя человекъ не разгадалъ и не разгадаетъ: 1) Сущность вещества и силы, 2) 3) происхожденіе жизни; происхожденіе движенія; 4) цѣлесобразность природы; 5) происхожденіе ощущенія; 6) происхожденіе разума и языка; 7) свобода воли.—Затѣмъ позитивисты, поставляя своей задачей и не отказываясь отъ притязаній, познать міръ, рѣшительно заявляютъ о невозможности знать

сверхчувственное бытіе и потому называются *агностиками*.— Упомянемъ, наконецъ, о скептикахъ, которые или сомнѣваются въ возможности человѣку знать истину, или совсѣмъ отвергаютъ эту возможность. Впрочемъ бессильные указать истину, они однако же считаютъ себя очень сильными въ приемахъ опроверженія и отрицанія. Но если бы это незавидное сомнѣніе даже и не было самообольщеніемъ, все же оно сила только разрушающая, злая сила, и не этой мнимой силѣ научить успѣшной борьбѣ съ общимъ врагомъ ученыхъ и неученыхъ, вѣрующихъ и отрицающихъ,—съ слѣпою силою неразумной природы, силою уже немнимою, а дѣйствительно разрушающею, которая если и рождаетъ къ жизни, то для того лишь, чтобы снова умерщвлять“.

Но если общаго спасенія нельзя ждать отъ людей, разслабленныхъ сомнѣніемъ, то столь же напрасно было бы ждать его и отъ тѣхъ вѣрующихъ, которые довольствуются одною субъективною вѣрою: несокрушимые въ чертѣ своего собственнаго внутренняго духовнаго опыта, они бессильны сообщить свою непосредственную убѣжденность тѣмъ, кому этотъ опытъ чуждъ, у кого нѣтъ настроенія для воспріятія свѣта вѣры. Между этими двумя группами лицъ, живущими разными чувствами, какъ бы въ двухъ разныхъ мірахъ, нѣтъ и не можетъ быть объединеннаго и дружнаго взаимодѣйствія, а безъ всеобщности желанія и усилія нѣтъ и всеобщности спасенія. Примиреніе между вѣрующими и невѣрующими станетъ возможнымъ, если за вѣру признаемъ исполненіе воли Божіей. А пока наука и вѣра изъ пассивныхъ и созерцательныхъ не станутъ активными и проективными, до тѣхъ поръ нельзя надѣяться на примиреніе ученыхъ съ неучеными, свѣтской школы съ духовною, разладъ двухъ разумовъ и двухъ сословій будетъ неизбѣженъ. Этою противоположностью объясняется трагическое положеніе университетовъ въ обществѣ, утратившемъ естественное единство. По термину, унаслѣдованному отъ родового быта, университетъ есть *Alma mater*, а потому и вся интеллигенція, трудящаяся въ различныхъ учрежденіяхъ, составляетъ одну семью и, какъ одна семья, сливается съ семьєю въ болѣе обширномъ смыслѣ—съ государствомъ, а слѣдовательно и съ народомъ.

По неизвращенному смыслу это связь чисто родственная; а истинная родственность немислима безъ любви къ отцамъ. Между тѣмъ университетъ забвеніемъ своего назначенія— „уничтожать внутреннюю рознь и раздѣленіе на ученыхъ и неученыхъ“—отрекся отъ родственнаго начала, замѣнилъ его неопредѣленнымъ, отвлеченнымъ гуманизмомъ, не замедлившимъ выродиться въ *гомуникуллизмъ*. И вотъ, учрежденіе, призванное къ умиротворенію и созиданію, извращается въ самозванное, самочинное судилище, призывающее къ своему суду все, что было святаго, до самого даже Бога. Хулу въ видѣ отрицательной критики возводитъ въ начало премудрости, ученика ставить выше учителя, студента выше профессора. Узаконяя въ курсахъ юридическихъ и экономическихъ наукъ неродственные отношенія, оно подаетъ поводъ несовершеннолѣтнимъ, молодежи, узурпировать и поирать права старшихъ, совершеннолѣтнихъ, признавать ихъ подсудными себѣ, а несоглашающимся на такое подчиненіе отвѣчаетъ высшею нелѣпостью со стороны учащихся,—угрозою учебныхъ забастовокъ: аудиторіи изъ мѣстъ пріобрѣтенія знанія превращаются въ мѣста сборищъ буйныхъ наукоборцевъ, и почтенная *Alma Mater* просвѣщенія оглашается, выражаясь словами древнерусскаго обличителя, задорными голосами „щенятъ, брешущихъ во чревѣ матери“. Не находя достаточно рѣзкихъ словъ для порицанія этого „ребяческаго анархизма“, этихъ „мальчишескихъ и дѣвическихъ революцій“, Николай Феодоровичъ еще болѣе возмущался пассивнымъ или потворствующимъ отношеніемъ нѣкоторой части общества къ этой новой формѣ власти, которую онъ обозвалъ насмѣшливымъ именемъ *эмбриократіи*. Отвлеченіе отъ занятій столь дорогимъ ему знаніемъ, трата лучшихъ силъ и невозвратимаго времени на усобицу, гибельную прежде всего для самой молодежи, неуваженіе къ храму науки, къ долгу учащаго и учащагося—все это заставляло его считать настоящимъ преступленіемъ даже косвенное, даже пассивное, молчаливое поощреніе незрѣлыхъ и потому до известной степени не во всемъ вмѣняемыхъ умовъ къ тѣмъ противоестественнымъ волненіямъ, которыя, къ несчастью,

какъ бы уже вошли въ обиходъ нашей жизни подъ приличнымъ терминомъ „академическихъ безпорядковъ“¹⁾).

Мы нѣсколько отвлеклись отъ темы. Но слова Николая Θεодоровича объ университетскомъ образованіи, объ академическихъ безпорядкахъ, жизненныя и правдивыя вообще, особенно драгоцѣнны въ настоящее время—время поголовныхъ политическихъ забастовокъ учащихся не только въ высшихъ, но даже и въ среднихъ школахъ. Прѣжніе студенческіе бунты и волненія—мальчишескія шалости предъ теперешними повальными забастовками съ требованіями то автономіи Польши, то отмѣны ограниченій въ правахъ евреевъ, то всеобщаго избирательнаго права, то созванія учредительнаго собранія, то введенія въ Россіи демократической республики. У студентовъ въ карманахъ и въ рукахъ не книги, а браунинги. Не только курсистки, но гимназисты, семинаристы, гимназистки волнуются и забастовываютъ изъ за политики, а то еще бойкотируютъ своихъ начальниковъ и учителей. Ни въ какой другой землѣ во всемъ свѣтѣ не было подобнаго безобразія. А одинъ изъ профессоровъ, послѣ 17 октября, назвалъ бастующихъ студентовъ лучшею молодежью въ свѣтѣ. Можно думать, что русская молодежь въ сравненіи съ молодежью Запада податливѣе на призывы революціонеровъ, благодаря славянской мягкости, и менѣе зрѣла, благодаря самимъ профессорамъ.

Но каковы профессоры русскіе, если они поощряютъ и восхваляютъ студенческія повальныя забастовки, какъ средство для завоеванія гражданской и политической свободы! Поистинѣ люди, люди притомъ ученые, умные, впали въ состояніе какой то полунормальности. Не преступленіе-ли со стороны профессоровъ и учителей поощрять забастовки и бойкоты учащихся или потворствовать имъ, или смотрѣть на нихъ сквозь пальцы. Способна-ли незрѣлая, недоучившаяся молодежь обсуждать сложные вопросы государственнаго и общественнаго устроенія? Сколько драгоцѣннаго времени тратитъ она не на дѣло, а на бездѣлье; бездѣлье, вредное для нея самой и для общества

¹⁾ Въ той же книжкѣ Русскаго Архива, стр. 8—12, извлеченіе мыслей изъ разныхъ статей Николая Θεодоровича объ университетахъ и образованіи.

и государства! Насущные интересы воспитанія, образованія, культуры, порядка, пользы народа и государства, чести и безопасности людей — все приносится въ жертву требованію свободы, ставшей какимъ то всепожирающимъ идоломъ — молохомъ. Умные и ученые люди забыли азбучную истину, что бойкотомъ, забастовками и насиліемъ, которые одни граждане примѣняютъ къ другимъ гражданамъ и къ правительству, нагло попирается та самая свобода, ради достиженія которой они употребляются. Всякое насиліе исключаетъ и искореняетъ свободу. Въ насильникѣ свобода превращается въ дикій произволь, въ разнузданное своеволие; онъ свободенъ для себя, а въ сущности есть рабъ своихъ страстей, фанатизма, ложныхъ ученій, но онъ не терпитъ свободы въ другихъ и подавляетъ ее силой, оружіемъ, мечемъ и огнемъ. Насиліе вызываетъ, естественно и справедливо, отпоръ со стороны тѣхъ, противъ кого оно направлено, отпоръ силой. Такимъ путемъ произволь и насиліе распространяются все шире и шире, и возможна-ли хотя бы тѣнь истинной свободы въ царствѣ насилія?

Что касается до монархическаго образа правленія и въ частности до самодержавія, то къ изложеннымъ взглядамъ епископа Теофана и Н. Ѳ. Ѳедорова мы прибавимъ только нѣсколько словъ.

Для процвѣтанія царства, для благоденствія и развитія народа нуженъ порядокъ. Порядокъ поддерживается хорошими законами и твердой сильной властью. И если гдѣ, то особенно въ Россіи, обширной по пространству, многолюдной по населенію, разноплеменной по составу населенія, необходимы твердость и могущество власти. Монархическій образъ правленія, при нѣкоторыхъ условіяхъ, обезпечиваетъ твердость и силу власти, а чрезъ то и порядокъ въ государствѣ. Главное и ничѣмъ незамѣнимое изъ этихъ условій — безпредѣльная преданность народа царю, основывающаяся на сознаніи, что власть его отъ Бога, что онъ — помазанникъ Божій, что въ немъ одицетворяется и возглавляется все царство, весь народъ, что онъ для народа — отецъ, а народъ для него — семья. Въ свою очередь и со стороны монарха требуются любовь къ народу, не-

усыпное попеченіе о его благѣ и пользахъ государства, единомысліе религіозное и политическое съ русскимъ народомъ, а также высокія умственные и нравственные качества необходимы для его труднаго служенія. Союзъ царя и народа укрѣпляется главною цѣлью ихъ дѣятельности, а эта цѣль—процвѣтаніе государства, благо народа, благополучіе гражданъ. Цѣли частныя: цѣлость государства, достойное и высокое положеніе его международное, развитіе его внутреннихъ силъ, развитіе народа религіозное, нравственное, умственное, процвѣтаніе наукъ, искусствъ, литературы, техники, промышленности, торговли, распространеніе грамотности и образованности.

Главные средства для достиженія этихъ цѣлей—любовь народа къ своей родинѣ, къ отечеству, патріотизмъ, а также преданность и вѣрность кореннымъ историческимъ устоямъ, на которыхъ созидалось, жило, крѣпло и возрастало царство русское, силою которыхъ разрозненныя славянскія племена объединились и составили одинъ великій русскій народъ, завоевавшій постепенно племена монгольскія и расширившій владѣнія Россіи на многія тысячи верстъ въ широту и долготу. Эти устои—христіанская православная вѣра и царская власть.

А. Вьяевъ.

ХРИСТОСЪ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

(Christus im modernen Geistesleben).

Е. ПФЕННИГСДОРФА. (Переводъ съ нѣмецкаго).

Искусство нуждается въ вѣрѣ.

(Продолженіе *).

1. *Вѣра въ идеалъ.* Искусство совершенно не можетъ дышать безъ вѣры въ высшій міръ, но блекнетъ и замираетъ, какъ цвѣтокъ, которому недостаетъ солнечнаго свѣта. Не слишкомъ ли много мы утверждаемъ? Въ настоящее время приходится часто слышать мнѣніе, что искусство не имѣетъ никакой другой цѣли, какъ копировать природу, волшебнo создавать міръ внѣшнихъ красокъ и черезъ изображеніе болѣе прекрасной дѣйствительности чаровать людей. Это возрѣніе ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаетъ достоинству искусства.

Если мы спросимъ великихъ художниковъ, которые постигали существо искусства по истинѣ глубочайшимъ образомъ, то мы получаемъ совершенно другое представленіе о дѣлѣ. „Произвольно сцѣплять фантастическіе образы, говоритъ Шиллеръ въ своемъ предисловіи къ „Мессинской невѣстѣ“, не значить дѣйствовать по идеалу, а подражательно воспроизводить дѣйствительность не значить изобразить природу“. Искусство должно открывать высшую идеальную дѣйствительность. Живописецъ Конти въ Лессинговомъ „Emilia Galotti“ выражаетъ этотъ взглядъ въ слѣдующихъ словахъ: „искусство должно рисовать, какъ творческая природа, если она есть, намѣтила себѣ образъ: безъ уклоненія (Abfall), какое неизбѣжно въ при-

*) См. № 5 журнала „Вѣра и Разумъ“ за 1906 годъ.

родъ въ виду противодѣйствія вещества; безъ порчи и гибели, чѣмъ угрожаетъ ему время“. Въ груди истиннаго художника живетъ идеаль пеземной божественной красоты, къ которой онъ старается приблизить свое произведеніе, вполнѣ, однако, не достигая этого. „Вотъ вы видите совершеннаго человѣка, — говорилъ Гете, когда рѣчь зашла о картинахъ Клода, — который прекрасно мыслилъ и чувствовалъ и въ душѣ котораго находился міръ, какъ его нелегко найти гдѣ-нибудь наружи. Картины имѣютъ высочайшую истину, но никакого слѣда дѣйствительности. Клодъ Лорренъ изучилъ реальный міръ до мельчайшихъ деталей и пользовался имъ, какъ средствомъ, чтобы отпечатлѣть міръ своей прекрасной души“ (Eskerman II, s. 88).

Идеально созерцаемое изобразить естественно—это дѣло мастера. Отсюда даже реализмъ, т. е. возможно вѣрное копированіе дѣйствительнаго міра, не можетъ служить цѣлью искусства; но также и идеализмъ, т. е. изображеніе идеаловъ, не можетъ быть признанъ, безъ всякихъ дополнительныхъ объясненій, истиннымъ направленіемъ искусства. Скорѣе искусство должно искать средствъ такъ изображать идеально созерцаемое, чтобы оно казалось реальнымъ или дѣйствительнымъ. Но чтобы міръ своей прекрасной души отпечатлѣвать, необходимо имѣть прекрасную душу; чтобы изображать идеально созерцаемое, необходимо вѣрить въ идеальное.

Поэтому вполнѣ вѣрно замѣчаніе Гете, что времена вѣры бывали всегда продуктивны и въ художественной области, времена же невѣрія, напротивъ, бесплодны и пусты. Ибо для художника необходима вѣра въ цѣнность и истину своего идеала. Онъ необходимо долженъ знать, что онъ имѣетъ нѣчто сказать и открыть людямъ. Многіе изъ нынѣшнихъ художниковъ не имѣютъ этой вѣры, а потому и ихъ произведеніямъ недостаетъ достоинства и впечатлѣнія необходимости ихъ. Они являются какъ бы къ минутному удовольствію людей, пущенными въ воздухъ разноцвѣтными мыльными пузырями, которымъ сами авторы ихъ не могутъ приписать значенія на продолжительное время. Создаютъ произведенія искусства и нерѣдко позабываютъ то положеніе, что всякое серьезное художественное твореніе является не слѣдствіемъ остроумія или

привхотливой фантазіи, но продуктомъ высшей необходимости, вдохновенія, вѣрующей преданности открывающемуся идеалу.

2. *Художественное вдохновеніе.* Каждый великій художникъ знаетъ, что онъ не можетъ ничего создать, если ему не будетъ дано. Это примѣнимо какъ по отношенію къ „идеѣ“, такъ и къ „настроенію“, которое потребно для воплощенія идеи. Шиллеръ и Гете постоянно принимали ихъ съ благодарностію, какъ Божій даръ. „Всякая продуктивность“, говоритъ Гете, „всякая значительная внезапная мысль, всякое изобрѣтеніе, всякая великая идея, которая приноситъ плодъ и имѣетъ послѣдствія,—не находится въ ничьей власти и возвышается надо всякою земною силою. Подобнымъ образомъ человѣкъ долженъ смотрѣть, какъ на неожиданные дары свыше, какъ по истинѣ на дѣтей Божьихъ, на тѣхъ людей, которыхъ онъ принимаетъ и почитаетъ съ радостною благодарностію“. (Ескерман III, s. 166). На сколько истинно это, знали объ этомъ уже Греки, которые всякую болѣе высокую мысль и дѣло относили къ вдохновенію Эроса, музъ или Аполлона. И кто не подтвердитъ на основаніи собственнаго опыта, что наши лучшія мысли блистаютъ въ насъ, какъ свѣтила ночью, и что великіе импульсы, спасительныя мысли, художественныя созерцанія падаютъ на душу, какъ молнія, такъ что въ виду этихъ неожиданныхъ пришельцевъ мы невольно изумляемся сами себѣ!

3. *Достоинство искусства.* Итакъ, истинный художникъ можетъ рассчитывать только на вдохновеніе и откровеніе. Но такіе опыты требуютъ открытости души для высшаго міра, возвышенія сердца надъ областью пошлой чувственности. Наши классики въ наивной увѣренности могли объявлять міръ ихъ идеаловъ наивысшимъ и единственно истиннымъ и были поддержаны въ томъ савтимальнымъ вѣкомъ; Богъ, свобода, безсмертіе—казались истинами рациональными и для cadaго ясными. Насколько тяжелѣе художникамъ настоящаго времени! Они болѣе не могутъ витать въ столь пріятномъ обольщеніи. Равнѣйшую наивную вѣру въ идеальный міръ разрушила разсудочная критика, и большинство не нашло никакого возмѣщенія ся. Матеріализмъ дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на творческую силу. Если міръ ничто иное, какъ куча ато-

мовъ, и человѣкъ ничто иное, какъ случайный результатъ безсознательнаго развитія, то искусство не можетъ быть ничѣмъ болѣе, какъ великимъ обманщикомъ, который чрезъ свои чары на нѣсколько часовъ отвлекаетъ отъ несчастія жизни. Но этимъ уничтожено достоинство искусства. Художникъ въ концѣ концовъ не дѣлаетъ иной высокой цѣли, чѣмъ клоунъ въ циркѣ. При такомъ міровоззрѣніи одушевленное, преданное, осчастливливающее творчество—невозможно. Потому то столь многихъ современныхъ художниковъ снѣдаетъ пессимизмъ вопреки всякимъ великимъ дѣламъ.

Утомленность жизни—характерная черта того новаго стиля въ художествѣ, который нашелъ свое выраженіе у Анзельма, Фейербаха, Puis de Chavann'a и Burne Jon-a и который угрожаетъ привлечь къ себѣ даже такихъ художниковъ какъ Людвигъ Гофманъ. Онъ говоритъ о вялой знати, объ исчезнувшей жизненной силѣ, которая болѣе не присуща тѣламъ и которой болѣе не повинуются члены. Люди болѣе не могутъ ходить, они витаютъ, скользятъ, тащатся съ опустившимися руками, кислыми минами или сдержанною улыбкою; глаза ихъ безъ блеска, вся фигура безъ осанки и жизни. Природа является утомленною, какъ и люди, солнце не свѣтитъ и не радуется, источникъ не журчитъ, лѣсъ не бушуетъ. Краски—блѣдны, неопредѣленны, анемичны, онѣ смѣшиваются, гдѣ возможно, на подобіе сомнительной двуличной тафты. Формы и линіи лишены жизнерадостнаго розмаха, энергичныхъ угловъ и окружностей. Только немногіе великіе художники, какъ Беклинъ и Кливгеръ, стоятъ за себя противъ этого стиля переутомленія жизни. Другіе хотя стремились къ тому же, но довели свой стиль только до натянутой, формированной силы, которая своею внутреннею слабостію никого не можетъ обмануть.

4. *Современный титанизмъ.* Мы видимъ, что съ особенною силою рисуютъ нужду, возмущеніе недовольныхъ и несчастливцевъ, яркими красками изображаютъ тяжести и несчастія земного бытія. Болѣзненная страстность, неразрѣшимый разладъ между потребностями и удовлетвореніемъ ихъ, запутанность и внутренняя негодность нашей цивилизаціи—

выставляются на видъ въ особенно сильныхъ штрихахъ. Думаютъ: это искусство боевое, мужественное, которое не прикрашиваетъ, но имѣетъ мужество раскрыть наши язвы. Но съ которыхъ поръ искусство стало хирургомъ?

Чувствуютъ себя какъ бы Титанами, когда противорѣчатъ высокому духу всего отъ тысячелѣтій преданнаго искусства и религіи и въ безцеремонной критикѣ относительно Бога и міра ощущаютъ свое собственное превосходство надъ всею этою ничтожною ветошью. Но съ коихъ поръ искусство стало имѣть задачу—критику?

Историкъ культуры Риль художниковъ этого рода называетъ въ своихъ „Religiosen Studien, S. 177 понурами (Kopfhänger)“ такъ какъ они повсюду въ природѣ видятъ только дурное и извращенное. Титанизмъ есть только обратная сторона пессимизма. Безпощадный смѣхъ надъ всѣмъ, что доселѣ духу человѣческому было священо и дорого, все уничтожающее сомнѣніе и невѣріе, позволяютъ остаться, наконецъ, нетронутымъ одному лицу самого критика, который теперь чувствуетъ себя „владыкою міра“ и въ сознаніи своей мощи въ состояніи нѣкоего рода мавніи величія смотритъ на себя самого съ удивленіемъ и даже изумленіемъ. Этотъ фокусъ французскіе освободители духа XVIII в. продѣлали гораздо остроумнѣе, чѣмъ какъ въ настоящее время мы можемъ подражать ему. Духовно созрѣвшій Гете на титанизмъ въ своей юности смотрѣлъ, какъ препобѣжденную болѣзнь юности. Исторія всѣхъ искусствъ учитъ насъ, что на продолжительное время утверждаются въ обществѣ только такіе труды, въ которыхъ художники стремились къ воплощенію идеала художественной красоты, а эта послѣдняя есть только „отблескъ открывающейся въ гармоніи міра Божественной красоты“. Сами художники, которые, какъ люди, бывали невѣрующими, но какъ художники, создавали свои бессмертныя творенія въ непосредственной преданности созерцаемому въ духѣ идеалу красоты. Но эта *наивная* вѣра въ такое время, когда надъ всѣмъ, даже надъ правомъ вѣры царитъ рефлексія, становится все болѣе трудною, если не совсѣмъ невозможною.

Потому художникъ нуждается въ такомъ міровоззрѣніи, ко-

торое способно вмѣстить его идеалы и придавать имъ все новую силу, а въ немъ самомъ сохранять воодушевляющее сознаніе и преданность призванію—открывать современникамъ міръ вѣчной красоты. Корнелиусъ сдѣлалъ однажды довольно важное замѣчаніе: „посмотрите на итальянское искусство; паденіе начинается тогда, когда живописцы перестаютъ носить въ себѣ Данта“¹⁾.

Почему? Потому что тѣмъ, кто углубляется въ него, онъ давалъ законченное міровоззрѣніе, въ которомъ ихъ высочайшіе идеалы находили духовное отечество. Онъ былъ для нихъ въ нѣкоторомъ родѣ второю Библіею и давалъ каждому то, въ чемъ онъ нуждался, чтобы согрѣться, просвѣтиться, утѣшиться и воодушевиться. Еще гораздо болѣе сама Библия для художниковъ всѣхъ временъ была неисчерпаемымъ родникомъ возвышенныхъ идей. Кто можетъ пересказать, что на основаніи этой книги нарисовано, изваяно, компанировано и напѣто? Знаменитѣйшими произведеніями мы обязаны единственно ей²⁾. Можетъ ли быть болѣе рѣшительное доказательство, что между христіанствомъ и искусствомъ нѣтъ враждебнаго отношенія, а только дружественное, чѣмъ именно фактъ могущественнаго и плодотворнаго вліянія, какое Библия или творецъ „Божественной комедіи“ оказали на развитіе искусства?

Б. *Микель-Анжело, его жизнь, творенія, идеализмъ.* Никто, можетъ-быть лучше не понималъ, болѣе не любилъ и не усвоилъ себѣ Данта, чѣмъ Микель-Анжело, величайшій художникъ-ваятель со временъ Фидія. Возвышенность его концепцій, глубоко-внутренняя жизнь его созданій, безпримѣрная мощь въ овладѣваніи веществомъ, неутомимое прилежаніе по части отдѣлки—всѣ эти качества коренились въ могучей питательной почвѣ заповѣданнаго Дантомъ христіанскаго

¹⁾ Hermann Grimm, Leben Michelangelos, II Band S. 69. Это превосходно написанная біографія, которая такъ легко, какъ едва ли другой какой трудъ, вводитъ въ эпоху и искусство ренессанса.

²⁾ Въ южно-нѣмецкомъ издательскомъ обществѣ (Штуттгартъ) явившаяся художественная Библия представляетъ сильнѣйшее свидѣтельство за это. Изъ великихъ мастеровъ ренессанса и далѣе до настоящаго времени не отсутствуетъ ни одно знаменитое имя.

міровоззрѣнія, изъ котораго все снова и снова приливали къ нему обновляющія творческія силы.

Никто нынѣ не предугадываетъ, какія муки претерпѣвалъ этотъ мужъ, который украсилъ потолки Сикстинской капеллы своими бессмертными картинами. 22 мѣсяца онъ работалъ, большею частью лежа на спинѣ, когда краски съ поднимаемой кисти капали на бороду, волоса и лицо; при этомъ онъ долженъ былъ выносить клеветы со стороны враговъ, ежедневный натискъ со стороны нетерпѣливаго папы, которому казалось, работа идетъ слишкомъ медленно; удрученной заботами о семьѣ отца, онъ постоянно осаждался просьбами со стороны братьевъ неудачниковъ. Это — почти больше, чѣмъ человѣкъ могъ перенести. При такихъ обстоятельствахъ появились картины творенія и первобытной исторіи нашего рода.

Часто не знаютъ, чему должно удивляться въ этомъ мужѣ, его ли благочестивому сердцу, его желѣзной волѣ, его великой мощи, или его неисчерпаемой фантазіи. Великъ, какъ поэтъ, еще болѣе великъ, какъ архитекторъ и живописецъ, недостижимъ, какъ ваятель, гигантъ, превзошедшій блескомъ столѣтія и всѣмъ позднѣйшимъ поколѣніямъ проложившій путь, и однако же мы не находимъ въ немъ никакого слѣда превозношенія „сверхчеловѣка“. Сила генія, которую онъ замѣчалъ въ себѣ, никогда не могла увлечь его къ самообожанію. Онъ хорошо зналъ силу красоты и испытывалъ такъ часто ея чары на самомъ себѣ. Но его духъ чрезъ земно-прекрасное возвышался къ вѣчной красотѣ. Послушаемъ его самого: „Ничто не дѣлаетъ душу столь благочестивою и чистою, какъ усиліе создать нѣчто совершенное. Ибо Богъ есть совершенство, и кто стремится къ совершенству, тотъ стремится къ божественному. Истинная живопись есть только отобразъ совершенства Бога, тѣнь кисти, которою онъ рисуетъ, мелодія въ стремленіи къ созвучію“. Это возвышенное пониманіе искусства онъ выразилъ въ многочисленныхъ сонетахъ. Такъ въ одномъ сонетѣ онъ поетъ: „когда впервые озарилъ меня твой свѣтъ, для меня пересталъ существовать всякій земной свѣтъ; мой духъ въ изумленіи видѣлъ уже небо открытымъ, и вѣчный миръ снисходилъ въ мое сердце. Прелесть цвѣтовъ, возник-

шихъ изъ низкой матеріи этой земли, никогда не успокаиваетъ моего сердца; первоисточникъ красоты—его цѣль и надежда; оно устремляется къ вѣчной красотѣ и благодати“.

Отъ всего прекраснаго, что разсѣяно по міру, восходить къ вѣчной красотѣ и чрезъ это самому становится прекраснѣе и лучше—вотъ путь ко спасенію, который долгое время предпочтенъ художнику. Но онъ былъ слишкомъ серьезная и нравственная натура, чтобы онъ могъ успокоиться на такой точкѣ зрѣнія. Проповѣдь Савонаролы о покаяніи, произведенія котораго онъ всегда перечитывалъ на ряду съ Библіею и Дантомъ, производила на него неизгладимое впечатлѣніе, его смерть за истину и свободу потрясла его на долгое время. Къ этому присоединилась скорбь о возможности для Флоренціи потерять свободу и нѣкотораго рода кручина, которая глодала его одинокое сердце. Такимъ образомъ онъ приходитъ къ признанію, что красота не можетъ уничтожить раздвоенія между долженствованиемъ и бытіемъ и что искусство не можетъ доставить мира душѣ.

Равьше при дворѣ Лоренса Медичи, Микель Анжело усвоилъ себѣ основныя воззрѣнія Платоновой философіи, которыми и руководилась его мысль. Человѣческій духъ былъ для него искрою Божества, изгнанникомъ изъ домірнаго состоянія радости въ темницу земной матеріи и призваннымъ къ возвращенію на небо. Грѣхъ состоялъ въ заблужденіи, отсюда само собою разумѣется, въ чемъ должно заключаться въ концѣ концовъ спасеніе. Теперь съ полною ясностію пробуждается въ немъ христіанское чувство виновности, а чувство своего безсилія и грѣха повергаетъ его къ ногамъ Распятаго. „Болѣе необремененный тяжелою ношею, удалившійся міра и утомленный, я обращаюсь къ тебѣ, Господи, подобно тому, какъ корабль можетъ достигнуть пристани, если одолѣетъ жестокую бурю. Тернія и руки пронзенныя, Твой ликъ въ смиреніи воспринявшій ударъ, обѣщаютъ мнѣ, робко кающемуся, благодать: такъ бѣдная душа надѣется стать здоровою. При судѣ надо мною, пусть твое Божественное око не взираетъ на мое недостойнство, твое ухо не внимлетъ, ни рука твоя не поднимается противъ него! Твоя кровь совершенно омываетъ меня отъ

грѣха; о да будетъ мнѣ, чѣмъ старѣе я, тѣмъ болѣе скорая помощь и прощеніе“!

О глубокомъ самопознаніи художника свидѣтельствуемъ слѣдующее его признавіе: „жиропись, ваяніе не подаритъ покоя той душѣ, которая взираетъ къ любви Божіей, открывающей намъ со креста распростертыя объятія“.

Чѣмъ долѣе, тѣмъ больше выступаетъ девизъ его жизни: „я не могу лежать въ пропасти, меня могутъ удовлетворить только высокія вершины: это твое сердце, твое сердце, Спаситель“. Въ томъ заключается истинное христіанство, когда поэтъ, исполненный святаго безпокойства, усиленно стремится къ вѣрѣ, „дару даровъ“, который „единственно даетъ миръ“. Стремящійся къ миру совѣсти, подавленный чувствомъ грѣховности, онъ все снова и снова ищетъ убѣжища себѣ въ милосердіи Божіемъ. „При послѣднемъ исходѣ, о! простри, Господи, обѣ милосердныя десницы ко мнѣ на землю, возьми меня отъ меня самого, чтобы я сталъ вѣчно Твоимъ“!

Въ тоскѣ по смерти онъ заключаетъ другой сонетъ слѣдующею пламенною молитвою: „о плоть! о кровь! о крестъ! о горькая смерть! сдѣлай меня правымъ! отними отъ меня повошеніе грѣха, печальное наслѣдіе мое и моихъ отцовъ! Только Ты, благъ, отрѣши отъ меня мои вужды; мнѣ, который такъ близокъ ко дню смерти, и, однакоже, такъ далекъ отъ Тебя о! помоги прежде, чѣмъ я умру“!

18 февраля 1564 года для девяносто лѣтняго художника пробилъ желанный часъ смерти.

Куполь собора Петра, самый прекрасный во всемъ свѣтѣ, будетъ и впредь удивлять тысячи людей своимъ гармоническимъ устройствомъ. Статуи Давида и Моисея, умирающаго раба, ночи и утра и множество другихъ изваяній художника останутся недостижимыми образцами пластическаго искусства и не престанутъ наполнять зрителей благоговѣйнымъ удивленіемъ предъ многосторонностію и величіемъ этого гениа. Его картины, съ одной стороны, пробившія новый путь виртуозною обработкою обнаженнаго и укороченій, съ другой—увлекающія смѣлостію и возвышенностію фантазіи, будутъ блистать несравненною красотою, хотя бы онѣ потускнѣли отъ пыли сто-

лѣтій. Но мы не хотимъ забывать изъ за произведеній художника, изъ за камня и красокъ живое сердце его, которое послѣ страданій и борьбы достигло блаженнаго мира и изъ родника христіанской вѣры и размышленія черпало великія мысли, глубокое чувство и никогда не утомлявшееся прилежаніе,—чему мы удивляемся въ его твореніяхъ.

6. *Микель-Анджело и Рафаэль.* Бросимъ еще разъ взглядъ на художника. Микель-Анджело былъ идеалистъ, можетъ быть величайшій изъ жившихъ когда-либо. Не по недостатку природы! Какъ онъ зналъ, ни одинъ художникъ не зналъ человѣческаго тѣла. Съ желѣзнымъ прилежаніемъ онъ отдавался изслѣдованію строенія человѣческаго тѣла. Во Флоренціи онъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ занимался анатоміей. Когда вскрытіе труповъ въ то время было запрещено, онъ позволялъ за-пирать себя на цѣлыя ночи въ мертвецкой. Взглядъ на его фигуры убѣждаетъ насъ въ несравненномъ мастерствѣ, какое онъ пріобрѣлъ по части расположенія лѣса человѣческихъ костей и мускуловъ. Играючи, онъ препобѣждаетъ трудности необычныхъ положеній и мѣстъ. Почти съ непогрѣшимою вѣрностію умѣетъ онъ достигать цѣли и даже по отношенію къ труднѣйшимъ движеніямъ сохранить иллюзію свободы и естественности: „тѣло Авроры на гробницѣ Медичи во Флоренціи лежитъ еще неподвижно, какъ оно пролежало ночь, только лѣвая нога приподнялась и приводитъ тѣло вяло въ такое положеніе, какое оно имѣетъ привять при вставаніи и лѣвая рука устало простирается къ плечу, чтобы тихо снять съ головы покрывало. Удивительно превосходный образъ пробужденія, не уступающій позади лежащей фигурѣ ночи, въ которой все должно спать, если такое бедро и такая рука при естественномъ положеніи могли погрузиться въ сонъ“.

Но при всей поразительной вѣрности природѣ, какую обнаруживаютъ его творенія, Микель-Анджело былъ, однакоже, идеалистомъ въ самомъ высокомъ смыслѣ слова. Ему не приходило въ голову простую копію природы считать за произведеніе искусства. Онъ хочетъ въ своихъ образахъ выразить высокія идеи, идеи, какъ онѣ по ту сторону вещества пребываютъ и открываются только духовному оку. Но онъ старался

съ титаническими усиліями препобѣдить это раздвоеніе и отобразить въ веществѣ вѣчныя божественныя идеи. Онъ вѣритъ въ реальность духовнаго міра. Онъ мыслить слишкомъ много о себѣ, о людяхъ и мірѣ, чтобы онъ могъ довольствоваться дурною дѣйствительностію. И Рафаэль, его младшій современникъ и болѣе счастливый соперникъ, былъ преданъ благородному идеализму. Съ ясною радостію онъ смотритъ во кругъ себя. У него мы не находимъ ничего изъ того трагическаго раздвоенія, надъ побѣдою котораго работалъ Микель-Анджело. Онъ держится болѣе поверхности вещей. Для него міръ достаточно прекрасенъ, чтобы на основаніи его реальныхъ проявленій предчувствовать его болѣе глубокую истину и придавать ей художественный образъ. Чисто человѣческое для него есть божественное; его мадонны суть ласковыя матери, его дитя Христосъ—прижимающіяся или весело играющія дѣти—и только въ сикстинской картинѣ Мадонны въ Дрезденѣ рядомъ съ дѣвственнымъ ликомъ Дѣвы-Маріи дитя изъ небесной славы глядитъ на міръ глазами Юпитера-громовержца, полугрознымъ взоромъ будущаго судьи. Иначе искусство Рафаэля есть почти всегда только ласкающее прославленіе посюсторонняго¹⁾.

7. *Дюреръ и Корнелиусъ*. Если мы обратимся взоромъ къ нѣмецкимъ живописцамъ, то есть только двое, коихъ мы осмѣливаемся по духу и характеру сравнять съ Микель-Анджело: Альбрехтъ Дюреръ и Петръ Корнелиусъ.

Дюреръ, по искусству и по настроенію первый изъ нѣмецкихъ живописцевъ, былъ серіознымъ и тонкимъ умомъ, исполненнымъ глубокаго религіознаго чувства. По многосторонности онъ едва ли уступалъ Микель-Анджело. Онъ былъ не только великимъ рисовальщикомъ и живописцемъ, но и піонеромъ въ гравированіи по мѣди и желѣзу, изобрѣтателемъ самаго гравировальнаго искусства, однимъ изъ первыхъ нѣмецкихъ географовъ, искуснымъ архитекторомъ и авторитетомъ по постройкѣ крѣпостей. Воспитанный въ католической вѣрѣ, онъ скоро, однакоже, сдѣлался искреннимъ приверженцемъ реформаціи.

1) Nach. L. Witte, Aus Kirche und Kunst, 1897 г., s. 250.

Когда въ 1521 году прошло ложное извѣстіе, что Лютеръ захваченъ измѣннически, онъ писалъ такъ въ своемъ дневникѣ: „О, Боже, Лютеръ мертвъ, кто будетъ намъ вмѣсто него такъ ясно излагать святое евангеліе! Ахъ, Боже, что еще въ десять или двѣнадцать лѣтъ онъ могъ написать намъ! О, вы всѣ благочестивые христіане, помогите мнѣ оплакать этого боговдохновеннаго человѣка и просить его, чтобы онъ послалъ намъ другаго просвѣщеннаго мужа“.

Чѣмъ Савонарола былъ для Микель-Анжело, тѣмъ для Дюрера сталъ Лютеръ. Сердце его раскрылось благодаря доброй вѣсти изъ Виттенберга. Какъ истый художникъ, онъ схватилъ его исповѣданіе вѣры въ одномъ художественномъ созданіи. Въ 1526 г. онъ подарилъ совѣту Нюренберга двойную картину, на которой онъ изобразилъ ап. Іоанна съ Петромъ и ап. Павла съ Маркомъ. Іоаннъ и Павелъ—главныя фигуры. Между тѣмъ какъ Іоаннъ въ красной мантии задумчиво смотритъ въ открытую книгу, ап. Павелъ въ бѣломъ одѣяніи, закрывъ книгу, сильною рукою беретъ мечъ и гнѣвно смотритъ съ картины. Испытаніе истины и мужественная защита ея—въ этомъ, очевидно, сравниваются характеры и стремленія апостоловъ. Въ библейскихъ текстахъ, которые Дюреръ собственноручно написалъ подъ картинами, онъ выразилъ свое намѣреніе еще яснѣе¹⁾. Если у Микель Анжело мы находимъ преобладающимъ серьезное, часто печальное и тяжелое настроеніе, то у Дюрера серьезность и чистая жизнерадостность находятся въ здоровомъ равновѣсіи.

Иное опять мы видимъ у Корнелиуса, который, какъ Микель-Анжело, сталъ страдать съ годами всевозрастающею меланхоліею и также въ другомъ по многимъ чертамъ обнаруживаетъ поразительное подобіе съ великимъ Флорентинцемъ. Также и онъ испытывалъ мученія отъ злобныхъ завистниковъ и капризовъ сіятельнаго покровителя. Какъ и тотъ, онъ имѣлъ „голову поэтическую“, великую въ ея проѣктахъ, глубокомысленную въ ея композиціяхъ, богатую высокою фантазіею; для него міръ внѣшнихъ явленій имѣлъ значеніе и достоинство,

¹⁾ Срав. Textbuch zu Seeman Kunst-historischen Bilderbogen.

только посколькѣ онъ представлялъ ему средства для выраженія своихъ мыслей. Также онъ носилъ въ своемъ сердцѣ горячую преданность отечеству. Душа его ликовала, до Рима достигали извѣстія о нѣмецкихъ побѣдахъ и геройскихъ подвигахъ борцовъ за свободу. Что также и искусство должно имѣть часть въ возрождавшемся величіи нѣмецкаго народа, въ этомъ онъ былъ твердо увѣренъ. Въ одномъ письмѣ къ Горресу онъ писалъ отъ 3 ноября 1814 г.: „За самое могучее, я хотѣлъ бы сказать, непогрѣшительное средство—заложить для нѣмецкаго искусства фундаментъ къ новому соотвѣтствующему великому вѣку и духу націи направленію я считаю восстановленіе живописи альфреско, какъ она была въ Италіи во времена великаго Джіотто до божественнаго Рафаэля“.

Возвратившись въ Германію, онъ домогается въ Дюссельдорфѣ, затѣмъ въ Мюнхенѣ привести въ исполненіе это намѣреніе. Но только въ Берлинѣ благодаря благоволенію просвѣщеннѣйшаго Фридриха Вильгельма IV, казалось, давно лелѣянный планъ христіанскаго эпоса, новой „божественной комедіи“ осуществится. Изъ простыхъ библейскихъ изреченій о смерти, какъ оброкѣ грѣха, и о вѣчной жизни во Христѣ (Римл. VI, 23) онъ развивалъ обширную систему мыслей и образовъ, къ чему матеріалъ доставляли ему евангеліе и апокалипсисъ. Онъ повѣствуетъ объ избавленіи отъ грѣха чрезъ рожденіе и смерть Христа, изображаетъ Божество Христа и перенесеніе Его силы на церковь, какъ ручательство спасенія, и рисуетъ, наконецъ, предъ нашими глазами конецъ земной и начало вѣчной жизни. Въ совершенно художественномъ расчлененіи, картины незамѣтно переходятъ одна въ другую. „Каждый вздохъ при этой работѣ“, пишетъ онъ, доставляетъ мнѣ глубокое блаженство“.

Величайшее впечатлѣніе во всякомъ случаѣ производятъ апокалиптические всадники, такъ какъ въ этой сценѣ могла торжественнѣйшимъ образомъ проявиться склонность его природы къ фантастичности. До самой своей смерти съ неослабѣвающей производительностью художникъ работалъ на картонахъ, которые нынѣ сохраняютъ почетное мѣсто въ національной галлерей въ Берлинѣ. Сила выраженія, богатство

фантазіи, глубина релігійознаго чувства, сердечное довѣріе къ библейскимъ разсказамъ позволяютъ признать эти картонны довольно краснорѣчивыми, чтобы намъ исполниться удивленія предъ величіемъ этого художника.

Невозможно прослѣдить всѣ области искусства и показать на каждой въ отдѣльности, какъ христіанская вѣра была для духа художниковъ не тѣснымъ башмакомъ, но скорѣе крыломъ; какъ она давала имъ не только силу, радость и вдохновеніе въ ихъ высокомъ призваніи, но часто даже высокіе образы и идеи, въ разработкѣ которыхъ ихъ способности находили благодарную задачу.

8. *Предложеніе Штрауса.* При этомъ необходимо, однако, избѣгать предложенія Штрауса. Именно: въ своей „Старой и новой вѣрѣ“ онъ думаетъ, что въ искусствѣ должно искать возмѣщенія релігійи и въ часы досуга назидать себя посредствомъ искусства, поэзіи и тому подобнаго. Если разсматривать это предложеніе строго, то оно окажется софистическимъ или прямо-таки неумнымъ. Ибо истинно великія произведенія искусства имѣютъ почти всѣ релігійозное содержаніе, и художники, создавшіе эти произведенія, не были какими-либо безнадежно атеистическими умами, но творили изъ исполненнаго благоговѣнія предъ Богомъ духа и были часто искренними христіанами. Наслажденіе, которое они доставляютъ, для атеистовъ запретно или смѣшно. Какъ можно внимать звукамъ матеевской пассіи или повимать ораторію Генделя, если, будучи лишены всякой вѣры, не умѣютъ цѣнить глубоко захватывающія христіанскія идеи, и релігійозное одушевленіе, подъ вліяніемъ котораго онѣ возникли, объявляютъ бессмысленнымъ? Отсюда въ предложеніи Штрауса заключается открытое признаніе несогласованности въ немъ самомъ; ибо по своему раннѣйшему образованію онъ стремился къ занятіямъ высокаго достоинства; но плебейскія мысли, которыя позднѣе онъ извлекалъ изъ популярныхъ и бездушныхъ матеріалистическихъ писателей для своего частнаго употребленія, дѣлаютъ невозможнымъ всякое наслажденіе идеальною жизнію и по праву оставляютъ только чувственныя наслажденія прозаической жизни (Feichmüller).

Есть не мало людей, которымъ атеистическое настроеніе представляется очень милымъ, какъ и Штраусу—вѣдь такъ интересно занимался музыкою и нашими великими поэтами! Для такихъ людей, которые не имѣютъ никакого предчувствія относительно послѣдовательности въ мысляхъ, Штраусъ и писалъ. Для насъ можетъ быть совершенно безразличнымъ, прекрасно-ли и остроумно приложение къ „Новой и Старой вѣрѣ“, или нѣтъ, если не можетъ быть доказано, что источникомъ этихъ преимуществъ было атеистическое направленіе Штрауса. Для мыслящаго человѣка совершенно ясно, что атеизмъ долженъ отказаться отъ восхищенія Гёте, Шекспиромъ, Генделемъ, Бахомъ и т. под., когда онъ своихъ приверженцевъ принуждаетъ смотрѣть на эти великіе умы, какъ на людей забавныхъ и сумасбродныхъ, которые не имѣли никакого предчувствія объ истинномъ ходѣ вещей и погружены были въ воображаемый міръ идеаловъ: это—совершенно безопасные и забавные мечтатели, которыхъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не будетъ принимать серьезно. Такое сужденіе совершенно достаточно, чтобы обнаружить пустоту ихъ собственной точки зрѣнія и каждому, кто желаетъ видѣть, показать, что послѣдовательный атеизмъ дѣлаетъ совершенно невозможными великія художественныя произведенія.

N. N.

(Продолженіе будетъ)

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССІЯ ВЪ ЯПОНИИ.

(Продолженіе *).

III.

Статистическія данныя о миссіи за послѣднія 18 лѣтъ. Миссійскія учебныя заведенія. Катихизаторы, діаконы и священники. Характеристика японскихъ христіанъ. Ежегодные соборы. Путешествія преосв. Николая по общинамъ. Токійскій соборъ (храмъ). Издательская дѣятельность миссеи.

Слѣдующая таблица представляетъ статистическія данныя о состояніи православной японской миссіи за послѣдніе 18 лѣтъ. Здѣсь мы приводимъ пока лишь голыя цифры безъ всякаго ихъ анализа.—Черточка (—) показываетъ, что соотвѣтствующая дата отсутствуетъ въ имѣющихся у насъ подъ руками источникахъ.

Годы.	Число всѣхъ христіанъ.	Число общинъ.	Число ново-обращенныхъ.	Число священ.	Число діаконъ.	Число катихизат.	Число причтн.
1887	15541	—	1756	16	3	139	--
1888	16195	215	2420	16	4	139	—
1889	17614	215	1659	17	—	125	10
1890	18635	216	1011	19	—	132	—
1891	19600	217	912	22	—	137	—
1892	—	—	1738	—	—	—	—
1893	21239	220	1182	20	6	159	17
1894	21712	220	1089	—	—	154	—
1895	22576	220	826	22	—	158	17
1896	23153	225	937	22	5	165	17
1897	23856	225	992	27	5	156	16
1898	24531	226	970	28	5	149	16
1899	25231	233	989	28	5	152	15
1900	25994	257	1099	28	6	150	16
1901	26680	259	983	28	8	149	14
1902	27504	260	1103	30	8	144	13
1903	28320	260	1036	28	8	146	12
1904	28597	260	656	28	7	151	12 ¹⁾

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 5 за 1906 г.

¹⁾ Отчеты миссіи за соотвѣтствующіе годы помѣщены въ „Церк. Вѣдом.“ и въ отчетахъ Оберъ-Прокурора Св. Синода.

Переходя къ изложенію современной организаціи японской миссіи, мы прежде всего должны взглянуть на педагогическое дѣло миссіи, какъ важнѣйшее условіе всякой общественной и государственной организаціи.

Главное учебное заведеніе миссіи—семинарія. Здѣсь изучаются всѣ науки средне-учебныхъ заведеній, кромѣ древнихъ языковъ. Преподаватели въ младшихъ классахъ—лучшіе изъ бывшихъ воспитанниковъ семинаріи, въ старшихъ—лица съ академическимъ образованіемъ. Во главѣ педагогическаго персонала стоитъ самъ преосв. Николай, тоже часто дающій уроки въ старшихъ классахъ. Поступаютъ въ семинарію малолѣтніе японцы. Поступающіе—по большей части не христіане (такая практика повидимому существуетъ и въ катихизаторскомъ училищѣ¹⁾). Если кому понравится христіанство—принимаетъ крещеніе и остается оканчивать курсъ, въ противномъ случаѣ уходитъ изъ семинаріи²⁾. Здѣсь повѣтому случается, что иногда цѣлые классы вовсе пустуютъ и рѣдко-рѣдко воспитанники есть на всѣхъ курсахъ. Преподаваніе идетъ на японскомъ языкѣ, „хотя учебники попадаютъ еще и русскіе. Въ классахъ сидятъ по японски—прямо на полу, причемъ вмѣсто нашихъ партъ служатъ длинныя низкія скамейки³⁾. Начиная съ пятаго класса семинаристы уже практически приготавливаются къ проповѣди. Для этого каждому назначаются частные дома въ Токио, гдѣ онъ въ свободное отъ научныхъ занятій время и ведетъ бесѣды о христіанствѣ⁴⁾.

Моральный уровень воспитанниковъ семинаріи чрезвычайно высокъ. Какъ семинаристы, такъ и ихъ преподаватели представляютъ изъ себя общую, братски сплоченную семью, у которой общи и горе и радость, и несчастье и счастье. „Учащіеся, начиная съ самыхъ старшихъ и кончая самыми младшими“, говоритъ оберъ-прокуроръ Св. Синода въ отчетѣ за 1890—91 г.г., „крѣпко сознаютъ, что они учатся для того, чтобы быть проповѣдниками ученія Христова въ своей странѣ,

¹⁾ Всенод. отчетъ Оберъ-Прокурора за 1890—1891 г.г., стр. 31 и 32.

²⁾ Ibid., стр. 311.

³⁾ Архим. Сергій, *ibid.*, стр. 87 и 91.

⁴⁾ Всенод. отчетъ Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1890—1891 г.г., стр. 312.

покрытой мракомъ язычества, и что они сами должны быть достойны своего будущаго званія. И это сознаніе у нихъ не ослабѣваетъ, а напротивъ, по мѣрѣ ихъ ознакомленія съ христіанствомъ и тѣмъ положеніемъ, въ которое оно ихъ поставляетъ, все усиливается и усиливается¹⁾. О какихъ бы то ни было раздорахъ между воспитанниками, о казенномъ обращеніи съ ними преподавателей, въ токійской семинаріи никто никогда и не слыхалъ. Здѣсь одни готовятъ, а другіе готовятся выступить на служеніе обществу въ истинномъ смыслѣ этого слова. У всѣхъ одна цѣль, однѣ симпатіи и одни средства къ достиженію этой цѣли. Всѣ и каждый въ отдѣльности сознаютъ, что все ихъ дѣло рухнетъ, всѣ ихъ надежды исчезнутъ, если они не будутъ поддерживать одинъ другого, цѣпляться другъ за друга. Наконецъ, каждый воспитанникъ ясно понимаетъ, что его будущее дѣло требуетъ большого ума, развитія, начитанности и находчивости. И какъ прилежны токійскіе семинаристы, съ какой охотой и радостью посѣщаютъ они свои уроки, съ какимъ похвальнымъ упорствомъ и ревностью стараются изучить и уловить каждую мысль, каждую черточку изучаемой науки! Здѣсь нѣтъ и тѣни той мертвечины и рутинности, той забитости и запутанности, которая такъ пышно процвѣтаетъ въ нашихъ російскихъ семинаріяхъ. Напротивъ, въ токійской семинаріи отъ всего дышетъ жизнью, энергіей, сознаніемъ своего человѣческаго достоинства, сознаніемъ важности и величія предстоящей, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, дѣятельности.

Все сказанное о постановкѣ воспитательнаго дѣла въ семинаріи можно приложить и къ катихизаторскому и къ причетническому и къ женскому училищамъ миссіи, какъ въ самомъ Токио, такъ и въ другихъ мѣстахъ (напр. Хакодате, Кёото)²⁾.

Такимъ образомъ педагогическая сторона дѣятельности японской миссіи вполне стоитъ на высотѣ своего положенія (всегдашнія матеріальныя затрудненія—вотъ что только разбѣдаетъ улучшеніе школьнаго дѣла въ *техническомъ* отношеніи). Фактъ

¹⁾ Стр. 311.

²⁾ Всеподан. отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1883 г. стр. 200; тамъ же—за 1890—91 г.г. стр. 311; Архим. Сергій, *ibid.*, стр. 89.

огромнаго значенія и важности! Онъ уже а priori говоритъ намъ, что за люди японскіе православные священнослужители и катихизаторы, какую нравственную силу они изъ себя представляютъ, какой репутаціей пользуются между христіанами и каковы, наконецъ, и эти самые христіане...

Вотъ таблица учащихся нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній миссіи. Поставленныя въ графикахъ черточки (—) опять показываютъ, что соотвѣтствующая дата отсутствуетъ въ имѣющихся у насъ подъ руками источникахъ.

Годы.	Семппаріал.	Катих. учил.	Женск. учил.	Причет. учил.	Училище для дѣтей въ Хакодате.
1888	65	21	20	36	193
1889	56	19	49	17	184
1890	89	14	—	—	—
1891	65	53	—	—	—
1892	—	—	—	—	—
1893	45	18	86	5	112
1894	—	—	—	—	—
1895	47	18	76	6	92
1896	53	11	77	4	69
1897	58	7	79	4	54
1898	70	9	81	—	—
1899	64	10	74	—	—
1900	62	9	77	—	—
1901	53	13	72	—	—
1902	84	16	80	—	—
1903	70	16	81	—	—
1904	53	10	83	—	— 1)

1) Отчеты миссіи за соотвѣтствующіе годы въ „Церковн. Вѣдом.“ и отчеты оберъ-прокура Св. Синода за тѣ-же годы.

Какъ указано выше, первую ступень служителей церкви (не имѣющихъ духовнаго сана, а лишь проповѣдниковъ) составляютъ катихизаторы. Различаются три категоріи катихизаторовъ: собственно катихизаторъ, катихизаторскій помощникъ и катихизаторскій ученикъ. Катихизаторскій ученикъ—это молодой человѣкъ, только что окончившій семинарію или катихизаторское училище и не имѣвшій еще практики. Онъ проповѣдуетъ подъ руководствомъ катихизатора. Чрезъ извѣстный промежутокъ времени, смотря по заслугамъ, молодой проповѣдникъ получаетъ должность катихизаторскаго помощника, съ которой соединено уже больше самостоятельности и отвѣтственности. Состоитъ онъ также въ вѣдѣніи катихизатора. И наконецъ уже опытный въ проповѣди получаетъ степень собственно катихизатора и ставится съ этихъ поръ подъ непосредственный надзоръ священника ¹⁾.

Катихизаторъ обязанъ вести дневникъ проповѣдей и посылать въ двухъ экземплярахъ краткіе ежемѣсячные отчеты о состояніи своей общины (или общинъ) священнику. Священникъ въ свою очередь одинъ экземпляръ отсылаетъ въ миссію въ Токио, а по другому ревизуетъ катихизатора; при этомъ свидѣтелями являются церковный староста и сами христіане ²⁾.

Надъ входомъ въ проповѣдническій домъ помѣщается вывѣска: „Домъ для проповѣдей православной вѣры“. Обстановка скромная, простая. На стѣнѣ виситъ икона; сбоку помѣщается небольшой шкафикъ, на которомъ лежитъ Евангеліе и нѣсколько религіозно-нравственныхъ книгъ; въ углу стоитъ столикъ. За нимъ-то въ опредѣленное время и можно видѣть катихизатора, ведущаго бесѣды со своими слушателями (какъ язычниками, такъ и христіанами) ³⁾. Весьма большое неудобство заключается въ томъ, что каждый проповѣдникъ имѣетъ въ

¹⁾ Всепол. отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1888 г., стр. 251; „Прибав. къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“, 1889, № 27, стр. 787. Указанный, порядокъ имѣетъ себѣ мѣсто *большую частію*. Бываютъ въ зависимости отъ образованія и исключенія.

²⁾ Прибав. къ Церков. Вѣдом., 1889, № 27, стр. 786.

³⁾ Прибав. къ Церков. Вѣдом., 1891, № 13, стр. 404.

своемъ округѣ 3—4 такихъ проповѣдническихъ дома, которые и долженъ аккуратно посѣщать. За недостаткомъ средствъ приходится дѣлать громадныя разстоянія пѣшкомъ; дороги часто плохія, проселочныя, обувь изнашивается быстро; прійдетъ изморенный, измученный проповѣдникъ въ одно мѣсто, пробудетъ тамъ нѣсколько часовъ, какъ снова уже надо спѣшить въ другое, а тамъ и въ третье. И такъ изо дня въ день, съ мѣсяца на мѣсяць, изъ года въ годъ ¹⁾...

Кромѣ помѣщевій, специально отведенныхъ для проповѣдей, послѣднія со времени благодѣтельной конституціи, давшей свободу слова и собраній, производятся также на многолюдныхъ площадяхъ большихъ городовъ, въ клубахъ и залахъ общественныхъ собраній и даже въ театрахъ. Христіане обыкновенно приводятъ къ проповѣднику желающихъ познакомиться съ христіанскимъ ученіемъ—проповѣдь тутъ же на любомъ мѣстѣ и начинается. Ея успѣхъ въ значительной степени обуславливается и тѣмъ обстоятельствомъ, что японцы необыкновенно любятъ слушать и произносить рѣчи. Нѣтъ страны въ мірѣ, которая бы превосходила Японию въ этомъ отношеніи. То, что у другихъ народовъ „балъ“, „вечеринка“, здѣсь называется „ензецуквай“—собраніе для рѣчей. Съ необыкновеннымъ вниманіемъ, по нѣсколькимъ часамъ подрядъ слушаютъ японцы рѣчи, какого бы содержанія и характера онѣ ни были ²⁾.—Вотъ дѣйствительно народъ, умѣющій терпѣливо и до конца (въ общей конечно массѣ) выслушивать своего противника и уважать чужія мнѣнія! Преосв. Николай буквально таки не нахвалится этой симпатичнѣйшей чертой японскаго народа, видящаго въ другихъ *равноправную* съ собою личность и слѣд., безусловно толерантнаго. Чтобы не быть голословнымъ, достаточно указать на тотъ быющій въ глаза фактъ, что когда въ 1872 г. протестантскіе миссіонеры хотѣли было потребовать у японскаго правительства полицейской гарантіи противъ фанатиковъ-буддистовъ, то преосв. Николай сумѣлъ

¹⁾ Ibid.; также „Вселодданнѣйшій отчетъ Оберъ-прокурора“ за 1890 г., стр. 305—306.

²⁾ Прибав. къ Церков. Вѣдом., 1891, № 26, стр. 872.

разубѣдить ихъ (миссіонеровъ) не дѣлать этого, такъ какъ фанатиковъ этихъ вовсе нѣтъ (опять таки въ общей массѣ), и петиція объ охранѣ лишь могла только оскорбить японское общество въ его лучшихъ чувствахъ ¹⁾!

За недостаткомъ катихизаторовъ, въ вѣдѣніи cadaго изъ нихъ состоитъ по двѣ, а иногда и по три общины. Есть и такія общины, куда катихизаторъ рѣдко и заглядываетъ. Его мѣсто тогда обыкновенно занимаетъ старшій между христіанами. Недостатокъ катихизаторовъ зачастую обходится миссіи очень недешево. Достаточно сказать, что когда христіане на Формозѣ подали прошеніе о присылкѣ къ нимъ на островъ катихизатора, то миссія принуждена была отказать ²⁾. Недостатокъ этотъ съ одной стороны обусловленъ чрезвычайною трудностью и отвѣтственностью дѣла, съ другой—матеріальною необеспеченностью катихизаторовъ. Жалованье они получаютъ самое мизерное, такъ какъ исключительно содержатся на счетъ миссіи, которая и сама то еле сводитъ концы съ концами.

Выборъ священнослужителей въ японской церкви производится соборнѣ. Непохожа она въ этомъ отношеніи на церковь русскую, гдѣ архинастыри и пастыри избираются не народомъ, а начальствомъ. Нѣтъ поэтому въ японской церкви той гангрены, тѣхъ развѣдающихъ ея организмъ элементовъ, какіе у насъ наблюдаются. Какъ нѣкогда ученики Пифагора, желая доказать другъ другу какое-нибудь трудное положеніе, зачастую ограничивались тѣмъ только, что, упоминая имя своего великаго учителя, говорили: „αὐτὸς ἔφη“, чѣмъ моментально разрѣшались всѣ сомнѣнія и дилеммы, такъ и японскіе христіане уважаютъ своихъ священниковъ, такимъ ореоломъ авторитета и довѣрія окружены и ихъ имена. Въ Японіи изъ-за священниковъ христіане вступаютъ въ споры и даже въ ссоры. Такъ въ 1900 году изъ-за священника Павла Мората, имѣвшаго главнымъ своимъ станомъ Маэбаси, произошли такія препирательства между христіанами названнаго города и христіанами

1) Прибав. къ Церков. Вѣдом., 1889, № 27, стр. 785.

2) Прибав. къ Церк. Вѣдом., 1903 г. № 46, стр. 1810—1811; и № 18, стр. 515.

Такасаки, желавшими, чтобы Морать былъ переведенъ къ нимъ, что для разрѣшенія конфликта послали одного стараго священника и примиреніе состоялось лишь на томъ условіи, что Павелъ Морать далъ слово черезъ годъ переѣхать въ Такасаки.— Вотъ въ двухъ словахъ характеристика японскихъ священниковъ, которую даетъ англійская газета „The Japan Daily Mail“ (отъ 10 февраля 1890 г.), органъ, которому нѣтъ равно никакой цѣли распинаться за православную миссію. „...Набожность, самоотреченіе и благородное рвеніе не могутъ найти лучшаго олицетворенія, какъ жизнь еп. Николая и его товарищей. И когда мы сопоставимъ величіе новаго собора на Суругадаѣ (въ это время соборъ только что закончился) съ образомъ жизни тѣхъ священниковъ, трудами которыхъ былъ воздвигнутъ этотъ храмъ, мы не можемъ найти больше разительнаго примѣра личной жертвы на алтарь служенія“¹⁾!

Ежегодные соборы православной японской церкви, какъ органъ управленія ею, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Независимо отъ того, что соборы составляютъ необходимую форму жизни церковной вообще, въ странѣ, гдѣ христіане составляютъ очень незначительный % населенія, гдѣ имъ для успѣха дѣла необходимо быть въ живой и постоянной связи между собою, ободрять и поддерживать другъ друга, повѣрять одинъ другому свое горе и радость, особенно чувствуется потребность въ братскихъ собраніяхъ. „Подѣлиться съ кѣмъ-либо своими сердечными скорбями“, говоритъ по этому поводу бывшій завѣдующій корейской духовной миссіей архим. Хрисанъ (теперь епископъ), „и открывать свои душевныя боли является органическою потребностью каждаго миссіонера. И вотъ тутъ-то съѣзды и незамѣнимы: слово искренней любви и полного сочувствія, благодушіе и нравственное мужество предъ самыми трудными жизненными обстоятельствомъ и огромный миссіонерскій опытъ такого гиганта духа, какъ преосв. Николай, сразу ободрить страдальца, сразу уничтожить угнетенность духа, разсѣять мрачныя тучи на душѣ его; она снова оживетъ, снова

¹⁾ Прибав. къ Церков. Вѣдом., 1890, № 19, стр. 630.

свѣтлый лучъ надежды оживить его будущее, онъ обновится, отдохнетъ душой и тѣломъ, почувствуетъ новый приливъ энергии и съ запасомъ этой жизнерадостной бодрости снова возвратится къ трудамъ и подвигамъ благовѣстія Евангелія“¹⁾.

Первый соборъ въ японской церкви былъ въ 1874 г. На немъ было всего 8 членовъ, почти весь тогдашній составъ священнослужителей. Въ слѣдующемъ году на соборѣ было уже 40 членовъ, изъ нихъ 24 священнослужителя и 16 депутатовъ отъ православныхъ общинъ (депутатами здѣсь являются какъ мужчины, такъ и женщины). На этомъ соборѣ между прочимъ былъ избранъ и первый кандидатъ въ санъ священника изъ японцевъ, Павелъ Савабэ. Въ 1876 году на соборѣ было 59 членовъ, въ 1877—69 членовъ, въ 1878 году—89, въ 1879—107 членовъ и т. д.²⁾ Вообще съ увеличеніемъ числа христіанъ и составъ соборовъ увеличивался. Въ настоящее время число членовъ собора доходитъ до 150. Въ 1887 году признано было болѣе удобнымъ устраивать соборы *по очереди*: то въ Токио (для сѣверо-восточныхъ общинъ), то въ Осаки (для юго-западныхъ), каковая практика существуетъ и теперь; въ экстренныхъ случаяхъ соборъ созывается въ Токио для *всей* церкви.—Различаются затѣмъ соборы большіе и малые: большіе состоятъ изъ священнослужителей и мірянъ (число членовъ ихъ доходитъ до 150), малые—исключительно изъ священнослужителей и отчасти катихизаторовъ. И тѣ и другіе тоже очередные. Обыкновенное время соборовъ—отъ 30 іюня по 4 іюля)³⁾.

Недѣли за три до собора изъ миссіи по всеѣмъ округамъ разсылаются статистическіе листки съ графиками о числѣ рожденій, крещеній, браковъ, умершихъ и т. д. Катихизаторы заполняютъ графики, передаютъ ихъ затѣмъ для повѣрки своимъ священникамъ и, наконецъ, за подписью обоихъ листки отсылаются обратно въ миссію, гдѣ сличаются съ прежде присланными,—матеріалъ этотъ и представляется потомъ вни-

1) Церковный Вѣстникъ, 1904, № 22, стр. 695—696.

2) Прибав. къ Церков. Вѣдом., 1896, № 24, стр. 840.

3) Ibid.

манію собора. Соборъ разсматриваетъ также многочисленныя прошенія японскихъ христіанъ, гдѣ подробнѣйшимъ образомъ освѣщаются всѣ нужды и дефекты данной общины. Если съѣздъ въ Токио, то пріѣхавшіе имѣютъ еще возможность ознакомиться со своими будущими сослуживцами, такъ какъ въ это самое время въ миссіи идутъ экзамены. „Хлопотливое это бываетъ время, говоритъ преосв. Николай, „но и самое оживленное и радостное для всѣхъ, начиная съ начальника миссіи. Точно пчелы, слетающіяся въ свой родной улей, съѣзжаются наши служащіе въ свое родное гнѣздо, откуда выпущены на службу, и каждый стремится рассказать и начальнику миссіи и сослуживцамъ „по единому коемуждо, еже сотвори Богъ во языцѣхъ служеніемъ его“ и повѣдать всѣ свои радости и печали“¹⁾.

Съ 1891 года засѣданія происходятъ—если конечно соборъ въ Токио—въ самомъ токійскомъ православномъ соборѣ (объ этомъ величественномъ храмѣ скажемъ впослѣдствіи подробно); открываются они всегда молебномъ св. Петру и Павлу.—Предъ алтаремъ, внизу амвона ставится столъ съ различными документами и бумагами; это—для предсѣдателя (т. е. еписк. Николая) и священнослужителей. Немного дальше—столъ для катихизаторовъ и депутатовъ. Засѣданія обыкновенно начинаются съ 8 часовъ утра и длятся до 5—6 часовъ вечера (дѣлаются конечно перерывы для обѣда и отдыха). На собраніяхъ этихъ—безъ права голоса—могутъ присутствовать всѣ, кому угодно, не исключая и лицъ инославныхъ исповѣданій и самихъ язычниковъ.

Сессія открывается рѣчью епископа, гдѣ подчеркиваются всѣ вынуклыя событія истекшаго года. Затѣмъ читаются статистическіе списки, резюмируемые предсѣдателемъ. Такъ какъ они постоянно говорятъ о поступательномъ движеніи миссіонерскаго дѣла, то чтеніе и итоги предсѣдателя обыкновенно заканчиваются краткой молитвой, послѣ чего всѣ присутствующіе дѣлаютъ земной поклонъ²⁾.

Здѣсь же выбираются кандидаты въ священники и

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.; Архим. Сергій, На Дальнемъ Востоку, стр. 213.

діаконы, катихизаторскихъ учениковъ поставляютъ въ катихизаторскихъ помощниковъ, катихизаторскихъ помощниковъ — въ катихизаторовъ. Избранія производятся посредствомъ подачи голосовъ (открыто или закрыто—вопросъ этотъ разрѣшается собраніемъ особо для каждаго случая). Всегда дѣлаются опросы проповѣдникамъ, желаютъ ли они и на будущій годъ продолжать свое служеніе церкви; идетъ рѣчь о различныхъ служащихъ по церквамъ. Самый важный и трудный предметъ церковныхъ занятій—это *распределение катихизаторовъ по округамъ*. Сколько прошеній поступаетъ по этому поводу отъ христіанъ! При назначеніи катихизаторовъ собору приходится сообразовываться съ составомъ даннаго округа или общины, съ фізіономіей мѣстнаго язычества, посылать „туда болѣе пожилыхъ, сюда болѣе молодыхъ, въ иныя мѣста непременно семейныхъ, въ иныя для удобства передвиженія, одинокихъ, въ однѣ церкви —наиболѣе ученыхъ, въ другія простыхъ, но отличающихся набожностью и т. д. ¹⁾. Читаются многочисленныя прошенія христіанъ, выслушиваются заявленія катихизаторовъ и рѣчи депутатовъ общинъ. Пренія носятъ очень оживленный характеръ, такъ какъ многіе представители церквей являются на соборъ почти исключительно съ цѣлю выхлопотать себѣ хорошаго катихизатора. Трудность рѣшенія вопроса увеличивается хроническою малочисленностью катихизаторовъ; очень многимъ общинамъ приходится отказывать не только въ хорошемъ, но и въ какомъ бы то ни было катихизаторѣ.

Когда всѣ заявленія и пренія о катихизаторахъ кончаются, соборъ выбираетъ комиссію изъ священниковъ, которая въ особо отведенной для этой цѣли комнатѣ и приступаетъ къ распределенію катихизаторовъ по мѣстамъ. Занятія комиссіи продолжаются день или два дня. Дѣло чрезвычайно трудное и кропотливое: „тутъ нужно принять во вниманіе, примирить и выполнить множество желаній и условій; тутъ же нужно согласовать и взаимно сталкивающіяся желанія самихъ свя-

¹⁾ Прибав. къ Церков. Вѣдом., 1896 № 24, стр. 844.

ценниковъ, потому что каждый изъ нихъ естественно старается получить лучшихъ катихизаторовъ“¹⁾. Составленное комиссіей распределение дается на всеобщее разсмотрѣніе и ознакомленіе. Затѣмъ когда присутствующіе займутъ свои мѣста, распределение прочитывается передъ всѣмъ собраніемъ, обсуждается, и если надо, исправляется и, наконецъ, утверждается общимъ вставаніемъ.

Потомъ съѣздъ переходитъ къ обсужденію матеріальнаго положенія миссіи, рѣшаются другіе, болѣе незначительные вопросы. Сессія заканчивается молебствіемъ и прощальной рѣчью предсѣдателя.

Всѣ совѣщанія и разсужденія на такихъ соборахъ протекаютъ, по словамъ преосв. Николая, „въ духѣ простоты и братства, чуждомъ всякой натянутости и чопорности, въ духѣ взаимнаго соревнованія въ дѣлѣ проповѣданія Евангелія, чуждомъ какой бы то ни было зависти и соперничества, въ духѣ глубоко сердечнаго отношенія къ дѣламъ и вопросамъ, которые обсуждаются на соборѣ, чуждомъ тѣни какой бы то ни было искусственности и равнодушія, которымъ зачастую отличаются у насъ (въ Россіи) засѣданія разныхъ комитетовъ, комиссій, очередныхъ собраній и т. п.“²⁾.— Нечего послѣ сказаннаго добавлять, съ какими чувствами и впечатлѣніями члены собора разтѣзжаются на свои мѣста и съ какой бодростью и несокрушимой энергіей они снова тамъ принимаются за свое великое дѣло; нечего добавлять, что для такихъ людей и трудное становится легкимъ, и невозможное возможнымъ; нечего добавлять, что радость и горе каждаго изъ нихъ радуетъ и огорчаетъ всю церковь, чрезъ что радость еще больше увеличивается, а горе чрезъ общее сочувствіе и поддержку теряетъ свою остроту, забывается!

Каковы же японскіе христіане?

Осмѣлимся думать, что все наше предшествующее изложеніе уже разрѣшило этотъ вопросъ. Здѣсь мы только приведемъ два—три факта. Вотъ напр., отзывъ, характеризующій молящихся въ храмѣ. „...Благопристойность и выдержка были

¹⁾ Ibid.

²⁾ Прав. Обозр. 1880, № 8, стр. 716—717.

поразительны. Богомольцы тихо и спокойно входили въ церковь, а когда стали прикладываться ко кресту, то я не замѣтилъ ни одного человѣка, который бы спѣшилъ и старался пройти впереди другого, хотя ни одинъ человѣкъ не вышелъ изъ церкви не приложившись... И все это такъ непринужденно и съ такою неподражаемой красотой, что на посторонняго человѣка производило самое глубокое впечатлѣніе. При видѣ этихъ вновь обращенныхъ въ православіе и ихъ неподдѣльной набожности невольно мысленно переносишься ко временамъ первыхъ христіанъ и вспоминаешь тѣхъ горячихъ служителей христіанской вѣры, которые теперь такъ далеко отдѣлены отъ насъ минувшими вѣками“¹⁾.— Не похоже это на толкотню и драку, что на „святой“ Руси, когда „христіане“ подходятъ прикладываться или елеопомазываться!

Въ бытность свою въ 1880 году въ Москвѣ преосв. Николай много рассказывалъ о Японіи и японцахъ. Вотъ впечатлѣнія одного изъ его слушателей (NN), касающіяся *нашей* области.

„Рассказы преосв. Николая о состояніи христіанства въ Японіи, о стремленіи японскихъ православныхъ христіанъ къ совершенству христіанской жизни, о ихъ ревности къ распространенію ученія Христова... производятъ въ высшей степени отрадное впечатлѣніе. Видно, что христіанство тутъ находится въ періодъ юности, свѣжести, въ періодъ искренняго, неподдѣльнаго, чистаго и неиспорченнаго религіознаго чувства, каковымъ оно было въ вѣкъ апостоловъ, и каковымъ оно представляется при чтеніи книги „Дѣянія св. апостоловъ“. Тутъ... нѣтъ ничего похожаго на то чисто—наружное, механическое, мертвое, формальное отношеніе къ христіанскимъ религіознымъ обязанностямъ, которымъ все болѣе и болѣе начинаетъ отличаться религіозность и набожность европейца, которое свидѣтельствуешь о постепенномъ вымираніи искренняго чувства и которое въ свою очередь помогаетъ ихъ вымиранію“²⁾.— Немного ниже читаемъ: „Бываютъ случаи, что о. Павелъ Савабэ,

1) Прибавленіе къ Церков. Вѣдом., 1889, № 27, стр. 784.

2) Православ. Обзоріе, 1880, № 8, стр. 715—716.

совершая литургію, охваченный, такъ сказать, сильнымъ религіознымъ чувствомъ, на нѣсколько времени какъ бы погружается въ молитвенное безмолвіе; въ богослуженіи происходитъ нѣкоторая остановка, которая нисколько не утомляетъ предстоящихъ и не производитъ ничего похожаго на то, что столь обычно въ нашихъ храмахъ при подобныхъ случаяхъ остановки богослуженія“. Замѣтку эту г. NN заканчиваетъ такими словами. „При наружномъ, формальномъ, стало быть, мало искреннемъ отношеніи къ религіознымъ обязанностямъ, когда люди... не находятъ внутренняго удовлетворенія въ исполненіи ихъ, когда они отбываютъ ихъ, какъ повинность, бываетъ, что пришедшіе къ богослуженію ничего такъ не желаютъ, какъ того, чтобы поскорѣе кончилась служба, высчитываютъ продолжительность богослуженія по минутамъ, чуть не по секундамъ, при малѣйшей остановкѣ въ богослуженіи чувствуютъ желаніе откашлянуться, завести разговоры и т. д. Такое явленіе невозможно и немислимо при искреннемъ и сердечномъ отношеніи къ дѣлу вѣры“... 1)

Преосвященный Николай во время своихъ обычныхъ путешествій по Японіи (о чемъ мы будемъ говорить немного ниже) посѣтилъ въ 1898 году небольшую христіанскую общину на островѣ Сукотанѣ (близъ Эзо). Вотъ что онъ говоритъ про тамошнихъ христіанъ. „По взаимной христіанской любви они точно одна семья: нѣтъ и не бываетъ между ними ни распрей, ни ссоръ, ни зависти, ни ненависти; въ радости и горѣ одного участвуютъ всѣ; что пріобрѣлъ на охотѣ или рыбной ловлѣ одинъ, то принадлежитъ всѣмъ; нѣтъ также между нами нечистыхъ или нечестныхъ поступковъ; не знаютъ они лжи и обмана. Японцы, имѣющіе сношенія съ ними по рыбной ловлѣ и по другимъ дѣламъ, говорятъ, что не пуждаются въ роспискахъ отъ нихъ. „Слова Якова (старшины ихъ, наиболѣе извѣстнаго на Эзо) надежныѣе всякаго документа“, слышалъ я на Эзо 2). И такая идеальная жизнь несмотря на то,

1) Православ. Обзоръ, 1880, № 8, стр. 716.

2) Церков. Вѣдом., 1899, № 24, стр. 221—222.

что названная община не имѣетъ не только священника, но и катихизатора! ¹⁾).

Вотъ, наконецъ, еще одинъ отзывъ о всѣхъ вообще православныхъ японцахъ, высказанный въ самое послѣднее время. „Весь внутренній церковный бытъ 25000 православныхъ японцевъ, разсыпанныхъ по всей странѣ, свидѣтельствуется, что вѣра Христова воспринимается ими съ такою искренностью и сердечностью, какую не всегда встрѣишь и въ прирожденныхъ христіанскихъ земляхъ. Эта новая, возникающая на нашихъ глазахъ, православная церковь дѣлаетъ столько же чести апостольскимъ трудамъ еп. Николая, какъ и... *характеру японцевъ, оказывающихся самыми чуткими въ исканіи истины*“ ²⁾).

Для непрерывнаго наблюденія и общенія съ церквами преосв. Николай предпринимаетъ ежегодныя путешествія по Японіи (мѣсяца на два). Путешествія эти—не казенная, чиновничья ревизія съ цѣлью „уловить“ священника или катихизатора, а чисто апостольское посѣщеніе пастыремъ своихъ пасомыхъ. Обыкновенно епископъ объѣзжаетъ общины со священникомъ, въ вѣдѣніи котораго онѣ находятся.—Христіане задолго готовятъ къ встрѣчѣ своего дорогого „дайсимпы“ (епископа), устраиваютъ ему самую торжественную встрѣчу.

Послѣ первыхъ привѣтствій вся процессія направляется въ заранѣе отведенное помѣщеніе, гдѣ послѣ краткаго молебна преосвященный произноситъ поученіе. Затѣмъ читаются по спискамъ крещеные, брачующіеся, умершіе данной общины, христіане выступаютъ съ разными проэктами, предположеніями и т. д. Часто къ приѣзду преосв. Николая приурочиваются и приовѣди для язычниковъ. Вездѣ вывѣшиваются объявленія о скоромъ прибытіи въ общину извѣстнаго „Николая“, въ назначенный часъ собирается публика, и засѣданіе началось. Говорятъ катихизаторъ, священникъ и наконецъ епископъ. Рѣчь его длится обыкновенно часъ и всегда производитъ сильное впечатлѣніе на слушателей. Проповѣдь иногда прерывается

¹⁾ Ibid.

²⁾ Прибав. въ Церков. Вѣдом., 1903, № 2, стр. 62.

рѣзкимъ визгливымъ возгласомъ „сицумонъ“ (возраженіе). Если можно разрѣшить его, не нарушая хода мысли, то это сейчасъ же и дѣлается, если нельзя, то оппонента просятъ подождать до конца. По окончаніи проповѣди говорящій всегда обращается къ слушателямъ съ вопросомъ, не имѣетъ ли кто сдѣлать возраженія. Иногда завязывается цѣлый диспутъ и, если въ собраніи находятся ученики буддійскихъ школъ, подготовленные своими бонзами, то подымается шумъ, крики, дѣло доходитъ чуть не до скандала. Впрочемъ, въ присутствіи епископа это бываетъ очень рѣдко: и въ глазахъ своихъ противниковъ преосвященный пользуется большимъ уваженіемъ и авторитетомъ ¹⁾. Большое вниманіе еп. Николая привлекаютъ дѣти мѣстныхъ христіанъ. По справедливости видя въ нихъ опору церкви, епископъ вездѣ, гдѣ только можно, собираетъ ихъ вокругъ себя, ласково бесѣдуетъ съ дѣтьми, наставляетъ ихъ, спрашиваетъ о главнѣйшихъ событіяхъ изъ жизни Спасителя.

Въ каждой общинѣ преосвященный остается дня по два, по три; обойдетъ непременно всѣ дома христіанъ, присутствуетъ на ихъ собраніяхъ (симбокуквай), произноситъ проповѣди, дѣлаетъ различныя указанія.—Въ средѣ японскихъ христіанъ во всѣхъ крупныхъ общинахъ, существуютъ прекраснѣйшія организаціи, такъ наз. „братскія“ и „дамскія“ собранія. Цѣль этихъ организацій—служеніе ближнимъ и стремленіе къ нравственному совершенству. Засѣданія происходятъ ежемѣсячно (членскихъ взносов здѣсь нѣтъ, а дѣлаются лишь добровольныя пожертвованія въ кружку; никому, слѣд., не затруднительно быть членомъ). Присутствующіе повѣряютъ другъ другу свои думы и мысли, разсуждаютъ о церковныхъ дѣлахъ и братски предпринимаютъ различныя рѣшенія на служеніе обществу. Въ дамскихъ организаціяхъ, напр., „способныя разсказывать христіанское ученіе язычницамъ“ назначаются на это дѣло, имѣющимъ досугъ и способность поручается посѣщать дома христіанъ для того, чтобы, гдѣ есть бѣдныя—помочь

¹⁾ Прибав. къ Церков. Вѣдом., 1893, № 3, стр. 118; архим. Сергій, стр. 175—177.

имъ, гдѣ больные—послужить, умершіе—позаботиться о приличномъ погребеніи, ссорящіеся—водворить... миръ, неумѣющіе или нестарающіеся, какъ должно, воспитывать дѣтей—научить и позаботиться о дѣтяхъ, охладѣвающіе къ вѣрѣ—возгрѣть въ нихъ усердіе и проч. ¹⁾). Вотъ эти то собранія и любятъ посѣщать преосвященный: многому, многому здѣсь можно помочь, направить, научить.

Съ утра до ночи кипитъ дѣло. Христіане уже давно разошлись на ночлегъ, легли отдохнуть и священникъ съ катихизаторомъ, одинъ только епископъ не спитъ; вынулъ онъ свою памятную книжку и тщательно записываетъ все, что видѣлъ и что кому сказалъ. Къ концу записи, приступаетъ къ чтенію различныхъ сообщений и писемъ, на многія изъ которыхъ тутъ же и приходится писать отвѣты. А пишутъ японцы очень и счень по многу. Бумага для писемъ состоитъ у нихъ изъ лентъ, которая, какъ ленты, и складывается. Напишетъ японецъ мелкимъ, убористымъ почеркомъ цѣлый аршинъ (съ предлиннымъ, зачастую совершенно ненужнымъ вступленіемъ) и ужъ въ концѣ извиняется, извиняется, что написано такъ мало. Не угодно ли прочесть десятка два подобной литературы! А завтра опять вставать чуть свѣтъ, опять отправляться по домамъ христіанъ, или ѣхать на такой же трудъ въ другое мѣсто ²⁾).

И такъ изо дня въ день уже долгіе годы работаетъ неутомимый труженикъ. Ректоръ всѣхъ миссійскихъ учебныхъ заведеній—епископъ Николай; главный преподаватель въ нихъ—онъ же; десятки тысячъ обращенныхъ язычниковъ—дѣло рукъ того же преосв. Николая! Изумительна энергія этой великой личности, изумительно его самопожертвованіе на благо ближнимъ. Вполнѣ же справедливо онъ получилъ титулъ апостола Японіи. Пройдутъ десятки лѣтъ, а память объ еп. Николаѣ будетъ жить въ японскомъ обществѣ, которое и теперь уже достаточно оцѣнило этого генія и человѣка!

¹⁾ Всеподан. отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1890—1891 г.г., стр. 313--314; Прибавленіе къ Церков. Вѣдом., 1889, № 20, стр. 559.

²⁾ Прибавл. къ Церков. Вѣдом., 1893, № 3, стр. 113—116; Церк. Вѣсти къ, 1904, № 12, стр. 366—367; Архим. Сергій, стр. 177.

Дѣломъ пастырской попечительности еп. Николая является между прочимъ и знаменитый токійскій храмъ въ честь Воскресенія Христова, построенный на томъ же Суругадаѣ. Постройка началась еще въ 1884 году и продолжалась цѣлые восемь лѣтъ. Много силъ и труда вложено было на сооруженіе этого величественнаго собора, украшенія всего христіанскаго міра на Дальнемъ Востока¹⁾.

Прежде всего не хватало мѣста на Суругадаѣ; пришлось поэтому дѣлать насыпи, чтобы расширить территорію холма. Затѣмъ началась установка фундамента, дѣло очень трудное, если принять во вниманіе частыя землетрясенія въ Японіи и токійскіе почти хроническіе пожары (да еще то обстоятельство, что часть храма должна была помѣщаться на насыпи). Сооруженіе фундамента продолжалось цѣлый годъ и стоило миссіи 50000 рублей! (весь соборъ стоитъ 300000). Постройка стѣпъ и арокъ длилась пять лѣтъ: всѣ знанія современной техники были здѣсь примѣняемы самымъ тщательнымъ и кропотливымъ образомъ. Все было твердо и капитально²⁾. „Нѣтъ ничего въ вашей постройкѣ рассчитаннаго на роскошь“, писалъ преосв. Николай благотворителямъ, „...но богомолецъ со спокойнымъ сердцемъ... сдѣлаетъ пожертвованіе въ храмъ, не смущаясь мыслью, что онъ почти завѣдомо отдаетъ свою жертву огню, и самъ войдетъ помолиться въ храмъ, не тревожась опасеніемъ, что въ немъ жизнь человѣческая небрежно обречена случаю, а будучи увѣренъ, что храмъ сей для охраненія молящихся въ немъ преданъ въ волю Божію послѣ того, какъ съ человѣческой стороны сдѣлано, по мѣрѣ силъ и способовъ, все возможное въ огражденіе отъ этого страшнаго и непредвидѣннаго меча—землетрясенія“³⁾.

Дѣло не обошлось и безъ непріязненной агитаціи со стороны японцевъ. Да и дѣйствительно, было основаніе для опасенія: храмъ строился на высшей точкѣ въ Токио, и тутъ же недалеко ввизу стоитъ дворецъ микадо. Невольно зарождается подозрѣніе, не наблюдательный ли это постъ, не преслѣдуется

1) Прибавл. къ Церков. Вѣдом., 1895, № 2, стр. 46.

2) Ibid., 1891, № 13, стр. 409.

3) Прибавл. къ Церков. Вѣдом., 1888, № 14—15, стр. 481.

ли здѣсь какая-нибудь задняя мысль. Посыпалась масса газетныхъ статей, доказывавшихъ, что императору отъ такого сосѣдства угрожаетъ постоянная опасность, и для предупрежденія ея необходимо немедленно же принять всѣ возможныя мѣры. „Какихъ только проектовъ“, говоритъ преосв. Николай: „по этому поводу не строили, чтобы „сдѣлать безвредною“ или совсѣмъ „исхитить изъ вражьиыхъ рукъ“ эту непріятельскую крѣпость, сооружаемую среди столицы и на такомъ возвышеніи, что оттуда будто бы императоръ въ своемъ дворцѣ можетъ быть наблюдаемъ во всякое время и при всѣхъ занятіяхъ! Одни предлагали воздвигнуть гору, которая закрывала бы императорскій дворецъ отъ храма; другіе—обнести храмъ такою высокою стѣпой, чтобы съ крыши его нельзя было видѣть дворца; третьи совѣтовали за милліонъ купить храмъ и подарить его императору“¹⁾. Находились и такіе публицисты, которые колокола храма, не обинуясь, называли пушками, которыя въ любой моментъ изъ всѣхъ построекъ императорскаго дворца могутъ сдѣлать лишь одно воспоминаніе (надъ этимъ, впрочемъ, смѣялись сами японцы). Когда же окружающіе храмъ лѣса были снаты и всѣ увидѣли, что постройка на Суругадаѣ вовсе не грозная крѣпость, и что съ высоты крестовъ „голубое око Николая“ не имѣетъ ни малѣйшей возможности наблюдать за императорскимъ дворцомъ, то волненіе стало мало-по-малу улегаться и вскорѣ агитація совсѣмъ затихла²⁾.

Торжественное освященіе собора состоялось 21-го февраля 1891 года. Никакихъ враждебныхъ манифестацій со стороны язычниковъ не было, и освященіе прошло при полномъ спокойствіи и порядкѣ³⁾.—Храмъ вполне соответствовалъ мысли еп. Николая. „Соборъ будетъ памятникъ“, писалъ онъ: „будетъ изучаемъ, подражаемъ—многіе—не десятки, а—смѣло говорю—сотни лѣтъ, ибо храмъ положительно замѣчательнѣйшее зданіе въ столицѣ Японіи,—зданіе, о которомъ слава разнеслась по Европѣ и Америкѣ еще прежде его окончанія и которое,

1) Прибавл. въ Церков. Вѣдом., 1891, № 13, стр. 408—409.

2) Ibid, Прибав. въ Церков. Вѣдом., 1889, № 27, стр. 787—788.

3) Прибав. въ Церков. Вѣдом., 1889, № 27, стр. 778.

нынѣ будучи окончено, по справедливости вызываетъ вниманіе, любопытство и удивленіе всѣхъ, кто есть или кто бываетъ въ Токио“¹⁾.

Для болѣе успѣшнаго проповѣданія Слова Божія члены миссіи съ преосв. Николаемъ во главѣ занимаются и литературно издательской дѣятельностью. Ежегодно издается здѣсь по нѣскольکو десятковъ книгъ и брошюръ частью переводныхъ, частью оригинальных²⁾. Кроме того при миссіи издается три періодическихъ органа: „Сейкео-симпо“ (Православный Вѣстникъ)—выходитъ два раза въ мѣсяць, „Уранисики“ (Скромность) и „Син-кай“ (Духовное Море)—органы еженедѣльные. Всѣ эти журналы (издаются они на языкѣ страны) читаются съ живымъ интересомъ не только православными японцами, но и язычниками. Вниманіе послѣднихъ особенно привлекаетъ къ себѣ „Сейкео-симпо“, останавливающаяся преимущественно на *общихъ* религіозныхъ вопросахъ³⁾.

Студентъ Императорскаго Харьковскаго Университета
Ө. Прохоренко.

(Продолженіе будетъ).

1) Прибав. къ Церков. Вѣдом., 1891, № 13, стр. 409.

2) За послѣдніе годы были переведены и напечатаны между прочимъ слѣдующія книги: „Толковое Евангеліе“, еп. Михаила; „Очерки догматическаго православнаго ученія“, соч. Н. Оаворова; „Нравственное богословіе“, митр. Платона; „Христіанская апологетика“, Рождественскаго; „Обличительное богословіе“, Ияновентія и др. (см. С. А. Архангеловъ. Наши заграничныя миссіи. Изд. Сойкина, стр. 51).

3) Отчеты преосв. Николая о миссіи за разные годы (въ „Церков. Вѣд.“).

ВЪ ЗАЩИТУ ПАТРИОТИЗМА.

Бурная волна освободительнаго движенія и вихрь революціи, охватившіе нашу страну, угрожали и угрожаютъ не только снести съ поверхности нашей государственной жизни все, что вѣками созидалось и установилось на ней, поколебать и разрушить весь внѣшній строй нашего государственнаго обществія, но всколыхнуть и самыя глубины народной жизни, пресѣчь животворные источники ея, потрясти внутреннія основы ея.

Въ существѣ своемъ весь строй и укладъ государственной жизни, какъ онъ устанавливается у того или другаго народа, несомнѣнно, не является дѣломъ искусственнаго созиданія, онъ не опредѣляется волей какихъ либо личностей, не сочиняется, а естественнымъ образомъ вырастаетъ изъ тѣхъ глубочайшихъ корней, которые лежатъ въ самомъ духѣ народа. Несомнѣнно также, что сила, крѣпость и жизненность государственнаго цѣлаго поддерживаются и охраняются не столько внѣшними средствами, искусственными учрежденіями и мѣропріятіями, сколько тою внутреннею духовною мощью, какую носить въ себѣ народъ. Въ борьбѣ со врагомъ государство побѣждаетъ не столько численностію арміи и крѣпостей и превосходствомъ ихъ вооруженія, сколько подъемомъ духа, воодушевленіемъ, героизмомъ, проявляющимися у того народа, который составляетъ государство. Пока у народа не потрясено и не ослаблено то, что составляетъ его внутреннюю силу, чѣмъ поддерживается его духовная мощь, никакія внѣшнія бѣдствія и потрясенія не опасны для его государственнаго бытія; наоборотъ, стоитъ только поколебать какіе либо изъ

коренныхъ устоевъ государственной жизни, лежащихъ въ самой душѣ народа, въ его сердцѣ, въ настроеніи, государственному организму угрожаетъ явная опасность разстройства и разрушенія.

Однимъ изъ краеугольныхъ внутреннихъ устоевъ, на которомъ зиждутся сила, крѣпость и жизненность государственнаго организма, однимъ изъ могущественныхъ оплотовъ, охраняющимъ его цѣлостъ и благосостояніе, является *любовь народа къ своему отечеству, народный патриотизмъ*. Когда въ государствѣ готовится, возбуждается и проявляется движеніе, направленное къ измѣненію существующаго тамъ строя, этому движенію неминуемо приходится считаться съ этой, таящейся въ душѣ народа, могучей силой. Естественно, поэтому, что вожди всякаго такого движенія, подготавливая и возбуждая его, для обезпеченія его успѣха, должны употреблять усилія или устранить эту опасную для нихъ силу, или—такъ сказать—эксплоатировать ее въ свою пользу. Такъ это мы видимъ и въ данное время—при политическомъ броженіи и движеніи, возбужденномъ и проявившемся въ нашемъ отечествѣ.

Именно, относительно патриотизма въ послѣднее время наиболее опредѣленно высказывались и наиболее усердно у насъ пропагандировались два главныхъ воззрѣнія. Одно изъ этихъ воззрѣній вытекало изъ общаго, особенно усилившагося въ послѣднее время, реформаторскаго стремленія къ полной переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей, къ новому пересмотру всѣхъ самыхъ исконныхъ и основныхъ человѣческихъ убѣжденій и понятій, въ особенности—понятій социальнаго и нравственнаго порядка. Переоцѣнивая, искажая или совсѣмъ отвергая всѣ тѣ убѣжденія и понятія, которыя до сихъ поръ служили опорой благоустроенной общественной человѣческой жизни, перевертывая все вверхъ дномъ, разные реформаторы этого направленія, естественно, не могли не стать въ отрицательное отношеніе и къ патриотизму. И вотъ эти реформаторы объявляютъ любовь къ отечеству только простымъ пережиткомъ стараго, нечистымъ отстоемъ прошлыхъ вѣковъ, такимъ явленіемъ въ общественной жизни, котораго на высшей ступени культуры,

до какой теперь стремится поднятиса человечество, совсѣмъ не должно быть.

Такое воззрѣніе, въ частности, принадлежитъ—съ одной стороны—ученіямъ социализма, изъ которыхъ наибольшимъ успѣхомъ и большею распространенностію за послѣднее время пользовался пресловутый марксизмъ. Для торжества идей социализма патриотизмъ вообще является крупной помѣхой, и естественно, что проповѣдники социализма употребляютъ всѣ усилія устранить эту помѣху, и становятся усердными защитниками начала космополитизма. Пропаганда идей социализма появилась у насъ сравнительно давно, и еще съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія у насъ постепенно образовалось такое теченіе, которое съ особенною настойчивостію стремилось вытравить въ русскомъ обществѣ любовь и уваженіе ко всему своему, родному, національному, отечественному. Съ тѣхъ поръ это теченіе то ослаблялось, то усиливалось, и наивысшей своей силы достигло въ послѣднее время. Конечнымъ идеаломъ, возжелѣннымъ окончательнымъ результатомъ, достиженія котораго домогается теперь социализмъ, объявляется единое всемірное интернаціональное социаль-демократическое государство. Выѣстъ съ тѣмъ патриотизмъ, какъ помѣха къ достиженію этого идеала, объявляется не болѣе „какъ темнымъ ученіемъ, только искажающимъ смыслъ жизни“.

Съ другой стороны, такое же отрицательное отношеніе къ патриотизму мы встрѣчаемъ со стороны того умственного декаденства, которое въ послѣднее время охватило всѣ цивилизованныя страны и заявило себя во всѣхъ областяхъ человеческого творчества, въ искусствѣ, литературѣ, даже въ наукѣ, и которое въ послѣднемъ своемъ развитіи привело къ полному умственному и нравственному анархизму, приведшему въ свою очередь къ той практической анархіи, которая удивляетъ и устрашаетъ весь міръ своимъ жестокимъ варварствомъ безцѣли и смысла. Во всѣхъ своихъ безчисленныхъ видахъ декаденство выходитъ изъ стремленія къ свободѣ и независимости индивидуальной личности отъ всего объективно-обязательнаго, изъ пренебреженія ко всѣмъ установившимся обычаямъ и законамъ, ко всѣмъ общепризнаннымъ нормамъ и

принципамъ, и ясно само по себѣ, что это умственное направление могло относиться къ понятію патріотизма только отрицательно. На западѣ это умственное теченіе нашло себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ ницшеанствѣ, а съ 90-хъ годовъ мутная волна его перебросилась и къ намъ и въ писательствѣ Горькаго и его послѣдователей привела насъ „на дно“ соціальной жизни, къ торжеству босячества и открытой проповѣди анархизма.

Такимъ образомъ, въ отношеніи къ патріотизму социализмъ, марксизмъ, декаденство, ницшеанство, анархизмъ—все соединилось подъ однимъ знаменемъ, на которомъ самыми яркими буквами написано: долой патріотизмъ, и нечего стѣсняться этимъ отсталымъ понятіемъ!

Другое главное возрѣніе на патріотизмъ, какое въ послѣднее время наиболѣе опредѣленно высказывалось, не отвергаетъ его, допускаетъ, считаетъ его даже за нѣчто долженствующее быть, но только при извѣстныхъ очень ограничительныхъ условіяхъ. Въ пережитую эпоху нашей кровавой, разорительной и въ общемъ неудачной войны съ Японіей и въ послѣдовавшіе затѣмъ дни нашей великой внутренней смуты такое возрѣніе особенно усердно пропагандировалось въ разныхъ радикальныхъ, прогрессивныхъ и всякихъ либеральныхъ органахъ нашей печати. Вообще говоря, въ эти тяжелые пережитые нами дни проявилось немало очень страннаго и вѣстѣ очень печальнаго въ отношеніи къ нашему русскому патріотизму. Когда нашему отечеству угрожала опасность, находилось немало такихъ сыновъ его, которые ничего другого не говорили и ничего другого не дѣлали, какъ только вкривь и вкось критиковали наши дѣла и наше положеніе, усиленно отыскивая здѣсь и тамъ наши недостатки, преувеличенно отмѣчая наши промахи и неуспѣхи; когда раздавался патріотическій призывъ къ какой либо поддержкѣ и помощи нашимъ братьямъ страдальцамъ, терпѣвшимъ въ тяжелой борьбѣ съ врагомъ всякія невзгоды, находилось много такихъ, которые проявляли къ этому какое-то невѣроятное холодное равнодушіе; находились именитые русскіе милліонеры, которые или совсѣмъ отказывались отъ всякихъ пожертвованій, или—„куда

ни шло“—съ цинической усмѣшкой клали на алтарь отечества „цѣлковый“; постигавшія насъ неудачи иногда встрѣчались даже прямо съ злорадствомъ. Разумѣется, всѣ эти явленія очень печальны и сами по себѣ. Но еще печальнѣе то, что эти явленія находили себѣ оправданіе, какъ вѣчто естественное и—такъ сказать—вполнѣ законное. Защищалось именно то возрѣніе на патріотизмъ, что истинной основой послѣдняго служить только гордость за свое отечество, только реальное сознаніе того, за что отечество стоитъ любить. Безъ этой основы любовь къ родинѣ есть лишь „физическая любовь варваровъ, звѣрей и растеній“. Когда родиной нельзя гордиться, истинной любви къ ней не можетъ быть. Нельзя любить по обязанности; любовь свободна, она дышитъ, гдѣ хочетъ. Нельзя ни приказать любить, ни потребовать любви; ее нужно заслужить. И родной матери развѣ даромъ дается любовь, когда она есть?... Естественно любить красивое, разумное, доброе, сильное, къ безобразію же можно только снисходить. И матерей дурныхъ не любятъ, и ихъ нельзя любить. Словомъ—нельзя любить того, что нехорошо. Слѣдовательно, нельзя любить и родину, если въ ней не все обстоитъ, какъ слѣдуетъ, не все такъ, какъ было бы желательно и какъ намъ нравилось бы; при такихъ условіяхъ отсутствіе патріотизма, холодное, равнодушное, безразличное отношеніе къ родинѣ нужно признать явленіемъ естественнымъ и законнымъ.

Разберемся теперь въ этихъ возрѣніяхъ, потому что они безъ сомнѣнія, способны нагнать хмару, напустить туманъ и тѣмъ внести большую и опасную смуту въ понятія и настроеніе людей. Среди этого тумана намъ нужно хорошенько осмотрѣться, внимательно опредѣлить истинное положеніе вещей. И когда теперь самыя коренныя человѣческія понятія, самыя исконныя и священнѣйшія убѣжденія ставятся вверхъ дномъ, представляется неизбѣжная необходимость реабилитировать ихъ, возстановить ихъ дѣйствительныя права, достоинство и значеніе.

Прежде всего, для ясности дѣла, мы опредѣлимъ, что такое любовь къ отечеству, которая обыкновенно называется однимъ именемъ—патріотизмъ.

Что такое—любить, это хорошо извѣстно сердцу каждого.

человѣка и не требуетъ большого толкованія. Любить—это значитъ: имѣть чувство живого влеченія къ какому нибудь предмету, выдѣляя этотъ предметъ нашимъ предпочтеніемъ предъ другими предметами,—чувствовать необходимость этого предмета для полноты нашей собственной жизни и чувствовать свою неполноту при лишеніи этого предмета,—дорожить цѣлостію и благосостояніемъ этого предмета и стремиться охранять, упрочивать и возвышать, насколько возможно, его благосостояніе. Это, конечно, составляетъ сущность и любви патриотической.

Меньше ясности и опредѣленности представляетъ, по крайней мѣрѣ—на первый взглядъ, самый объектъ этой любви. Что такое—отечество, какъ объектъ патриотической любви? Что значитъ любить именно *отечество*?

Любить отечество, прежде всего, значитъ любить свою родную *страну*, т. е. ту опредѣленную географическую территорію, гдѣ человѣкъ впервые открылъ свои глаза на свѣтъ Божій, гдѣ его вскормили, гдѣ онъ приобрѣлъ первыя познанія, испыталъ первыя радости жизни, словомъ—гдѣ на него дѣйствовали первыя впечатлѣнія—самыя сильныя и глубокія изъ всѣхъ впечатлѣній. Любить свою родную страну—значитъ любить самую природу этой страны со всѣми ея особенностями, любить тѣ поля, луга, лѣса, рѣки и озера, холмы и горы, которые съ дѣтства окружали человѣка въ его родной странѣ и были первыми его знакомцами. Эта любовь къ родной странѣ составляетъ тотъ элементъ любви къ отечеству, который можно назвать физическимъ.

Любить отечество, далѣе, значитъ любить населяющій родную землю народъ. Люди, населяющіе извѣстную территорію земной поверхности, считаютъ себя обладателями ея и ее считаютъ своею родною землею въ силу того, что она воздѣлана и оставлена имъ въ наслѣдіе ихъ прадедами, дѣдами и отцами. Это общее наслѣдованіе земли и совмѣстное пользованіе ею необходимо соединяетъ людей тѣсными узами, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ имъ свой особый отпечатокъ, съ одной стороны, въ силу кровнаго племеннаго родства ихъ, съ другой—въ силу одинаковости внѣшнихъ условій въ ихъ со-

вмѣстной работѣ. Группа людей, соединенная этими тѣсными узами и получившая свой особенный отпечатокъ въ силу указанныхъ условій, и образуетъ то живое цѣлое, которое называется націей, или народомъ. Быть живымъ членомъ этого цѣлаго значитъ любить свой народъ. Любить свой народъ—значитъ любить его особый природный отпечатокъ, особенности его натуры и характера,—любить продукты его духовнаго творчества, языкъ, произведенія искусства, литературы,—любить его прошлое, т. е. его исторію, преданія,—любить его настоящее, т. е. его нравы, обычаи, особенности его быта,—любить его будущее, т. е. его идеалы и стремленія. Эта любовь къ народу составляетъ тотъ элементъ любви къ отечеству, который можно назвать національнымъ.

Любить отечество, далѣе, значитъ любить ту *гражданственность*, которую выработалъ народъ. Результатомъ всего прошлаго народа является извѣстный опредѣльный укладъ гражданской жизни народа, извѣстное политическое устройство съ правовымъ порядкомъ, законами, разными учрежденіями—административными, судебными, просвѣтительными и т. д. Это устройство объединяетъ народъ въ то цѣлое, въ то единство, обнимающее и закрѣпляющее и географическія и этнографическія границы, которымъ является государство и которое въ существѣ своемъ представляетъ собою исторически сложившійся отпечатокъ своеобразнаго характера народа. Такъ какъ государство предполагаетъ собою и страну, и народъ, то любовь къ отечеству въ высшемъ смыслѣ есть любовь къ своему государству, къ исторически установившемуся укладу государственнаго общежитія. Сосредоточіе жизни государства составляетъ государственная власть, высшимъ воплощеніемъ и олицетвореніемъ которой является глава государства, выдѣляющійся изъ общей массы членовъ государства какъ верховный носитель государственной идеи и какъ верховный охранитель государственныхъ интересовъ. Поэтому, любовь къ своему государству необходимо соединяется съ любовью къ царствующему лицу и царствующему роду вообще. Любовь къ своему государству и къ главѣ его составляетъ тотъ элементъ любви къ отечеству, который можно назвать политическимъ.

Любить отечество, наконецъ, значитъ любить *благо* отечества, благо родной страны, благо своего народа, благо своего государства,—дорожить этимъ благомъ, охранять его, служить ему, любить самое это служеніе, любить свои обязанности, направленные къ охраненію и возвышенію блага своего отечества. Это составляетъ самый высшій моментъ въ любви къ отечеству,— тотъ моментъ, который можно назвать правственнымъ.

Опредѣливши, что такое любовь къ отечеству, мы обратимся теперь къ первому указанному нами возрѣнію на патріотизмъ, къ тому возрѣнію, которое признаетъ патріотизмъ не болѣе, какъ только нечистымъ отстоемъ прошлыхъ вѣковъ, какъ такимъ явленіемъ, которое могло имѣть мѣсто только при низшемъ состояніи человѣческой культуры, и при высшемъ состояніи ея неизбежно должно исчезнуть, уступивъ свое мѣсто высшимъ, универсальнымъ, всеобъемлющимъ началамъ интернаціонализма и космополитизма.

Относительно этого возрѣнія нужно сказать вообще, что оно несомнѣнно принадлежитъ къ числу тѣхъ, къ сожалѣнію, очень многочисленныхъ въ наше время ученій, которыя впадаютъ въ ту главную и основную погрѣшность, что прилѣпляются единственно къ теоретическимъ идеаламъ, порываютъ всякіе счеты съ фактами и законами реального міра и теряютъ такимъ образомъ истинный смыслъ окружающихъ реальностей. Всякое явленіе въ человѣческомъ мірѣ можетъ быть правильно понято и объяснено, только когда будутъ приняты въ соображеніе основные законы бытія вообще, законы всякой жизни и, въ частности, жизни человѣческой. И стоитъ только внимательно присмотрѣться къ этимъ законамъ, для насъ съ ясностію и, несомнѣнностію раскроется вся несостоятельность и фальшь разсматриваемаго возрѣнія на патріотизмъ. При свѣтѣ этихъ законовъ намъ ясно откроется вся невозможность отнести это явленіе (патріотизмъ) къ числу такихъ, которыя, подобно напр. обычаямъ, имѣютъ только условный и относительный характеръ, значитъ по существу своему подвержены измѣнчивости; напротивъ, намъ представится неизбежная необходимость отнести это явленіе къ неизмѣнно-

постояннымъ, существенно необходимымъ и потому не могущимъ когда либо исчезнуть въ обиходѣ общественной человѣческой жизни.

По самой коренной своей основѣ патриотизмъ, несомнѣнно, представляетъ собою своеобразное выраженіе самаго универсальнаго космическаго закона, которымъ является законъ тяготѣнія отдѣльныхъ индивидуальныхъ частей къ тому цѣлому, къ той сферѣ, гдѣ заключаются условія происхожденія и существованія этихъ частей. Самый величественный типъ этого строя, этого отношенія частей къ цѣлому представляетъ астрономическій міръ. Планеты, образовавшіяся, какъ говоритъ естествознательная гипотеза, чрезъ преобразование первоначально однообразнаго и разсѣяннаго цѣлага, какимъ была первобытная космическая матерія, представляютъ стройное сочетаніе отдѣльныхъ частей, имѣющихъ тяготѣніе къ общему центру того связнаго цѣлага, какимъ является солнечная система. Спутники планетъ, образовавшіеся чрезъ отдѣленіе отъ послѣднихъ, имѣютъ тяготѣніе къ сферѣ обращенія своихъ планетъ.

Болѣе нагляднымъ и осязательнымъ дѣйствіе того же закона представляется въ растительномъ и животномъ мірѣ. Животныя и растенія распредѣляются по земной поверхности не безразлично—гдѣ попало и какъ пришло; различные виды ихъ соотвѣтствуютъ различнымъ климатическимъ полосамъ, и каждый видъ имѣетъ тяготѣніе къ той полосѣ, которая представляетъ собою сферу условій, наиболѣе благопріятствующихъ для лучшаго сохраненія и размноженія этого вида. Какова сила тяготѣнія животныхъ къ соотвѣтствующимъ ихъ природному характеру условіямъ жизни, это хорошо выражаетъ русская пословица: „какъ волка ни корми, онъ все будетъ смотрѣть въ лѣсъ“. Растенія и животныя, перенсенныя въ другія, необычныя для нихъ внѣшнія условія, хирѣютъ и скоро погибаютъ. И если по отношенію къ нѣкоторымъ видамъ растеній и животныхъ и удавались [опыты надъ акклиматизаціей ихъ, т. е. надъ приспособленіемъ ихъ къ другимъ климатическимъ условіямъ, то это всегда достигалось только послѣ извѣстной борьбы: акклиматизація вызываетъ особенныя

болѣзни, отъ которыхъ всегда гибнетъ извѣстный процентъ пришельцевъ.

Безспорно, что и человѣкъ не изъять изъ дѣйствія того же общаго закона. Мало того: этотъ законъ въ человѣческомъ существѣ, сравнительно съ другими органическими существами, имѣетъ болѣе многосторонніе и болѣе глубокіе корни, — онъ имѣетъ свои корни не только въ условіяхъ физической жизни человѣка, но, кромѣ того и главнымъ образомъ, въ условіяхъ всей его психической организаціи.

Уже по отношенію къ внѣшнимъ, физическимъ условіямъ существованія, человѣкъ представляетъ то существенно важное отличіе отъ другихъ органическихъ существъ, что тогда какъ у послѣднихъ ихъ связь съ извѣстной внѣшней средой поддерживается зависимостію ихъ отъ условій этой среды, приспособленностію ихъ къ этимъ условіямъ, — у человѣка эта связь держится на *взаимодѣйствіи* между нимъ и средой, и потому эта связь становится болѣе тѣсной. Та земля, которую человѣкъ называетъ родною, считается имъ таковою не потому только, что эта земля кормитъ его — въ томъ же смыслѣ, какъ кормитъ земля растенія и животныхъ, но и потому, что человѣкъ самъ воздѣлываетъ эту землю, поливаетъ ее своимъ потомъ. Вслѣдствіе этого между народомъ, населяющимъ извѣстную землю, и этою землею возникаетъ и съ теченіемъ времени развивается тѣсное отношеніе взаимности: и земля во многихъ отношеніяхъ, при посредствѣ культуры, получаетъ отпечатокъ особенностей народа, и особенности народа получаютъ отпечатокъ окружающей природы. Вотъ гдѣ лежитъ одинъ изъ глубокихъ корней любви человѣка къ своей родной землѣ.

Но человѣка влечетъ къ родной землѣ не одно то, что съ нею связаны его физическое существованіе, его трудъ, его внѣшнее благосостояніе; всѣхъ насъ соединяютъ съ тою почвой, на которой мы произошли, и тѣсные узлы духовнаго родства. Въ основѣ того умственнаго капитала, какимъ человѣкъ распоряжается въ теченіи своей жизни, и того духовнаго развитія, какого онъ впоследствии достигаетъ, лежатъ тѣ впечатлѣнія, тѣ факты и картины, какія человѣкъ съ дѣтства жадно и незамѣтно воспринимаетъ своими чувствами въ данной обста-

новкѣ своей родной земли. Здѣсь человѣкъ начинаетъ познавать и научается понимать весь міръ Божій, потому что нѣтъ такого угла обитаемой земли, гдѣ бы естественная обстановка не представляла изображенія въ меньшемъ видѣ всего, что есть общаго и основнаго во всей природѣ. Во всякой мѣстности есть своя минералогія, своя ботаника, зоологія, геологія, метеорологія, гидрологія, дающія пищу для ума и знанія; во всякой мѣстности есть свои чудеса природы, возбуждающія воображеніе и чувство. Все это, что человѣкъ находитъ на своей родной почвѣ, онъ воспринимаетъ въ самага себя и какъ бы превращаетъ въ свою духовную жизнь. Вслѣдствіе этого на всю психическую организацію его, болѣе или менѣе замѣтно, кладется своеобразный отпечатокъ родной почвы. Какъ съ самымъ близкимъ другомъ, человѣкъ тѣсно сживается съ ней, какова бы она ни была. И „лапландецъ, какъ говоритъ Карамзинъ, рожденный почти въ гробѣ природы, несмотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей“. Когда человѣкъ разстается съ своей родной страной, онъ испытываетъ тяжелое чувство тоски по ней. И какую бы бродячую жизнь ни велъ человѣкъ, какими бы картинами онъ ни наполнялъ своей памяти въ своихъ странствованіяхъ, бываютъ времена, когда предъ его глазами застилаются всѣ эти картины и на ихъ мѣстѣ являются такъ же ясно, какъ въ былое время, первоначальныя картины его дѣтства, родные холмы, поля, даже всякіе мелочи изъ обстановки родной страны:

. . . „песчаный косогоръ,
„Передъ избушкой двѣ рябины,
„Калитка, сломанный заборъ...

Это тѣсное духовное родство, образующееся между человѣкомъ и его родной почвой, составляетъ другой глубочайшій корень любви къ родинѣ.

Еще глубже и многостороннѣе тѣ корни, изъ которыхъ возникаетъ любовь человѣка къ отечеству не какъ только къ родной странѣ, а какъ къ тому собирательному, общественному, народно-политическому цѣлому, къ которому отдѣльный человѣкъ принадлежитъ какъ его составная часть,—любовь человѣка къ своему народу, населяющему землю его отцевъ,

любовь къ своему государству, въ которое организовался этотъ народъ.

Въ совершенной изолированности человѣкъ не жилъ никогда и нигдѣ. По самой природѣ своей человѣкъ есть общественное существо, самой природѣ его присущи общественныя влеченія и потому съ самыхъ первоначальныхъ временъ люди соединялись въ такія или иные общественныя союзы, образовывали такія или инныя общественныя связи. Общественныя влеченія присущи и многимъ животнымъ. Но у нихъ эти влеченія служатъ только къ удовлетворенію потребностей физической жизни, къ сохраненію рода, къ охраненію физическаго благосостоянія. У человѣка же они служатъ къ удовлетворенію не только тѣлесныхъ потребностей, но и потребностей его духовной жизни, потому что общеніе съ другими людьми и содѣйствіе ихъ необходимы человѣку не только для сохраненія его физическаго благосостоянія, но и для его духовнаго развитія и совершенствованія, для большаго и большаго осуществленія его внутренняго человѣческаго достоинства. Не всякая, однако, собирательная, общественная жизнь людей представляетъ одинаково благопріятныя для этого условія. Наиболѣе благопріятныя для этого условія представляетъ въ себѣ то собирательное, народно-политическое цѣлое, которымъ является государство, и важнѣйшими изъ такихъ условій здѣсь являются слѣдующія: 1) Государство есть не просто только собирательное цѣлое, но цѣлое организованное, есть организмъ, вмѣющій большую аналогію со всякими индивидуальными организмами. Наиболѣе важное сходство тутъ состоитъ въ томъ, что какъ во всякомъ индивидуальномъ организмѣ, такъ и въ государственномъ цѣломъ, при первоначальномъ неразвитомъ состояніи его почти не существуетъ взаимной зависимости частей, а потомъ части эти постепенно приобрѣтаютъ взаимную зависимость, которая наконецъ дѣлается такъ велика, что жизнь и дѣятельность каждой части обусловливается жизнью и дѣятельностію прочихъ частей. Этимъ живымъ и тѣснымъ взаимодействіемъ отдѣльныхъ частей въ государственномъ организмѣ и обусловливается возможность все большаго и большаго развитія и совершенствованія какъ цѣлаго организма въ его

строеніи и отправленіяхъ, такъ и отдѣльныхъ составныхъ частей его. Отдѣльныя человѣческія единицы внѣ государственной организаціи не были бы *живыми* членами цѣлаго, способными проявлять истинную, возможно полную человѣческую жизнь и достигать истиннаго, возможно полнаго человѣческаго развитія. „Все, чѣмъ мы питаемъ свою духовную природу, все, что даетъ красоту и достоинство нашей жизни въ области религіи, науки и искусства, все это выросло на почвѣ образованнаго общежитія, обусловленнаго государственнымъ порядкомъ“¹⁾. Истинный космополитъ не живой членъ человѣчества, а, какъ мѣтко сказалъ Карамзинъ, „есть существо метафизическое“. Тургеневъ выражается еще сильнѣе: „космополитъ—это нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ“. 2) Определенная организація государства есть необходимый историческій продуктъ всего предшествовавшаго развитія извѣстнаго человѣческаго общества, она является отпечаткомъ своеобразнаго характера этого общества, наиболѣе отвѣчаетъ его идеальнымъ стремленіямъ и потому обеспечиваетъ наиболѣе естественное и нормальное его состояніе и дальнѣйшее его развитіе и совершенствованіе. 3) Хотя бы въ государственное цѣлое входили народности не родственныя по происхожденію и по крови, но для всѣхъ нихъ государство одинаково является *отечествомъ*, т. е. между нами устанавливается нѣкоторое родственное отношеніе, потому что основной принципъ народно-государственнаго союза тотъ же, какъ и принципъ союза родового: цѣль образованія государства состоитъ въ томъ, чтобы установить въ широкомъ кругу народныхъ отношеній такую же солидарность, такое же мирное сожителство людей, какъ это естественнымъ образомъ существуетъ въ предѣлахъ рода.

Перечисленными условіями достаточно выясняется, почему присущее самой природѣ человѣка вообще такъ называемое социальное влеченіе, влеченіе къ другимъ людямъ, къ обществу, естественнымъ и необходимымъ образомъ принимаетъ у него тотъ видъ, какой представляетъ собою влеченіе къ отечеству, какъ къ тому народно-государственному цѣлому, часть котораго составляетъ человѣкъ.

¹⁾ В. С. Соловьевъ.

Влеченіе къ отечеству, представляя собою, вслѣдствіе указанныхъ условій, естественный и необходимый видъ общаго соціального влеченія, у отдѣльныхъ личностей находитъ въ себѣ сильную поддержку, прежде всего, въ побужденіи эгоистическаго характера, въ чувствѣ личной пользы. Самое легкое размышленіе научаетъ насъ, что наше собственное благосостояніе, наши личные интересы и пользы неразрывно связаны съ тѣмъ, что представляетъ въ себѣ наше отечество; „его просвѣщеніе, какъ говоритъ Карамзинъ, окружаетъ насъ многими удовольствіями въ жизни, его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій, слава его есть наша слава“. Такимъ образомъ одна любовь къ собственному благу составляетъ сильное побужденіе къ любви къ отечеству.

Еще большую поддержку влеченіе къ отечеству находитъ себѣ въ силѣ симпатіи и привычки. Хотя симпатія, какъ даръ природы, можетъ имѣть предметомъ своимъ всякое лицо, всякое существо, даже всякую вещь, но преимущественными предметами человѣческой симпатіи обыкновенно являются лица родственныя, вообще въ какомъ нибудь отношеніи близкія; симпатія преимущественно развивается между такими людьми, между которыми существуютъ болѣе тѣсныя и живыя отношенія, есть болѣе взаимнаго пониманія. Взаимообмѣнъ симпатіи и добрыхъ отношеній всегда способствуетъ возрастанію ея. Такимъ образомъ, хотя симпатія можетъ простирается на всѣхъ и все, но обыкновенно, развиваясь преимущественно въ какомъ нибудь извѣстномъ направленіи, она—такъ сказать—спеціализируется. Живыя, тѣсныя и постоянныя соприкосновенія человѣка со своими согражданами и даютъ его симпатіи то спеціальное направленіе, что она наиболѣе возрастаетъ у него именно по отношению къ своимъ соотечественникамъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ влеченіе къ отечеству въ весьма значительной степени поддерживается, несомнѣнно, и силой привычки. Всегдашнее ощущеніе вокругъ себя извѣстныхъ лицъ, постоянно видимыхъ и слышимыхъ, образуетъ такую привычку къ нимъ, такую потребность въ сообществѣ ихъ, что необходимо вызывается соотвѣтствующее стремленіе,

или желаніе, которому трудно бываетъ противостоять, а потому отсутствіе привычныхъ лицъ всегда неизбѣжно вызываетъ чувство неудовлетворенности, безпокойства, тоски. Тѣсныя и постоянныя отношенія между людьми въ извѣстной общественной средѣ необходимо образуютъ у нихъ приспособленіе какъ другъ къ другу, такъ и вообще ко всѣмъ наличнымъ условіямъ и всей обстановкѣ этой среды, и если бы въ данной средѣ вначалѣ окружало человѣка даже что-нибудь само по себѣ непріятное, то, вслѣдствіе приспособленія и образующейся затѣмъ привычки, это непріятное перестаетъ быть непріятнымъ и даже можетъ перейти въ потребность. Этотъ фактъ люди съ простымъ смысломъ, незараженные разными мечтательными теоріями, выражаютъ въ такихъ простыхъ словахъ: пусть чужое что нибудь будетъ и лучше, но мнѣ *свое* всетаки больше нравится и болѣе желательно. Тутъ заключается та простая истина, что *свое* хорошо уже потому, что оно намъ болѣе соответствуетъ, по условіямъ и особенностямъ *нашей* жизни болѣе намъ пригодно. Вообще сила привычки и приспособленія образуетъ въ человѣкѣ нѣкоторый особенный духовный складъ, который тѣсно роднитъ его со всѣмъ своимъ, отечественнымъ.

Итакъ, влеченіе къ отечеству, какъ мы видимъ, представляя собой великій голосъ самой природы, говорящій человѣку, что онъ только часть цѣлаго, имѣетъ многіе и глубокіе корни во всѣхъ естественныхъ условіяхъ тѣлесно-духовной жизни человѣка.

Но человѣкъ есть существо сознательно—разумное, нравственное. Что дано у него въ природѣ, онъ долженъ возводить на степень своего сознательнаго дѣйствія, естественныя свои влеченія долженъ возвышать на степень свободной и сознательной любви. Какъ внутреннее, свободное и сознательное отношеніе, любовь къ отечеству принимаетъ у человѣка нравственный характеръ, получаетъ нравственное значеніе, т. е. переходитъ у него въ *обязанность*, въ *долгъ* по отношенію къ своему отечеству, т. е. къ тому гражданскому обществу, которое является поприщемъ его дѣятельности, въ которомъ разнообразныя виды его дѣятельности должны развиваться въ томъ именно свое-

образномъ направленіи, какое соотвѣтствовало бы своеобразному характеру и строю этого общества. Ясное сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ отечеству и вѣрное ихъ исполненіе образуетъ *добродѣтель* патріотизма, которая издревле имѣла и въ христіанствѣ получила и религіозное освященіе. Въ основѣ патріотической любви, какъ обязанности, лежитъ долгъ благодарности къ отечеству, а высшимъ руководящимъ нравственнымъ принципомъ благодарности является идея справедливости. Первообразомъ любви патріотической служитъ любовь семейная, любовь дѣтей къ родителямъ. И по естественному влеченію сердца, и по сознанію долга дѣти питаютъ чувство благодарности къ своимъ родителямъ, какъ виновникамъ ихъ бытія, какъ охранителямъ ихъ благосостоянія, какъ неисчерпаемымъ источникамъ всякихъ возможныхъ благодѣяній для нихъ; иное отношеніе дѣтей къ родителямъ было-бы явленіемъ неестественнымъ, непормальнымъ. Этотъ сыновній долгъ благодарности, расширяясь въ своемъ объемѣ, но не измѣняясь въ своей сущности, и для гражданина составляетъ обязанность по отношенію къ отечеству, ибо въ немъ онъ получаетъ не только всѣ условія, необходимыя просто лишь для своего существованія, но и всѣ преимущества для своего *достойнаго* человѣческаго существованія, всѣ условія для своего человѣческаго развитія и совершенствованія. Всѣ эти условія и преимущества онъ находитъ готовыми, данными ему безъ всякаго его труда и заслугъ; и какъ ему не быть благодарнымъ къ тому, кто это даетъ! Быть благодарнымъ—значитъ дорожить тѣмъ, цѣнить и любить того и то, отъ кого и что мы получаемъ. А что значитъ истинно любить? Истинная любовь не есть только простое пассивное чувство, проявляющееся лишь въ сочувствіи потребностямъ, въ сорадованіи благу и состраданіи несчастіямъ тѣхъ, кого мы любимъ; она есть любовь дѣятельная, которая не терпитъ косности и бездѣйствія, а требуетъ дѣйствительнаго и опредѣленнаго выраженія. Истинно любить что-либо значитъ дѣятельно охранять и заботливо улучшать это. Отсюда истинная патріотическая любовь, какъ долгъ, необходимо заключаетъ въ себѣ двѣ обязанности: одна обязанность—консервативнаго

свойства—состоитъ въ дѣятельномъ служеніи интересамъ самосохраненія общественнаго организма, въ охраненіи основъ и устоевъ того строя общежитія, какой существуетъ въ данномъ государственномъ цѣломъ; другая обязанность—прогрессивнаго свойства—состоитъ въ содѣйствіи улучшенію всѣхъ условій, способствующихъ возвышенію и усовершенствованію состоянія общества, соединеннаго въ это цѣлое. Забвеніе со- стороны гражданъ первой обязанности повело бы къ разстройству и распаденію государственнаго организма; при забвеніи другой обязанности общественная жизнь закоснѣла-бы и остановилась бы на одной точкѣ историческаго процесса. Ясное сознаніе и вѣрное исполненіе этихъ обязанностей, образуя добродѣтель патріотизма, напротивъ, пріобрѣтаетъ величайшее значеніе, ибо является могущественной силой, обеспечивающей жизненность, мощь, процвѣтаніе и величіе государства. Изъ этой добродѣтели рождается добровольное и охотное повиновеніе власти вообще и, имѣющее особенно важное значеніе, особенное уваженіе къ верховной власти, представляющей собою высшее воплощеніе народнаго разума и народной совѣсти,— также уваженіе къ авторитету законовъ и установленій государства. Изъ нея рождается свободное и охотное содѣйствіе осуществленію цѣлей и интересовъ государства и всегдашняя готовность защищать эти интересы; въ минуты, когда государству угрожаетъ опасность отъ внѣшнихъ враговъ или внутреннихъ раздѣленій, изъ нея рождаются мужество и непоколебимая вѣрность долгу, дѣлающія человека готовымъ, ради спасенія отечества, на величайшія жертвы. Изъ той же добродѣтели рождается чувство гражданской чести, побуждающее человека со всею добросовѣстностію исполнять дѣло того служенія, какое выпадаетъ на его долю въ его отечествѣ. Она же побуждаетъ человека къ живому участию въ общественной благотворительности, къ взаимопомощи въ матеріальной или духовной нуждѣ. Изъ этого видно, какъ велика добродѣтель патріотизма.

Эта великая гражданская добродѣтель, какъ сказано было, издревле имѣла и въ христіанствѣ получила и религіозное освященіе. У древнихъ народовъ отечество было вотчиной осо-

баго бога; такимъ образомъ служеніе родинѣ было для нихъ дѣятельнымъ богослуженіемъ. Въ христіанствѣ и Самъ Божественный Основатель его, и Его ученики освятили любовь къ отечеству и словомъ, и примѣромъ. Изъ многихъ, содержащихся въ Новомъ Завѣтѣ указаній на это, мы приведемъ лишь немногія—болѣе ясныя и прямыя. Въ одну изъ самыхъ важныхъ минутъ Своего спасительнаго подвига на землѣ, когда Господь предъ своими страданіями торжественно входилъ въ Іерусалимъ, Онъ скорбѣлъ и плакалъ о грядущей судьбѣ этого города; конечно, онъ жалѣлъ не о стѣнахъ этого города, которыя будутъ разрушены, не о домахъ, которые будутъ разорены,—Іерусалимъ былъ символомъ всего отечества еврейскаго народа, и въ данномъ случаѣ Господь жалѣлъ о своемъ народѣ, плакалъ о судьбѣ своего отечества. Въ словахъ, которыя Господь сказалъ въ бесѣдѣ съ самарянянкой, что *спасеніе отъ іудеевъ* (Іоан. IV, 22), и въ предварительномъ наставленіи, преподанномъ ученикамъ: *идите наипаче къ погибшимъ овцамъ дома Израилева* (Мѡ. X, 6), Господь показываетъ не что иное, какъ любовь къ своему народу. Всѣ апостолы точно слѣдовали примѣру и завѣту своего Учителя. И ап. Павелъ, ставши апостоломъ языковъ, не сдѣлался однако космополитомъ, онъ сохранилъ горячую любовь къ своему народу: „истинно говорю во Христѣ, не лгу: свидѣтельствуется мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, т. е. Израильтянъ, которымъ принадлежатъ усыновленіе, и слава, и завѣты, и заковоположеніе, и богослуженіе, и обѣтованія; ихъ и отцы, и отъ нихъ Христосъ по плоти.. Братія! желаніе моего сердца и молитва къ Богу объ Израилѣ во спасеніе“ (Рим. IX, 1—5, X, 1).

Итакъ, любовь къ отечеству, какъ видно изъ сказаннаго, глубоко коренится, можно сказать, во всемъ существѣ чловѣка. Что послѣ Бога и Церкви наше отечество, наша Родина съ Царемъ—самыя дорогія святыни для нашего сердца, это убѣжденіе не наносное, не навѣяно со стороны, не внушено откуда нибудь отънѣ. Оно вынашивалось вѣками, взлелѣяно

безчисленными поколѣніями, выковано всей нашей исторіей. Оно, какъ голосъ сердца, въ душѣ каждаго зарождается вмѣстѣ съ первымъ поцѣлуемъ и благословеніемъ отцовъ и матерей, растетъ и крѣпнетъ, вмѣстѣ съ нашимъ ростомъ и развитіемъ, среди полей и лѣсовъ нашей родной земли, въ родныхъ нашихъ святыхъ храмахъ, въ деревняхъ, селахъ, городахъ. Оно въ нашей крови, въ нашей душѣ, въ нашей вѣрѣ, во всемъ нашемъ существѣ. Конечно, подъ вліяніемъ разныхъ превратныхъ ученій, въ чаду и туманѣ, нагоняемомъ ими, это убѣжденіе можетъ ослабляться, затемняться, какъ можетъ ослабляться и сама вѣра, какъ можетъ затемняться и сама совѣсть, но совсѣмъ искорениться и истребиться въ душѣ человѣка все это не можетъ.

Перейдемъ теперь къ другому, указанному нами возрѣнію на патріотизмъ,—къ тому возрѣнію, которое не отвергаетъ совсѣмъ патріотизма, но выражаетъ только своеобразное пониманіе его.

Главный пунктъ этого возрѣнія составляетъ то утвержденіе, что патріотизмъ нельзя возводить въ долгъ, какъ и вообще любовь нельзя возводить въ обязанность. Любовь, говорятъ, свободна, она дышетъ, гдѣ хочетъ; нельзя ни приказать любить, ни потребовать любви. Разсмотримъ: такъ ли это?

Если бы это было такъ, то нужно было бы отвергнуть все христіанство, ибо самая основная заповѣдь христіанства есть именно заповѣдь о любви. Можно ли сказать, что, выражая эту заповѣдь, христіанство предъявляетъ человѣку иѣчто такое, что не соотвѣтствуетъ законамъ и условіямъ его природы,—требуется отъ человѣка невозможнаго? Совсѣмъ напротивъ: истинность и сила христіанства въ томъ и заключается, что оно не насилуетъ никакихъ законовъ и основныхъ требованій человеческой природы, но только указываетъ ихъ болѣе вѣрное направленіе и даетъ имъ лучшее и высшее удовлетвореніе. Одинъ изъ древнихъ учителей церкви, Тертуліанъ, сказалъ, что душа человеческая по самой природѣ своей—христіанка, и этимъ выразилъ ту глубокую истину, что душа сама въ себѣ носитъ невольное, инстинктивное удостовѣреніе въ истинахъ христіанскихъ. И стоить только прислушаться къ голосу

самой души, проникнуть въ законы ея жизни, и мы должны будемъ признать, что любовь вполне можетъ стать предметомъ заповѣди и обязанности.

Тѣ, которые отрицаютъ это, несомнѣнно, смѣшиваютъ чувство любви вообще съ чувственною любовью, съ чувственнымъ влеченіемъ. Отъ чувственной любви, дѣйствительно, по самому существу ея, нельзя требовать постоянства, и такую любовь нельзя возводить въ обязанность; такая любовь, дѣйствительно, дышетъ, гдѣ хочетъ, потому что ея возникновеніе зависитъ всегда отъ присутствія внѣшняго возбужденія (стимула), ея сила и продолжительность обусловливается только силой и продолжительностію этого возбужденія; съ прекращеніемъ внѣшняго возбужденія, прекращается и она; если возбужденіе исходитъ отъ новаго предмета, она обращается на этотъ новый предметъ. Но любовь, въ настоящемъ, собственномъ, истинномъ смыслѣ,—какъ чисто духовное чувство, имѣетъ то существенное свойство, что ей присущъ характеръ идеальности, по которому она для своего возникновенія, сохраненія и возрастанія не нуждается непременно въ присутствіи внѣшняго возбужденія, а можетъ вызываться, поддерживаться и оживляться чисто духовными возбужденіями,—идеями, представленіями, благодаря чему и можетъ пріобрѣтать устойчивость и постоянство. Вообще всѣ такъ называемыя духовныя чувствованія находятся въ зависимости отъ идей и представленій, и такъ какъ своими мыслями и представленіями мы можемъ управлять, то, благодаря связи съ ними чувствованій, мы можемъ управлять и своими чувствованіями, и давать имъ то или другое направленіе. Сосредоточивая свое сознаніе на однѣхъ мысляхъ и представленіяхъ, мы можемъ возбуждать одни чувствованія; вызывая другія мысли и представленія, мы можемъ давать пищу другимъ чувствованіямъ. Точно также, дѣйствуя на представленія, мы можемъ и уничтожить въ себѣ какое нибудь чувство; для этого мы усиливаемся устранить изъ сознанія такія представленія, которыя даютъ ему пищу, и вызвать представленія, противодѣйствующія ему. Производя измѣненіе въ ходѣ и направленіи своихъ мыслей и представленій, человекъ можетъ по отношенію къ извѣстному пред-

мету, вмѣсто одного чувства, возбудить въ себѣ другое, даже совсѣмъ противоположное; намъ стоитъ только переменить рядъ мыслей, чтобы почувствовать напр. благодарность къ тому человѣку, на котораго мы незадолго предъ тѣмъ сердились; терпѣливымъ подборомъ представленій даже глубокое чувство отвращенія можно переменить въ любовь. И если, такимъ образомъ, человѣкъ имѣетъ несомнѣнную власть надъ своими чувствованіями, то ясно и несомнѣнно, что чувство любви можетъ быть для него предметомъ заповѣди и обязанности. Христіанство, выражая заповѣдь любви, очевидно, выходитъ въ этомъ случаѣ изъ глубокаго пониманія человѣческой природы.

И если можетъ возводиться въ обязанность любовь вообще, то тѣмъ болѣе это нужно сказать относительно того особаго вида любви, какой представляетъ собою любовь патріотическая. Вѣдь въ этой любви человѣкъ только осмысливаетъ, освѣщаетъ своимъ самосознаніемъ и закрѣпляетъ своей свободной волей то влеченіе, которое и само по себѣ съ силой заявляетъ себя, потому что глубоко коренится во всѣхъ условіяхъ человѣческаго существованія. Осмысливаемая въ актѣ самосознанія и закрѣпляемая актомъ свободной воли, любовь къ отечеству становится внутреннимъ, сознательнымъ и свободнымъ отношеніемъ, чрезъ что и получаетъ свое нравственное значеніе, переходитъ въ долгъ, обязанность.

Признавши за любовью къ отечеству нравственное значеніе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны признать совсѣмъ ложнымъ и то утвержденіе защитниковъ разсматриваемаго воззрѣнія на патріотизмъ, что истинный патріотизмъ—будто бы—вызывается лишь гордостію за свое отечество, лишь реальнымъ сознаніемъ того, за что отечество можно любить; поэтому отечество—будто-бы, нельзя любить, если имъ нельзя гордиться. Ложь такого пониманія патріотизма заключается въ томъ, что оно отнимаетъ у него все его высокое достоинство, все его нравственное величіе, ибо превращаетъ его въ грубое эгоистическое чувство. По этому пониманію выходитъ, что истинный патріотизмъ рождается такъ, что человѣкъ сначала взвѣшиваетъ и рассчитываетъ, *есть ли за что любить* отечество, и только уже точно

разсчитавши это, дѣлается патріотомъ. Можно ли еще грубѣе исказить смыслъ патріотизма! Какъ бы что ни говорили другіе, но едвали кому когда нибудь удастся опровергнуть ту истину, что истинная любовь по существу своему безкорыстна, она „не ищетъ своего“, и истинный патріотизмъ нужно также понимать не иначе, какъ только въ видѣ безкорыстнаго чувства. Истинный патріотъ по первому призыву родины готовъ отдать ей свою жизнь, не разсуждая, не высчитывая, сколько ему за это причтется. Такъ выходитъ не въ теоріи только; это не сантиментальная, квасная, прописная мораль. Живые примѣры, подтверждающіе это, мы видѣли и въ пережитую эпоху нашей кровавой войны съ Японіей, и въ послѣдовавшіе за тѣмъ дни великой смуты въ нашемъ отечествѣ. Проявленные въ эти тяжелые дни, мужество и героизмъ нашихъ борцовъ за честь родины даютъ полное основаніе сказать, что, къ счастью, Русь не оскудѣла еще истинными патріотами, готовыми пожертвовать своими жизнями не изъ гордости и самолюбія, а именно во имя святой и высокой, чуждой всякаго эгоизма, любви къ своей родинѣ.

Правда, съ патріотизмомъ имѣетъ связь гордость, но эту связь совсѣмъ нельзя понимать такъ, будто истинный патріотизмъ возникаетъ изъ гордости, а, совсѣмъ наоборотъ, нужно понимать такъ, что изъ патріотизма рождается благородная гордость. Истинный патріотизмъ проявляется въ живомъ стремленіи къ благу отечества, въ дѣятельномъ служеніи этому благу, и только тогда, когда человѣкъ сознаетъ, что онъ чѣмъ нибудь и какъ нибудь служить своей родинѣ, содѣйствуетъ ея благу, только тогда возникаетъ высокое чувство удовлетворенія, рождается благородная гордость. Сколько нибудь благоразумный и сознающій свое достоинство человѣкъ не станетъ гордиться тѣмъ, по отношенію къ чему онъ самъ былъ бы ни причемъ, не проявилъ бы никакого своего участія, не сознавалъ бы никакой своей заслуги. Противоположное явленіе было-бы только пошлымъ, глупымъ тщеславіемъ.

Если совсѣмъ ложною необходимо признать ту мысль, что истинный патріотизмъ возникаетъ только изъ гордости, изъ реального сознанія того, за что отечество можно любить, то

столько же ложною нужно признать и ту мысль, что отечество нельзя истинно любить, если въ немъ есть что либо нехорошее, дурное, не все обстоитъ такъ, какъ слѣдуетъ, такъ, какъ намъ правилось бы и какъ было бы желательно. Эта мысль стоитъ того, чтобы на ней остановиться и внимательно обсудить ее.

Конечно, нехорошее, дурное, какъ таковое, невозможно любить. Но если бы какой нибудь человѣкъ имѣлъ въ себѣ что нибудь и очень дурное, даже много дурного, это нимало не исключало бы возможности любить его. Христіанство заповѣдуетъ любить и грѣшниковъ. Любить грѣшника не значитъ любить самые его грѣхи. Грѣшникъ вмѣстѣ со своими грѣхами можетъ имѣть и добрыя свойства; изъ за этихъ—то свойствъ и можно любить грѣшника. Можно любить дурного человѣка и изъ за тѣхъ добрыхъ свойствъ, которыя онъ прежде имѣлъ, можно любить въ немъ прежняго хорошаго человѣка—такъ же, какъ любить человѣкъ напр. пеплеце своего родного дома. Наконецъ можно любить дурного человѣка изъ-за надежды на будущее, ожидая его исправленія, прозирая въ немъ будущаго хорошаго человѣка. Любви, какъ мы говорили раньше, существенно присущъ характеръ идеальности, тотъ характеръ, по которому она можетъ жить чисто идеальной жизнію, возбуждаться, сохраняться и оживляться чисто идеальными представленіями. Не получая даже никакого возбужденія въ настоящемъ, чувство любви можетъ оживляться и помимо этого или воспоминавіями изъ прошедшаго, или надеждами относительно будущаго и въ этомъ случаѣ можетъ достигать большой напряженности; такъ сохраняется у человѣка часто очень глубокое чувство любви къ отсутствующимъ, къ умершимъ. Этотъ свой характеръ любовь сохраняетъ, конечно, и въ томъ случаѣ, когда предметомъ ея является не отдѣльный человѣкъ, а цѣлый народъ, все отечество. Допустимъ даже, что въ настоящемъ состояніи отечества было бы все нехорошо, и все-таки отечество можно любить—истинною, горячею любовью. Понятіе отечества не исчерпывается однимъ настоящимъ его состояніемъ, въ это понятіе входитъ и прошедшее отечества, и его будущее, ибо

подъ отечествомъ нужно разумѣть всю цѣлость общей народно-государственной жизни, какъ она отчасти уже осуществилась въ прошедшемъ и сохраняется въ исторіи, преданіи, затѣмъ—какъ она осуществляется въ настоящемъ, наконецъ—какъ она представляется въ будущемъ—въ задачахъ и идеалахъ народныхъ и государственныхъ. И любить отечество, поѣтому, не значитъ только любить его настоящее, но значитъ—любить его прошедшее, его преданія, любить прошлую славу его, любить труды и подвиги нашихъ отцевъ, оставившихъ намъ въ наслѣдіе свою землю; любить отечество значитъ также—любить его будущее, представляемое въ задачахъ и идеалахъ народныхъ и государственныхъ. На рѣкахъ Вавилонскихъ евреи въ горькой скорби и слезахъ изливали свою любовь къ отечеству—къ какому? Къ тому отечеству, котораго для нихъ въ настоящемъ уже не существовало.

„И храмъ разрушенный — всежъ храмъ,

„Кумиръ поверженный—всежъ богъ...

Итакъ отечество можно любить и въ томъ случаѣ, если бы оно въ настоящемъ представляло въ себѣ даже все нехорошее.

Но этимъ раскрывается только съ одной стороны та ложь, которая заключается въ разсматриваемомъ пониманіи патріотической любви. Съ другой стороны, ложь этого пониманія заключается въ томъ, что оно, поставляя любовь въ полную зависимость отъ присутствія въ предметѣ ея только всего хорошаго, тѣмъ самымъ слишкомъ суживаетъ понятіе любви, придаетъ ей только какой-то эстетическій характеръ, превращаетъ ее въ простое любованіе и самоуслажденіе этимъ любованіемъ. Истинная любовь не есть любованіе и эгоистическое самоуслажденіе. Она есть дѣятельное чувство, полное самоотверженія. Стремясь къ благу, она не ищетъ только даннаго блага, чтобы имъ услаждаться, она стремится сама сообщить предмету, на который она обращается, то благо, котораго ему недостаетъ. Живой и постоянный примѣръ такой любви подаетъ намъ мать въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ. Дѣти иногда имѣютъ недостатки, которыхъ мать не можетъ не сознавать,—иногда проявляютъ такіе недостатки, которые заставляютъ ее сильно страдать, но она все-таки самоотвер-

женно любить своихъ дѣтей, неустанно работая надъ ихъ воспитаніемъ, исправленіемъ, совершенствованіемъ.

Не въ смыслѣ любованія и самоуслажденія, а именно въ смыслѣ такой же самоотверженной дѣятельной любви нужно понимать и истинный патріотизмъ. Для уясненія сущности патріотической любви недостаточно ставить ее въ сравненіе съ чувствомъ дѣтей къ родителямъ, но вмѣстѣ нужно сравнивать ее и съ любовью родителей, въ особенности съ любовью матери къ дѣтямъ. Патріотизмъ, конечно, прежде всего возникаетъ изъ чувства сыновней благодарности гражданина къ своему отечеству, въ которомъ онъ находитъ почву, корни и всѣ условія для своего земного существованія. Получивъ въ своемъ отечествѣ блага своего человѣческаго существованія, гражданинъ оказался бы недостойнѣйшимъ сыномъ родины, былъ бы позоромъ для нея, если бы онъ сталъ только усчитывать, сколько онъ получилъ и хорошо ли то, что онъ получилъ, и только на основаніи этого учета сталъ бы опредѣлять свое отношеніе къ родинѣ. Наши дѣды и отцы оставили намъ въ наслѣдіе то, что въ состояніи были оставить, чего своими трудами могли достигнуть, и мы должны быть благодарны за все, что получили. Но патріотическій долгъ не есть только долгъ сыновней благодарности. Для гражданина его родина есть въ извѣстномъ смыслѣ и его дитя, ибо судьба и благосостояніе родины во многихъ отношеніяхъ есть дѣло его созиданія. Поэтому на гражданинѣ лежитъ долгъ такого же самоотверженнаго служенія родинѣ, такой же безкорыстной и неустанной работы на ея благо, какъ это проявляетъ мать въ отношеніи къ своему дитяти. Въ родной странѣ, конечно, всегда найдутся разные недостатки, тѣ или другіе непорядки на землѣ ничего нѣтъ безъ недостатковъ, потому что здѣсь нѣтъ и не можетъ быть полнаго совершенства. Гражданинъ; какъ истинный патріотъ, заботясь о благѣ своей родины, по условіямъ и въ предѣлахъ своего служенія ей долженъ содѣйствовать исправленію ея недостатковъ, бороться съ ними, побѣждать ихъ. Какъ бы велики ни были недостатки въ родной странѣ, они никакимъ образомъ не могутъ служить извиненіемъ отсутствія любви къ ней и оправданіемъ холоднаго,

равнодушнаго, безразличнаго отношенія къ ней. Напротивъ, чѣмъ больше было бы недостатковъ въ родной странѣ, тѣмъ ревностиѣе и горячѣе должно быть служеніе ей; чѣмъ серьезнѣе были бы недостатки, тѣмъ строже гражданинъ долженъ стоять на стражѣ свсего патріотическаго долга. Любовь строга и ревнива. Никто изъ людей не любилъ своего народа больше, чѣмъ Мойсей, и никто не относился строже къ недостаткамъ своего народа, какъ онъ.

Въ особенности же не должна опускаться изъ вниманія та, къ сожалѣнію, не всѣми сознаваемая истина и, можетъ быть, потому и не сознаваемая, что она для насъ горькая истина,— что недостатки въ нашемъ отечествѣ вѣдь въ сущности суть наши собственные недостатки, ибо то народно-государственное цѣлое, которое мы называемъ отечествомъ, составляемъ мы же, отдѣльные граждане его. Поэтому наша любовь къ отечеству прежде всего и больше всего должна состоять въ нашемъ стараніи объ исправленіи собственныхъ недостатковъ, въ нашей работѣ надъ собственнымъ усовершенствованіемъ. Теперь у насъ слишкомъ много расплодилось такихъ критиковъ, которые, при обсужденіи разныхъ недостатковъ нашей жизни, себя совсѣмъ забываютъ и стараются свалить все только на другихъ,—эти „Климычи“, у которыхъ у самихъ руки не всегда бываютъ чисты, всегда „киваютъ на Петровъ“;

„Но чѣмъ другихъ считать трудиться,

„Не лучше ль на себя оборотиться!...

Точно также—въ послѣднее время черезчуръ много говорили и теперь неустанно продолжаютъ твердить о необходимости разныхъ преобразованій во внѣшнемъ строѣ нашей жизни, объ измѣненіи и улучшеніи формъ ея. Но само по себѣ вполне ясно: какія бы хорошія формы ни устанавливали у насъ, онѣ не улучшатъ нашей жизни, не возвысятъ благосостоянія нашей страны, если мы сами останемся при нашихъ недостаткахъ. Въ какой бы прекрасный и драгоценный сосудъ ни вливали дурное вино, оно не стаетъ отъ этого лучше. Только работой надъ нравственнымъ преобразованіемъ нашей собственной жизни мы внесемъ самый цѣнный вкладъ въ созданіе лучшей будущности нашего отече-

ства, его незыблемаго могущества и величія. Въ этомъ и будетъ заключаться лучшее проявленіе патріотизма.

Вообще же, преданно любить свою родину, на всѣхъ поприщахъ жизни вѣрно и самоотверженно служить благу родины при всѣхъ невгодахъ ея, вѣрность родинѣ считать за честь, любовь къ ней считать за долгъ и культъ,—вотъ въ чемъ состоитъ истинный патріотизмъ.

Этотъ патріотизмъ издавна былъ присущъ душѣ русскаго человѣка. Этимъ русскій народъ и создалъ свою величавую исторію и пріобрѣлъ себѣ имя великаго народа. „Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе“. Объ этомъ говоритъ вся наша исторія. Будемъ твердо надѣяться, что эта мощная сила, какою является живой духъ патріотизма, которая вывела нашъ народъ на путь величія въ прошломъ, скажется и нынѣ, побѣдоносно выведетъ его изъ того тяжелаго и опаснаго кризиса, какой онъ переживаетъ теперь, и онъ снова бодро пойдетъ по тому славному теченію, какое ему предъуживаетъ его исторія.

Н. Страховъ.

Протоіерей Ѳ. Ѳ. Сидонскій и его философскіе взгляды.

(По поводу исполнившагося столѣтія со дня рожденія,
1805—1905 г.)

Въ истекшемъ 1905 году исполнился столѣтній юбилей (со дня рожденія) одного изъ выдающихся труженниковъ на поприщѣ философской науки въ нашемъ отечествѣ, доктора философіи, профессора богословія С.-Петербургскаго университета, прот. Θεодора Θεодоровича Сидонскаго.

Въ области русской философской мысли болѣе или менѣе выдающихся дѣятелей вообще немного, и уже по тому одному эти дѣятели заслуживаютъ особеннаго вниманія. Поэтому мы и беремъ на себя задачу, по поводу исполнившагося столѣтія со дня рожденія прот. Ѳ. Ѳ. Сидонскаго, изложить его философскіе взгляды, предпославъ предварительно краткія біографическія свѣдѣнія о немъ.

Протоіерей Θεодоръ Θεодоровичъ Сидонскій, уроженецъ села Архангельска, Новоторжскаго уѣзда, Тверской губ., родился въ 1805 г. ¹⁾ Онъ послѣдовательно прошелъ три духовныя школы,—низшую, среднюю и высшую. Въ Тверской семинаріи гдѣ профессорствовали извѣстные тогда Сипягинъ и Ловягинъ, онъ получилъ классическо-богословское образованіе и развилъ въ себѣ философскую пытливость, средствомъ къ удовлетворенію которой были для о. Сидонскаго сочиненія западныхъ философовъ въ подлинникахъ. Языки французскій, нѣмецкій, англійскій, первоначально усвоенные самоучкой, съ теченіемъ времени становились все болѣе и болѣе знакомыми Сидонскому

¹⁾ Точныхъ даныхъ дня и мѣсяца рожденія Сидонскаго—нѣтъ.

такъ что въ послѣдствіи онъ обнаружилъ себя прямо блестящимъ знатокомъ языковъ, какъ древнихъ такъ и новыхъ.

Въ Петербургской Духовной Академіи онъ слушалъ выдающихся ученыхъ Павскаго, Делекторскаго, Красносельскаго, а обширная библіотека Академіи дала возможность большому и основательному знакомству какъ съ философіей, такъ и съ другими науками, такъ что о. Сидонскій обладалъ рѣдкою, можно сказать—энциклопедическою начитанностью въ различныхъ отрасляхъ научнаго знанія. По окончаніи курса въ Академіи (1829 г.) Сидонскій былъ оставленъ при ней бакалавромъ сначала для преподаванія англійскаго языка, а потомъ философіи.

Глубокая пытливость, философская, любовь къ философіи, обширное знакомство съ философскою литературой, хорошее знаніе иностранныхъ языковъ—таковы данныя, которыя возбуждали самыя свѣтлыя надежды и увѣренность въ плодотворной, широко полезной дѣятельности молодого ученаго на поприщѣ философской науки. Но исполниться надеждамъ было не суждено.

Глубоко сожалѣя о слабомъ знакомствѣ съ философіей въ нашемъ отечествѣ, объ отсутствіи интереса къ глубоко-жизненному философскому мышленію, молодой ученый, намѣреваясь издать свои лекціи по философіи, предпослалъ имъ выдающійся и, можно сказать, единственный свой спеціально философскій трудъ—„Введеніе въ науку философіи“.

Этотъ трудъ изданъ въ 1833 году, когда Сидонскому было всего 28 лѣтъ. Ученое сочиненіе автора возбудило интересъ къ нему и сочувствіе лицъ, заботившихся о просвѣщеніи въ родной землѣ, о развитіи здѣсь и философіи, а академія наукъ присудила о. Сидонскому въ 1836 году полную Демидовскую премію. Но въ то же время ученый трудъ Сидонскаго возбудилъ большое неудовольствіе противъ него въ людяхъ противнаго лагеря.

Трудно сказать, что собственно въ означенномъ сочиненіи возбудило нерасположеніе къ его автору. Та ли живая энергія, съ которой молодой ученый призывалъ къ свободному, самостоятельному философскому изслѣдованію,—даже въ области

религіозной, та ли независимость его отъ существовавшихъ на-
правленій на западѣ, знакомство съ которыми, впрочемъ, у
насъ было довольно ограниченное,—говорила ли тутъ просто
зависть противъ молодого ученаго,—опредѣленнаго отвѣта на
этотъ вопросъ мы дать не можемъ... Но вскорѣ, послѣ появ-
ленія „Введенія“, Сидонскій былъ переведенъ на кафедру фран-
цузскаго языка, а потомъ и навсегда удаленъ изъ Петербург-
ской Академіи 13 окт. 1835 года, оставшись приходскимъ па-
стыремъ при Казанской церкви.

Въ теченіе 30 почти лѣтъ прот. Сидонскій отъ активной
учебно-общественной дѣятельности былъ отстраненъ. Правда,
Император. Археологическое Общество избрало его своимъ дѣй-
ствительнымъ членомъ, но это было уже въ 1856 году, съ ко-
торого и духовное начальство начинаетъ удостоивать Сидон-
скаго различнаго рода порученіями. Знаменательно, что въ
1860 г. Сидонскій избирается въ члены Германскаго націо-
нальнаго музея, что въ Нюренбергѣ, а въ 1868 г. въ члены
Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

Но и по удаленіи съ профессорской кафедры, не ослабѣлъ
интересъ къ наукѣ въ пылливомъ умѣ прот. Сидонскаго. Онъ
дѣятельно слѣдилъ за состояніемъ науки и въ частности фи-
лософіи, ревностно пріобрѣталъ новыя выходящія сочиненія,
такъ что никто такъ не былъ близко знакомъ книгопродавцамъ
русскимъ и иностраннымъ на Руси, какъ прот. Сидонскій.

Обширная бібліотека прот. Сидонскаго, въ которой оказа-
валось болѣе 20,000 названій ученыхъ сочиненій, не можетъ
не свидѣтельствовать о его горячей любви къ наукѣ и несо-
мнѣнно блестящей эрудиціи...

Въ 1863 году, въ наступившую эпоху великихъ реформъ,
вышелъ и новый университетскій уставъ. По этому уставу на
историко-филологическомъ факультетѣ должна была открыться
новая, самостоятельная кафедра философіи, которая съ 1850 г.
соединена была съ кафедрой богословія и ограничивалась чте-
ніемъ профессоромъ богословія Логики и Психологіи, которыя,
предполагалось, не могли вліять развращающимъ образомъ на
умы студенческой молодежи.

„Вполнѣ сознавая пользу скорѣйшаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удовлетворительнаго замѣщенія этой каѳедры, читаемъ мы въ исторической запискѣ проф. Григорьева ¹⁾, факультетъ, при трудности исполнить это, вслѣдствіе пренебреженія философскими науками въ предшествовавшее 20-іе, находился въ большомъ затрудненіи; изъ затрудненія этого вышелъ онъ, впрочемъ,—блистательно, предложивъ преподаваніе философіи въ университетѣ ветерану этой науки въ нашемъ отечествѣ, 30 лѣтъ предъ тѣмъ заявившему себя самостоятельнымъ по ней дѣятелемъ и съ тѣхъ поръ, несмотря на всѣ невзгоды, оставшемуся вѣрнымъ своему тяжелому призванію, съ глубокою любовью слѣдя за всѣмъ совершавшимся не только въ области чистаго мышленія, но и реальныхъ знаній“. Такимъ ветераномъ и былъ прот. Сидонскій, занявшій съ 1865 г., въ качествѣ посторонняго преподавателя, каѳедру философіи и читавшій эту науку въ университетѣ до 1873 года, въ которомъ (вѣроятно, въ началѣ) онъ, за выбытіемъ проф. богословскихъ наукъ прот. Полисадова, приглашенъ былъ занять штатную каѳедру богословія.

При этомъ, еще въ 1864 году (27 января) Петербургскій университетъ удостоилъ прот. Сидонскаго высокаго званія „почетнаго доктора философіи“.

„Не будемъ, писаль въ своей запискѣ о трудахъ и заслугахъ прот. Сидонскаго проф. университета А. В. Никитенко, не будемъ слѣдовать печальнымъ историческимъ примѣрамъ, чтобы признавать заслуги дѣятелей только послѣ ихъ смерти. Университетъ нашъ—ближайшій по мѣсту свидѣтель дѣятельности нашего достопочтеннаго философа; ему первому и подобаешь подать свой одобрителный голосъ въ честь своего собрата, долго, силою обстоятельствъ, лишеннаго братскаго сочувствія своихъ сподвижниковъ на поприщѣ науки. И я полагаю, что въ моментъ возрожденія въ нашемъ университетѣ философскихъ знаній всего приличнѣе университету же ознаменовать его публичнымъ заявленіемъ своего уваженія къ лицу, которое уже

¹⁾ 50 л. С. Петербургскаго университета. 1869 г., стр. 365.

съ честью для нихъ подвизалось“¹⁾. Такъ почтенъ былъ ученый философъ.

Въ Петербургскомъ университетѣ онъ прослужилъ около 8 лѣтъ, и 6 декабря 1873 года скончался, почти внезапно, такъ какъ 3 декабря былъ еще на лекціяхъ въ университетѣ, а 6-го утромъ былъ еще на ногахъ, но болѣзнь (злокачественная жаба) быстро развилась и окончила жизнь русскаго философа.

„Уразумѣете истину, и истина свободитъ вы, говорилъ въ прекрасномъ надгробномъ словѣ по почившемъ прот. Яхонтовъ, по собственному свидѣтельству близко знавшій покойнаго въ теченіе 35 лѣтъ: „не даромъ это изреченіе было такъ любимо почившимъ собратомъ нашимъ. Онъ всю жизнь свою стремился уразумѣть истину и служить истинѣ. Какъ христіанинъ, какъ воспитанникъ трехъ духовно-учебныхъ заведеній, отъ низшаго до высшаго, онъ съ самаго младенчества посвященъ былъ въ познаніе многостороннимъ образованіемъ... Кажется, въ сферѣ наукъ, въ области человѣческихъ познаній, не было предмета, который не занималъ бы его, о которомъ не постарался бы онъ собрать, по возможности, точныя свѣдѣнія,—отъ ассирійскихъ и египетскихъ древностей до выкладокъ математики и хронологіи. Своею любознательностью и трудолюбіемъ, своею многостроннею ученостью, рѣдкимъ даже въ цѣлой Европѣ знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ и своею громадною начитанностью онъ высоко стоялъ надъ умственнымъ уровнемъ нашего духовенства“.

„Не его вина, продолжалъ далѣе проповѣдникъ, если онъ поставленъ на свѣщникѣ науки тогда, когда уже догоралъ елей его жизни. И вотъ мы видѣли, какъ свѣтъ его ума и познаній снова загорѣлся яркимъ блескомъ,—горѣлъ, догорѣлъ и погасъ“²⁾...

Отъ насъ сокрыты тѣ невзгоды и страданія, которыя пришлось перенести русскому философу, ярко только стоитъ предъ нами фактъ удаленія молодого профессора изъ Академіи, но,

1) Ж. М. Н. Просвѣщенія. 1874 г. январь. Ф. Ф. Сидонскій. Владиславлева, стр. 54.

2) Странникъ. 1873 г. декабрь. Некрологъ Сидонскаго, стр. 225—226. 228.

на основаніи всѣхъ свидѣтельствъ о немъ, какія только удалось намъ почерпнуть изъ немногаго матеріала, его, по нашему мнѣнію, должно отнести къ разряду лицъ—самоотверженныхъ служителей чистой науки, несмотря на всѣ невзгоды и недоброжелательства, даже преслѣдованія, а такія лица и удостоиваются славнаго признанія—мучениковъ науки...

Изъ печатныхъ философскихъ трудовъ прот. Сидонскаго мы имѣемъ предъ собою только „Введеніе въ науку философіи“ и небольшую рецензію на сочиненіе проф. Троицкаго: „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историч. и критич. изслѣдованіе съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи со временъ Бекона и Локка“. Рецензія эта помѣщена на страницахъ журнала М. Н. Просвѣщенія 1867 г. іюнь, и тѣмъ болѣе она цѣнна, что изъ содержанія ея видна вѣрность философствующаго ума тѣмъ началамъ относительно приемовъ философскаго познанія, какія высказаны были имъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ.

И, несмотря на существованіе одного только крупнаго философскаго труда прот. Сидонскаго, имя его окружено было ореоломъ глубокаго знатока философіи и самостоятельнаго философа, что мы уже видѣли,—особенно изъ дѣйствій С.-Петербургскаго университета.

Что же особеннаго заключалось въ „Введеніи въ науку философіи“, каково достоинство труда, какія проводились въ немъ мысли, какое представленіе мы можемъ составить себѣ о философскихъ возрѣніяхъ автора, на основаніи этого его труда и указанной замѣтки на сочиненіе проф. Троицкаго?

При сужденіи о достоинствѣ того или другого труда, а тѣмъ болѣе труда философскаго, важное значеніе имѣютъ свѣдѣнія о той эпохѣ, въ которую означенный трудъ появился, о тѣхъ успѣхахъ, какіе сдѣланы въ соотвѣтственной научной области странюю, тѣмъ народомъ, изъ среды котораго трудъ появляется. Мы имѣемъ у себя подъ руками трудъ арх. Гавріила: „Исторія русской философіи“, вышедшій въ 1840 году, спустя, слѣдовательно, 7 лѣтъ послѣ появленія „Введенія въ науку философіи“. Прежде всего, трудъ этотъ уже самъ по себѣ является свидѣтельствомъ далеко незавиднаго положенія философіи на

Руси. Достаточно указать на то, что въ числѣ русскихъ философовъ встрѣчаются здѣсь имена Даниила Заточника, Нила Сорскаго, Владиміра Мономаха и др., потомъ идетъ рядъ іерарховъ болѣе поздняго періода, какъ Платонъ Левшинъ, Георгій Конисскій, Филаретъ Дроздовъ, Евгений Болховитиновъ, потомъ рядъ надворныхъ и др. совѣтниковъ—Аничкова, Брянцева, Муравьева, и вообще, какъ видно, авторъ имѣлъ о философіи самое широкое понятіе, включая сюда все науки, кромѣ естествознанія, какія зарождались на Руси. Только въ концѣ труда появляются имена лицъ болѣе причастныхъ философской наукѣ, между прочимъ и имя Сидонскаго. Прилагается въ той же книгѣ и списокъ руководствъ по философской наукѣ, изъ котораго видно, какъ бѣдна была философская литература на Руси, ограничивавшаяся болѣе переводами мелкихъ сочиненій иностранныхъ далеко не первоклассныхъ мыслителей.

Если обратимся къ другимъ источникамъ, то увидимъ, какова была постановка изученія философіи въ нашемъ отечествѣ въ первой половинѣ XIX столѣтія. Такъ, въ началѣ столѣтія, въ Петербургскомъ университетѣ кафедре философіи занималъ проф. Лодій, о которомъ въ упоминавшейся уже истор. запискѣ проф. Григорьевъ говоритъ, что, судя по книгѣ его (Лодія): „Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго“, можно было заключать, „что автору ея даже Кантова философія была неизвѣстна и что въ наукѣ своей онъ не заходилъ далѣе сдѣланнаго Вольфіанскою школою“¹⁾.

Упомянувши о трудѣ проф. Галича (послѣ Лодія): „Исторія философскихъ системъ, по иностраннымъ руководствамъ составленная“, проф. Григорьевъ говоритъ: „по тогдашнему состоянію науки въ Россіи, важно было въ этой книгѣ то въ особенности, что очеркъ исторіи философіи доведенъ былъ въ ней до послѣдняго развитія философскаго мышленія въ Германіи, до Шеллинга включительно, что было совершенною новостью въ отечественной литературѣ, оставшейся чуждою фи-

¹⁾ Стр. 11.

лософскому движенію въ Германіи со временъ Канта и упокоившейся на учебникахъ послѣдователя Вольфіанской школы—Баумейстера“¹⁾).

А Гр. Джавшіевъ, яркими красками рисуя печальное положеніе у насъ науки до самаго устава 1863 г., упоминаетъ, между прочимъ, для иллюстраціи, что въ 1830—33 г.г., т. е. именно годахъ подготовки къ печати и изданія въ свѣтъ труда Сидонскаго, каеэдру философіи въ Харьковскомъ университетѣ занималъ частный приставъ, по назначенію попечителя учебнаго округа²⁾).

Вообще, то положеніе, что въ началѣ XIX столѣтія у насъ царилъ Шеллингъ, должно быть привимаемо, по нашему мнѣнію, съ большою осторожностью. Если находились отдѣльныя лица, какъ Велланскій или Окенъ, знакомыя съ Шеллингомъ и увлекавшіяся имъ, то это еще не значитъ, что указанная философія „дарила“ на Руси...

Ясно, что трудъ Сидонскаго появился въ то время, когда знакомство съ философіей, особенно новой, было у насъ самое скудное, интересъ къ философскимъ занятіямъ отсутствовалъ...

И пылкій, горячій приверженецъ философіи прямо начинаетъ свой трудъ съ жалобъ и сѣтованій на неудовлетворительное состояніе философіи въ его отечествѣ. „Слабое изученіе философіи въ нашемъ отечествѣ самостоятельныхъ изслѣдованій по сей отрасли умственныхъ изысканій почти и вовсе не видно“³⁾. Онъ говоритъ о необходимости знакомства съ философіей западныхъ народовъ, о необходимости сознательнаго къ ней отношенія: „геній славянъ долженъ со временемъ положить и на нихъ (умственные произведенія друг. народовъ) печать своего величія“⁴⁾).

Глубоко вѣруя, что философія это—свѣтъ, озаряющій чело-вѣку глубоко-жизненные вопросы о всемъ сущемъ, онъ говоритъ: „кто не боится свѣта, тотъ не можетъ не полюбить и фи-

1) Ibid., стр. 12.

2) Эпоха Великихъ реформъ. М. 1898 г. стр. 267.

3) Введеніе въ науку философіи. СПб. 1833 г. Предисловіе.

4) Ibid.

лософіи,—ея свѣтъ, тягостный вначалѣ, скоро облегчаетъ зрѣніе и улаживаетъ взоры неподдѣльнымъ величіемъ видовъ.— Какъ бы я былъ счастливъ, заключаетъ онъ, если бы успѣлъ представить сей свѣтъ въ его видѣ чистѣйшемъ, непомяченномъ“!

Отсутствіе интереса къ философіи,—слабое, отсюда, понятіе о ней вынуждаютъ автсра запятыся сначала вопросами, что такое философія, каковы ея коренныя задачи.

Для опредѣленія понятія философіи прот. Сидонскій избираетъ путь историческій, путь обзорѣнія исторически существовавшихъ системъ, съ цѣлью выясненія, какіе предметы и задачи входили въ содержаніе философіи. Онъ указываетъ на то, что всѣ греческіе до-сократовскіе философы обратили свое вниманіе на внѣшній, видимый міръ, пытаясь, главнымъ образомъ, уяснить себѣ происхожденіе міра; Сократъ далъ другое направленіе философской мысли,—уяснить внутреннюю природу самого человѣка и главнымъ образомъ, тѣ нравственныя требованія разума, исполненіе которыхъ является цѣлью всей дѣятельности человѣка. (Стр. 6—11).

Когда получались безчисленныя, иногда прямо противоположныя, разногласія философовъ между собою, и во взглядахъ на происхожденіе и цѣль міра, и въ разсужденіяхъ о природѣ человѣка, его назначеніи, тогда, по мнѣнію Сидонскаго, возникаетъ вѣчно живой вопросъ: гдѣ же критерій истины, кому вѣрить при такихъ противорѣчивыхъ взглядахъ, какъ достигнуть того желаннаго единства, которое такъ присуще—истинѣ, потому что она—одна, а заблужденія безчисленны?... Возникаетъ вопросъ о природѣ нашего познанія.

Вопросу этому не суждено было быть разработаннымъ въ древней философіи, такъ какъ усиленный софистицизмъ, по мнѣнію о. Сидонскаго, своими разногласіями подавилъ всякую философію до новаго ея возрожденія.

Въ эпоху возрожденія наукъ, когда къ тому же христіанская религія предлагала прямыя рѣшенія вопросовъ о происхожденіи и цѣли міра, предписывала извѣстные нравственныя законы дѣятельности человѣка,—въ эту эпоху естественнѣе всего было возникнуть вопросу о природѣ человѣческаго по-

знанія. И дѣйствительно возникаютъ многочисленныя попытки въ этомъ родѣ до Канта включительно.

Послѣ Канта идутъ безчисленные споры объ образѣ бытія міра, опять-таки—тѣсно связанные съ разрѣшеніемъ все той же главной задачи,—какова природа нашего познанія, какъ относиться къ свидѣтельству о внѣшнемъ мірѣ нашихъ чувствъ, нашего разума...

Путемъ разсмотрѣнія исторически существовавшихъ философскихъ системъ о. Сидонскій приходитъ къ выводу, что должно признать три коренныя задачи философіи: 1) „опредѣленіе образа бытія существъ міра дѣйствительнаго, 2) объясненіе достоинства и образованія нашихъ познаній и 3) указаніе коренныхъ законовъ нашей дѣятельности¹⁾, или, какъ онъ указываетъ въ главѣ о раздѣленіи философіи, въ ней, соответственно тремъ кореннымъ задачамъ, должно быть три главные части: Логика, Метафизика и Этика“²⁾.

Указавши потомъ на преимущественное значеніе Метафизики, Сидонскій даетъ такое понятіе о философіи, что „она есть учебное рѣшеніе вопроса о жизни всеобщей, выведенное изъ строгаго разсмотрѣнія природы нашего ума и проведенное до опредѣленія законовъ, по которымъ должна направляться наша человѣческая дѣятельность“³⁾.

Но, быть можетъ, всѣ эти вопросы—измышленія досужей фантазіи ученыхъ, быть можетъ, они совершенно излишни: зачѣмъ это, въ самомъ дѣлѣ, думать о какой-то природѣ нашего познанія, сомнѣваться въ вѣрности показаній нашихъ чувствъ, изыскивать какую-то сущность всего и т. д.? Философія нуждается въ защитѣ своихъ правъ на существованіе...

Горячій сторонникъ ея, пытливый мыслитель указываетъ на естественность возникновенія философскихъ вопросовъ, на важность разрѣшенія ихъ, на то достоинство, которымъ обладаетъ философія.

Вопросы философіи, правда, необычайны, ихъ въ такой ученой формѣ не задаютъ себѣ обыденные люди, они довольствуются готовымъ рѣшеніемъ ихъ, подъ вліяніемъ воспита-

1) Ibid. стр. 20.

2) Стр. 365.

3) Стр. 23—24.

нія, народныхъ преданій, гражданскаго устройства, но развивающееся человѣческое сознаніе идетъ все впередъ, пытливая мысль не успокаивается на данномъ, но устремляется вдаль, усматриваетъ новые свѣтлые горизонты, которые раскрыли бы, глубоко обосновали бы всѣ тѣ вопросы о мірѣ, о челоѣкѣ, которые такъ неотступно предносятся разуму, и обыденное рѣшеніе которыхъ такъ часто бываетъ обманчивымъ, далекимъ отъ истины... Только тогда бы можно сказать, что эти вопросы чужды разуму, когда кто-либо прошелъ бы всѣ ступени развитія человѣческаго духа и смѣло сказалъ бы: „нѣтъ, эти вопросы не предносились мнѣ, они чужды, не свойственны уму человѣческому“... Но кто можетъ сказать это, кто станетъ утверждать, что онъ прошелъ всѣ ступени развитія самосознающаго духа, и не будетъ ли, вѣрнѣе, такая попытка выраженіемъ желанія свое невѣжество поставить мѣриломъ познанія человѣческаго?...

И сама природа всѣмъ разнообразіемъ и величіемъ ея картинъ, строгою, закономѣрностью неизмѣняемыхъ дѣйствій такъ привлекаетъ къ себѣ челоѣка, такъ неотступно возбуждаетъ въ немъ живые вопросы: по какимъ же законамъ живетъ и движется вся эта обширная совокупность созданій, столь загадочныхъ, нерѣдко удивительныхъ?

А собственная внутренняя природа челоѣка говоритъ ему о новомъ мірѣ, отличномъ отъ видимаго, и возникаютъ въ его душѣ одинъ за другимъ все новые вопросы объ отношеніи видимаго къ невидимому, о вліяніи невидимаго на осязаемое, о послѣднемъ началѣ всего сущаго, о Его дивной природѣ и отношеніи, въ какомъ находится оно къ міру...

А при опредѣленіи своего назначенія, законовъ своей дѣятельности, когда существуютъ при томъ въ душѣ самыя разнообразныя стремленія, кто, говоритъ мыслитель, „не станетъ спрашивать самого себя: какому же изъ разнородныхъ стремленій въ душѣ моей я долженъ предаться? Долженъ ли я постоянно прислушиваться къ голосу, осуждающему во мнѣ извѣстные поступки, долженъ ли охранять въ себѣ стыдъ, покрывающій меня при извѣстныхъ мысляхъ, или тайныя внушенія и угры-

зенія совѣсти не сѣть ли плодъ превратнаго воспитанія?“¹⁾ Такого же рода вопросы, требующіе разрѣшенія, неизбежны и на дальнѣшей ступени развитія человѣческаго сознанія, когда возникаетъ сомнѣніе въ самой возможности познать истину, появляется недовѣріе къ собственному разуму. Итакъ, всѣ эти вопросы вполне естественны, присущи человѣческому дѣху. (стр. 24—35).

А если такъ, то отсюда уже вытекаетъ неопровержимая важность философскихъ изслѣдованій. „Что вытекаетъ, говоритъ Сидовскій, изъ самой природы духа нашего, что естественно открывається въ ея развитіи, что составляетъ подавляющую нашу потребность,—на то нельзя уже смотрѣть съ пренебреженіемъ, хотя бы подобная потребность открывалась въ насъ и не съ первымъ чувствомъ себя самихъ“²⁾. И вопросы эти, присущіе нашему духу, очевидно, не—дѣло простой только любознательности, нѣтъ, они такъ жизненны, такъ важны для того, чтобы человѣкъ могъ спокойно и твердо идти въ своей дѣятельности, чтобы, разъ убѣдившись въ своихъ воззрѣніяхъ, могъ всего себя, всю свою жизнь посвятить на служеніе своей святынѣ, своему идеалу правды и добра. „Мірѣ видимъ, существуетъ, но отъ чего и для какой цѣли? Судьба его есть моя судьба; въ жизни его—моя жизнь... Такъ велики мои желанія, такъ, повидимому, основательны мои желанія, но событія въ природѣ не соотвѣтствуютъ имъ; въ мірѣ не все течетъ, какъ бы казалось должно идти; отчего это? откуда это зло въ мірѣ? и т. д.“³⁾. Кто скажетъ, что эти вопросы не важны для насъ, что изысканія по нимъ—плодъ одной только суетной нашей любознательности?

Не такъ очевидна важность жизненнаго вопроса о природѣ нашего познанія... Но это только до тѣхъ поръ, пока не возникло томящее, мучительное сомнѣніе въ достовѣрности нашего познанія, въ возможности познать истину. А какъ скоро это случилось, какъ только готовы мы завинить наше сознаніе въ коренной, тайной лжи (πρωτων ψευδος), уже нѣтъ мѣста

1) Ibid. стр. 31.

2) Стр. 35.

3) Стр. 38.

спокойному изслѣдованію, твердой дѣятельности по убѣжденіямъ выработаннымъ разумомъ стр. (35—45).

Занимаясь рѣшеніемъ такихъ важныхъ, жизненныхъ вопросовъ философія, очевидно, имѣетъ самое широкое значеніе въ жизни отдѣльнаго человѣка и цѣлыхъ обществъ. Вѣдь рѣшеніе всѣхъ указанныхъ вопросовъ составляетъ въ общемъ то, что называется міровоззрѣніемъ человѣка... Жизнь представляетъ такую сложную комбинацію отношеній различнаго рода какъ отдѣльныхъ лицъ между собою, такъ и цѣлыхъ обществъ. Какъ быть въ томъ или другомъ случаѣ, какъ построить общественныя отношенія, чтобы они были возможно лучшими, благородными, достойными человѣка?

„Промыслъ, говоритъ о. Сидовскій, судилъ человѣку самому выработываться къ положенію для него естественному, идеально совершенному и этимъ какъ бы опредѣлилъ рядъ непрерывныхъ измѣненій въ отношеніяхъ общественныхъ“¹⁾. „Указаніе и раскрытіе этихъ отношеній общества по идеаламъ разума беретъ на себя наука философіи. Очевидно, что отстранить ее отъ вниканія въ отношенія общежитія, какъ они образовались доселѣ,—значило бы отстранить отъ абсурда и проясненія общественныхъ отношеній самый разумъ и слѣдовательно, осудить родъ человѣческой на безотчетное вращеніе въ отношеніяхъ неизмѣнныхъ безъ всякаго лучшаго взгляда на будущее безъ благородныхъ, достойныхъ человѣка усилій приблизить, но крайнѣй мѣрѣ, къ понятію истинное наше назначеніе и узнать ближе средства, могущія искупить бѣдное человѣчество отъ его бѣдности“²⁾.

Итакъ нельзя не видѣть, какое великое значеніе имѣетъ философія—эта наука идеаловъ, по которымъ должна строиться жизнь... Пусть эти идеалы трудно осуществимы,—даже болѣе того, идеаль какъ таковой никогда не можетъ быть осуществленъ вполнѣ, и „работа овецствленія идеала есть работа безконечная, есть работа непрерывная“³⁾. Да и сама философія, правильно понимая свою задачу, „никакъ не потребуетъ скороспѣшнаго проведенія своихъ идеаловъ въ бытъ дѣйстви-

¹⁾ Стр. 307.

²⁾ Стр. 308—9.

³⁾ Стр. 318.

тельный“¹⁾),—нѣтъ, идеаль долженъ быть усвоенъ сознательно: „распространите въ обществѣ лучшіе взгляды на наше нравственное величіе, развейте разумное сознаніе законовъ нашей внутренней природы,—вы увидите, какъ освѣжится жизнь общественная, какъ облагородится бытъ житейскій“²⁾. (Стр. 304—320).

Скажутъ, да, наука философская—благородна, она пытается рѣшить такіе важные, жизненные вопросы, преслѣдуетъ такіа высокія цѣли, но достигаетъ ли ихъ она? Рѣшаетъ ли подлежащіе ей вопросы? Вотъ посмотрите на существующія системы, удовлетворительны ли онѣ, удовлетворительно ли и абсолютно, навсегда уже вѣрно рѣшены въ нихъ такіе важные, жизненные вопросы? Далеко нѣтъ.

Но что же изъ этого? Развѣ несовершенное развитіе философскихъ вопросовъ, незаконченность ихъ рѣшеній могутъ вести къ отрицанію вообще философіи? Нѣтъ, этого не должно быть. „Мы не презираемъ юноши, не достигшаго еще крѣпкихъ лѣтъ мужескаго возраста; но довольные его благородными порывами, съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, когда богатая жизнью силы его примутъ твердый ходъ и постоянное направленіе“³⁾.

Таково должно быть и отношеніе къ философіи.

Работа философствующаго ума идетъ медленно впередъ, чрезъ цѣлыя вѣка, но непрерывно и съ замѣтнымъ успѣхомъ и только слабый душою отъ слабаго смертнаго будетъ требовать и ожидать вѣщаній непреложныхъ. Одинъ человѣкъ не даетъ ихъ: они плодъ вѣковыхъ усилій цѣлаго человечества“⁴⁾. „Всякій человѣкъ и самый образованный, по своему развитію, есть произведеніе своего мѣста и времени и собственнаго настроенія силъ душевныхъ“⁵⁾. Эти условія непрѣменно вліяютъ на пониманіе, представленіе истины, на выработку міросозерцанія. „И чистая, нераздѣльная истина въ переходѣ своемъ чрезъ призму недѣлимости (личности) неизбежно слабѣетъ въ своемъ напряженіи, необходимо выходитъ изъ состоянія своего нераздѣльнаго единства“⁶⁾.

1) Стр. 306.

2) 312.

3) 50.

4) 56.

5) 58.

6) Стр. 58.

Итакъ, если философія и несовершенна теперь, то все же, въ разрѣшеніи своихъ существенныхъ вопросовъ, она идетъ впередъ и впередъ и какъ произведеніе умственныхъ соображеній одного лица, она всегда останется несовершенною, такъ какъ только уму цѣлаго человѣчества въ постоянной смѣнѣ вѣковъ, дано все глубже и шире разрѣшать философскія задачи. (Стр. 45—67)

Но, быть можетъ, это—одинъ миражъ, быть можетъ, философскіе вопросы также неразрѣшимы для ума общеловѣческаго, какъ и частнаго,—быть можетъ, истина и высшее разумѣніе совершенно недоступны для человѣка? Нѣтъ, допустить этого нельзя. И тутъ о. Сидонскій, въ доказательство достижимости для насъ истины, исходитъ изъ глубокаго убѣжденія въ разумности человѣка, которая есть залогъ возможности постичь истину и которая, по нему, пожалуй не требуетъ обоснованій. „Философъ не можетъ въ своихъ изысканіяхъ не дойти къ той мысли, что сомнѣній и недовѣрчивости къ своему знанію нельзя простираť въ безконечность, не виспровергая своей разумности“ ¹⁾. „Нельзя представить себѣ, никакой скептицизмъ не успѣетъ убѣдить насъ, или основательно доказать, что всѣ наши умозрѣнія, особенно правильно составляемая подъ руководствомъ опыта, были одинъ обманъ“ ²⁾. „Я чужой въ этомъ мірѣ, если образъ моего мышленія не согласенъ съ твердыми законами цѣлой природы мевя окружающей.—Я безутѣшенъ, если природа существуетъ случайно, или нѣтъ высшей цѣли для моего существованія. Нѣтъ мѣста наукамъ, коль скоро наше стремленіе къ истинѣ напрасно, и мы нисколько не можемъ уразумѣть природу въ ея непреложномъ къ намъ отношеніи“ ³⁾. Нѣтъ, если и не достигаетъ философъ полной, совершенной истины, то все же онъ помнитъ и смѣло утверждаетъ, что „и неполная истина также есть истина“ ⁴⁾, что и „часть истиннаго есть тоже истинное“ ⁵⁾.

Но вотъ еще вопросъ величайшей важности: къ чему всѣ

¹⁾ Стр. 116.

²⁾ 116.

³⁾ 48—9.

⁴⁾ 117.

⁵⁾ 118.

эти философскія изслѣдованія, такъ часто при томъ разрушительныя, къ чему философскія сомнѣнія, не приводящія нерѣдко ни къ какому опредѣленному результату? Не лучше ли отказаться совсѣмъ отъ подобныхъ изысканій и покорно, въ простотѣ сердца, слѣдовать тѣмъ истинамъ, которыя проповѣдуютъ намъ вѣра, религія, а также общій здравый смыслъ человѣчества? И что, если философія, сама не рѣшивъ жизненныхъ вопросовъ, подорветъ только рѣшеніе ихъ религіозное, наброситъ тѣнь сомнѣнія даже на рѣшеніе ихъ откровенное, какъ это въ религіи истиной? Возникаетъ вопросъ объ отношеніи философіи къ религіи.

Здѣсь, по мнѣнію о. Сидонскаго, возможны двѣ крайности,— одна говоритъ, что „разуму, разсужденію нѣтъ никакого мѣста въ дѣлахъ религіи,—здѣсь мѣсто одной вѣрѣ; другая:—вѣра слѣпа, въ дѣлахъ вѣры должно руководствоваться умомъ и однимъ умомъ“ ¹⁾. Понятно, что и слѣдствія такихъ крайностей печальны...

Итакъ, каково же должно быть истинное отношеніе разума и философіи къ религіи?

Несомнѣнно, прежде всего, что разумъ имѣетъ полное право войти въ разсмотрѣніе вопросовъ о возможности, необходимости откровенія, которое непременно предполагается во всякой религіи. Религіей, далѣе, существовало и существуетъ множество,—гдѣ же между ними истинная? Какой послѣдовать? Необходимо изслѣдованіе религіи и свободное избраніе ея, такъ какъ усвоеніе чего-либо по довѣрію только есть признакъ мыслимаго рабства. А убѣдившись, что извѣстная религія есть истинное откровеніе, человѣкъ, стоявшій до того времени, какъ изслѣдователь, какъ бы выше откровенія, теперь всецѣло отдаетъ себя подъ кровъ вѣры религіозной, начинаетъ жить и дѣйствовать по требованіямъ заповѣдей избранной религіи.

И нѣтъ, не можетъ быть антагонизма между разумомъ и откровеніемъ, между философіей и истинной религіозной доктриной. Вѣдь чѣмъ характеризуется истинная религія? Она—

1) 270.

здравому разуму не противорѣчитъ. „Чѣмъ истинная вѣра можетъ рѣшительнѣе быть отличена отъ ложныхъ, если не тѣмъ, что въ ней разумъ человѣческій найдетъ чистое отраженіе идей, коихъ мерцаніе въ себѣ заставляло его искать большаго свѣта“? ¹⁾ Истинная религія не боится отдать себя на разсмотрѣніе. Вѣдь „разумъ нашъ, какъ и истинное откровеніе, данъ отъ Бога и, слѣдовательно, долженъ содержать въ себѣ, по крайней мѣрѣ предчувствіе того, что можетъ, или что должно сообщить откровеніе“ ²⁾.

Но, какъ сказано уже, изслѣдованія разума имѣютъ свои предѣлы. И „какъ есть въ духѣ нашемъ потребность дѣйствовать по своему собственному направленію, такъ есть и необходимость покоряться влеченію стороннему. И состоянія ума всегда суть плодъ совмѣстнаго дѣйствованія обѣихъ этихъ силъ; напряженныя самостоятельныя изслѣдованія наконецъ утомляютъ насъ,—мы ищемъ покоя въ нѣдрахъ вѣры“ ³⁾. „Убѣдившись въ справедливости требованій вѣры положительной, умъ самъ оставить свою излишнюю пытливость, и скоро сдѣлается живымъ и дѣятельнымъ членомъ общества вѣрующихъ“ ⁴⁾.

Итакъ, философія имѣетъ полное право на самостоятельное свободное существованіе. Если бы даже фактически философія не рѣшала своихъ задачъ, то это не должно служить основаніемъ къ ея отрицанію, такъ какъ право на отдѣльное существованіе даетъ не фактическое проявленіе вещи, а потребность въ ней человѣческаго духа, ея прирожденность человѣку.

„Уничтожьте философію, вы не замѣните ее никакими другими науками... Та высота соображеній, окидывающая однимъ взглядомъ всю совокупность бытія, всю постепенность событій, то устремленіе къ идеальному, правильно—человѣческому развитію мыслей, столь очевидное въ изысканіяхъ философскихъ—совершенно отличаетъ науку философіи отъ всѣхъ другихъ работъ умственныхъ, тѣсно связываетъ ее съ неотрицаемою дѣйственностью самаго разума“ ⁵⁾. И, „если гдѣ человѣчество собственно понимаетъ само себя, если гдѣ яснѣе можетъ по-

¹⁾ Стр. 276.

²⁾ 278.

³⁾ 280.

⁴⁾ 277.

⁵⁾ 192.

стигать оно все величіе своего назначенія, уразумѣвать высоту своей природы, то именно въ изслѣдованіяхъ философскихъ ¹⁾...

Теперь мы переходимъ къ другой сторонѣ труда прот. Сидонскаго, къ его мыслямъ объ исходномъ пунктѣ философскихъ изслѣдованій, о главномъ источникѣ философіи, о методѣ философіи и т. д.,—однимъ словомъ, къ тѣмъ мыслямъ, которыя при дальнѣйшемъ развитіи, округленности могли бы составить систему логики, которую, къ слову сказать, о. Сидонскій также намѣренъ былъ издать ²⁾, если бы, очевидно, не помѣшали тому обстоятельства, достаточно указанная нами выше. Эта часть труда о. Сидонскаго интересна потому особенно, что въ ней онъ является самостоятельнымъ мыслителемъ настолько, что находили даже (напр. А. А. Никольскій на стр. „Вѣры и Разумъ“), будто онъ нѣкоторыми мыслями предупредилъ Д. С. Милля.

А въ ученіи своемъ о необходимости широкаго допущенія въ область философскихъ изслѣдованій гипотезъ о. Сидонскій, думаемъ, и теперь еще стоитъ одиноко, вполнѣ самостоятельно. Тутъ мы должны будемъ пользоваться и указанной выше рецензіей о. Сидонскаго на соч. Троицкаго.

Изъ сопоставленія содержанія этой рецензіи съ „Введеніемъ въ науку философіи“ ясно открывається для насъ, какимъ глубокимъ, послѣдовательнымъ мыслителемъ былъ прот. Сидонскій.

Для насъ лично прямо замѣчательно то, какимъ ревностнымъ сторонникомъ эмпиризма является о. Сидонскій въ своемъ „Введеніи“, и это именно въ ту эпоху, когда у насъ преклонялись передъ Шеллингомъ и надвигался уже съ своимъ крайнимъ идеализмомъ гегелизмъ. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ оригинальнымъ мыслителемъ. Что же? Когда прошло преклоненіе передъ Шеллингомъ, оставленъ былъ сильно, увлекшій русскую мысль Гегель, когда на смѣну ихъ появилось увлеченіе новыми направленіями,—позитивизмомъ, матеріализмомъ, эмпирической, англійской,—однимъ словомъ, когда идеализмъ терманцевъ былъ забытъ, метафизика почти осмѣяна, о. Си-

¹⁾ 196.

²⁾ 103.

донскій подаеть свой голось именно въ защиту метафизики нѣмецкой, тѣсно связавной съ нею дедукціи и т. д. (въ рецензиі на соч. М. Троицкаго). Ясно, что о. Сидонскій—убѣжденный сторонникъ направленія, примиряющаго раціонализмъ и эмпиризмъ, признающій одинаковую ихъ силу и необходимость въ построеніи философскаго міросозерцанія. И, сообразно съ эпохой, съ царящимъ направлениемъ, всегда ослабляющимъ значеніе той или другой изъ указанныхъ сторонъ нашего познанія, о. Сидонскій „оттѣняетъ“ только болѣе ярко необходимость той силы, этой стороны познавательнаго процесса, которая въ данный моментъ, въ данную эпоху терпитъ униженіе и пренебреженіе.

Какъ послѣдователь указаннаго примирительнаго направленія, о. Сидонскій возстаеть противъ тѣхъ мыслителей, которые, въ явномъ намѣреніи устранить человѣческой духъ, какъ особый субстратъ, представляютъ душевныя состоянія, если уже не матеріальными,—то результатомъ физическихъ и органическихъ вродессовъ, рядомъ послѣдовательныхъ первичныхъ и производныхъ состояній, безъ всякаго объединяющаго, лежащаго въ основѣ ихъ начала.

Намъ еще не больно, говоритъ онъ, если какіе чувственные инстинкты поставляются внѣ содѣйствія духа, но уничтожительно понять свое духовное существо, какъ результатъ физическихъ или органическихъ процессовъ тѣла.

Туть мы чувствуемъ себя въ разрушеніи не по тому или другому составу тѣла, но по всему существу, по всей индивидуальности, составляющей неразрывное единство¹⁾. И такой или иной взглядъ на духовную дѣятельность человѣка, такая или иная „психологія“ получаютъ громадное значеніе въ виду того, что здѣсь высказывается взглядъ на ту „силу“, которая построаетъ извѣстное міровоззрѣніе, по которому должна направляться дѣятельность человѣка.

Итакъ, необходимо долженъ быть признанъ особый субстратъ,—духовное начало въ человѣкѣ. При этомъ только условіи и можетъ существовать философія.

¹⁾ Ж. М. Н. Просвѣщенія 1867 г. Іюнь, Стр. 938.

А слѣдствіями отрицанія особаго духовнаго начала являются: „разрушеніе филозофіи, нападки на метафизику, отчужденіе отъ идеальнаго,—условія прогресса. Отсюда—выродокъ мысли—позитивизмъ, для котораго идея о Богѣ, мысль о душѣ, какъ субстанціи, а затѣмъ обо всемъ, что тѣснѣе связывается съ прозрѣніями метафизическими, слѣдовательно, о свободѣ, безсмертіи—суть пустыя заоблачности ¹⁾). И, „стѣсная психологію, вы сдавливаете филозофію“ ²⁾). Филозофія возможна только при признаніи особой духовной субстанціи. Филозофіи предстоитъ рѣшить поставленныя ею задачи... Гдѣ же источникъ ихъ рѣшенія?

Очевидно, не въ природѣ виѣшней, такъ какъ „она пробуждаетъ духъ нашъ къ дѣятельности; но сама не совершаетъ сей дѣятельности; тайнымъ, непрерываемымъ образомъ виѣдряетъ она намъ представленія частныя, не сообщаетъ понятій объятнѣйшихъ“ ³⁾). Очевидно, въ самомъ человѣкѣ источникъ разрѣшенія филозофскихъ задачъ... Но не въ чувствѣ человѣка—такой источникъ, какъ многіе указывали, что истина „чутьемъ“ познается,—нѣтъ, въ непосредственномъ чувствѣ истиннаго нѣтъ „яснаго, развитаго сознанія основаній“, чувство неясно и больше занято предметомъ единичнымъ“ ⁴⁾). И не въ высшемъ озареніи человѣка такой источникъ, какъ этого требовалъ бы мистицизмъ, потому что въ этомъ случаѣ опять-таки нѣтъ сознательности, отчетливости, самостоятельности. Несомнѣнно, отсюда, что источникъ филозофскихъ опредѣленій есть разумъ человѣка въ его высшемъ развитіи. „Высшее умственное самосознаніе, на которомъ утверждается филозофская выпренность и самостоятельность, ни откуда болѣе не развивается, какъ изъ нашего разума, въ его таинственномъ единеніи съ сущимъ и Первосущимъ взятаго“ ⁵⁾). Великою зиждительною силою, средствомъ къ филозофскимъ опредѣленіямъ являются, отсюда,—мышленіе. „Только мышленіемъ можетъ и должна филозофія приближаться къ истинѣ“ ⁶⁾). Но

1) Ibid. 932.

2) Ibid. 930.

3) Введеніе стр. 322.

4) 325.

5) 326.

6) 330.

мышленіе имѣеть различныя ступени развитія,—на первой,—образуются изъ ощущеній представленія, потомъ идетъ образованіе понятій, и, наконецъ, мысль пытается проникнуть въ самую сущность, идею вещи. На какой ступени употребительно мышленіе въ философіи? Очевидно, что въ философіи не можетъ быть игры понятіями, перебора ихъ, одного мышленія отвлеченнаго; нельзя ограничиться и однимъ „опытнымъ“ мышленіемъ, образующимся чрезъ воспріятіе извѣстныхъ ощущеній,—нѣтъ, въ философіи—всѣ ступени развитія мышленія, но преимущественное значеніе получаютъ дѣйствія мышленія на высшей его ступени, когда философствующій умъ пытается уразумѣть внутреннюю, таинственную жизнь природы, всего сущаго...

Ясно, отсюда, гдѣ—исходный пунктъ философскихъ изслѣдованій.. Въ самомъ дѣлѣ, „что должна философія принять за твердое, съ чего бы, какъ съ обще-признаннаго, могла смѣло и твердо начинать свое развитіе, не опасаясь уклоненія въ заблужденія, или укоризны въ неосновательности“? ¹⁾.

Существуютъ различныя точки зрѣнія по отношенію къ этому требованію. Такъ, одни полагали исходнымъ пунктомъ „абсолютное въ идеяхъ“, другіе—„абсолютное въ положеніяхъ общихъ и, наконецъ, „абсолютное въ представленіяхъ опыта внѣшняго и внутренняго“. Правда, чаще всего философскія системы основывались на „извѣстныхъ положеніяхъ, имѣющихъ очевидность, или призванныхъ непреложными“ ²⁾.

Но „извѣстно, что до мыслей, такъ называемыхъ, абсолютныхъ—вышеопытныхъ мы поднимаемся только подъ руководствомъ быта дѣйствительнаго и поднимаемся тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ строже держимся его внушеній“ ³⁾.

Поэтому „точка зрѣнія обыкновеннаго опытнаго (вдвойнѣ) разумѣнія, говоритъ о. Сидонскій: „ощутимый для всякаго міръ опыта мнѣ кажется самою приличною опорой, надежнѣйшимъ исходнымъ пунктомъ философскаго мышленія: ибо овъ же можетъ и завершать вѣрность сего мышленія“ ⁴⁾. Конечно, про-

1) 341.

2) 344.

3) 344.

4) 345.

тивъ этого могутъ возставать люди религіозные, они будутъ требовать, чтобы испытующій разумъ при своемъ отправленіи въ философское изслѣдованіе запасался истинами вѣры и ими руководствовался, но тамъ нѣтъ мѣста свободному, самостоятельному исканію истины, гдѣ заранѣе уже принуждаютъ признать извѣстныя истины, гдѣ связываютъ разумъ человѣческой, какъ какими либо узами, „положительнымъ“.

Философы—абсолютисты могутъ требовать, чтобы философское изслѣдованіе начиналось съ абсолютнаго, съ идеи самосущаго. Правда, идея эта хранится въ глубинѣ человеческого духа, но она не ясна, она въ зародышѣ только и постепенно развивается, проясняется... Далѣе, отъ идеи Самосущаго абсолютисты исходятъ къ міру видимому, къ вещамъ частнымъ... Но естествененъ ли такой ходъ? Нѣтъ, наше мышленіе идетъ отъ низшаго къ высшему... „Для вѣрности мышленія всякій долженъ обращаться первоначально къ существамъ, насъ окружающимъ“¹⁾.

Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что система философскаго мышленія должна исходить изъ общихъ положеній, такъ какъ самыя положенія общія являются результатомъ познаній опытныхъ „Не знайте опытно раздѣленія существъ на разумное и неодушевленное, и, остановившись на одномъ понятіи сущаго, скажите мнѣ: какіе виды подъ нимъ содержатся, какіе частныя признаки входятъ, отличены быть могутъ въ составѣ понятія—бытнаго“?²⁾

„Итакъ, по нашему мнѣнію, говоритъ Сидонскій, надежнѣйшій исходный пунктъ философскихъ умозрѣній есть опытное постиженіе міра видимаго“³⁾.

Правда, философія—высшая наука въ ряду другихъ наукъ, но она не можетъ парить безотчетно,—сама она развивается на успѣхахъ другихъ наукъ, естественныхъ и положительныхъ, а потому и въ своихъ умозрѣніяхъ должна исходить изъ опыта.

Но скажутъ, къ чему поставлять разумъ въ такую зависимость отъ опыта, когда въ немъ самомъ заключаются такіа

1) 350.

2) 353.

3) 355.

мысли, идеи, по которымъ онъ построяетъ свое міровоззрѣніе, оживляя при томъ и всю бездушную природу? Къ чему же въ такомъ случаѣ зависимость отъ опыта? Или, если и допустить эту зависимость, то не въ томъ ли она должна заключаться, что опытъ даетъ только первый толчокъ умственной дѣятельности, но не даетъ тѣхъ мыслей, тѣхъ представленій, которыя завершаютъ разумѣніе природы. Но „если идеи принадлежатъ собственно намъ, если въ природѣ нѣтъ ничего, что бы онѣ отражали вѣрно,—все наше разумѣніе будетъ не разумѣніемъ самой природы, но только болѣе совершенное развитіе нашего образа представленій. Такимъ образомъ, сіе мнѣніе никакъ нельзя будетъ освободить отъ нѣкотораго идеализма“ ¹⁾). Нѣтъ, идеи заключены не только въ разумъ, но и въ природу;—одна и та же Разумная Сила, какъ создала природу насъ окружающую, такъ „поставила среди природы силы мыслящія, настроенныя постигать начала природы творческаго“ ²⁾).

Теперь, какими приѣмами, какимъ методомъ долженъ руководствоваться мыслитель въ построеніи философской системы?

Еще въ началѣ своего труда „Введенія“ о. Сидонскій наставляетъ на особомъ приѣмѣ—широкомъ допущеніи въ область философскихъ изслѣдованій „догадокъ“. Причемъ „догадку, говоритъ онъ, мы называемъ первоначальное проявленіе нашей разумности, первое движеніе идей“ ³⁾). Трудность философскихъ изслѣдованій, относительная слабость средствъ человѣческихъ необходимо понуждаютъ широко пользоваться предположеніями, догадками. „Но слово догадка, или предположеніе имѣетъ двѣ стороны; одну, подъ которою разумѣтся темнота и неясность мысли, другую, подъ которой заключается ея происхожденіе для извѣстной цѣли, и измѣняемость въ значеніи по достиженіи сей цѣли“ ⁴⁾). Въ философіи имѣетъ значеніе и та, и другая сторона.. Вѣдь другія науки, и особенно естественныя, широко пользуются гипотезами, догадками. Отчего же въ области философской науки не можетъ быть допущенъ этотъ приѣмъ? Вѣдь догадки не претендуютъ на без-

¹⁾ 360.

²⁾ 360.

³⁾ 165.

⁴⁾ 80.

условную достовѣрность, нѣтъ,—онѣ именно только предположенія, которымъ потомъ суждено, быть можетъ, перейти въ рядъ дѣйствительныхъ истинъ, каковое явленіе наблюдается и въ другихъ наукахъ. Гдѣ же условіе перехода философскихъ догадокъ въ разрядъ дѣйствительныхъ истинъ? Условіе это—въ согласіи догадокъ съ бытомъ дѣйствительнымъ. Какъ, вѣдь, провѣряются, гипотезы въ другихъ наукахъ, напр. въ физикѣ? Не иначе, какъ путемъ опытнаго приложенія... То же и въ наукѣ философской. „Разногласіе вида, какой принимаетъ дѣйствительность, покорившись дѣйствию идеи придуманной, съ тѣмъ видомъ, какой она имѣетъ, живя подѣ дѣйствіемъ своихъ идей, есть вѣрный и рѣшительный признакъ, что идея, нами образованная, не созрѣла до той идеи, которая оживляетъ и проникаетъ природу“¹⁾.

Замѣчательно, что такого убѣжденія въ необходимости „догадокъ“ въ философіи о. Сидонскій держался всю свою жизнь. „Давно уже, пишетъ онъ въ 1867 г., я высказалъ свой взглядъ на пріемъ—путь догадокъ, къ какому необходимо прибѣгать въ области философіи, чтобы подвинуться въ расширеніи человѣческаго знанія; давно уже извѣстно, что не анализисъ одинъ или синтезисъ одинъ округляетъ и завершаетъ наши знанія, а должны оба преемственно и совмѣстно подвигать нашу мысль въ разрѣшеніи задачъ ея. Если бы свѣжій мыслитель съ дарованіемъ Милля подвергъ эту мысль разработкѣ, подобно той, какой подвергъ Милль индукцію, для уясненія метода философскаго, думается сдѣланъ бы шагъ не незначительный²⁾. Самъ Сидонскій въ „Введеніи“ предлагаетъ особый методъ „метатетическій“,—сопоставительный. На необходимость такого метода указываетъ уже противоположность двухъ существующихъ методовъ: аналитическаго и синтетическаго,—вѣдь необходимо же между ними примиреніе? Необходимость метода сопоставительнаго (метатетическаго), состоящаго въ повѣркѣ согласія умозрительныхъ построеній съ бы-

1) 104.

2) Ж. М. Н. Просв. 67 г. іюнь. 940.

томъ дѣйствительнымъ, вытекаетъ и изъ того психологическаго факта, что мы всякое дѣйствіе свое провѣряемъ, уравниваемъ. „Теперь, если мы для сложенія имѣемъ особый методъ и для разложенія особый, и въ самыхъ сихъ методахъ рѣшительнаго намека на постоянное ихъ заключеніе особою провѣркою нѣтъ, почему же не поставитъ особаго метода для такого дѣйствія, которое необходимо при всей дѣйственности обоихъ пріемовъ“? 1).

И исторія всѣхъ наукъ, какъ и философіи, подтверждаетъ необходимость такого особеннаго метода. Почему, въ самомъ дѣлѣ, человѣческой умъ не удовлетворилъ до настоящаго времени той жаждѣ познанія, съ какою онъ обращается ко всему окружающему?

Не потому ли, что руководствовались въ данномъ случаѣ какимъ-либо однимъ, недостаточнымъ самимъ по себѣ, методомъ? Недостаточность существующихъ методовъ давно уже замѣчена и въ философіи.

Такъ, Кантъ предлагаетъ новый методъ—критическій, Фихте—дедуктивный, Гегель—діалектический и т. д.

Но всѣ они, по мнѣнію о. Сидонскаго, не могутъ замѣнить метода „строгаго сличенія съ природою, метода метатетическаго. И этотъ „способъ повѣрки умозрѣній“ тайно или явно допускали, утверждаетъ о. Сидонскій, всѣ философы. Ибо всѣ философы всегда старались прилагать свое ученіе къ жизни и приводить въ согласіе съ бытомъ дѣйствительнымъ. И вліяніе всякой философіи потолику только возростало и усиливалось, поколику она, скажемъ такъ, хорошо умѣла укладываться въ рамки дѣйствительнаго или искусно покорять оное своей формѣ“ 2).

Итакъ, имѣя своимъ исходнымъ пунктомъ—опытъ, философія построивъ известную систему и построивъ ее, должна вновь, по мнѣнію Сидонскаго, обращаться къ тому же опыту, быту дѣйствительному для повѣрки своихъ умозрительныхъ построеній.

Какъ это въ самомъ дѣлѣ, напоминаетъ Миля, съ его

1) Введеніе. Стр. 366.

2) 105.

ученіемъ объ индукціи, дедукціи и провѣркѣ, какъ трехъ членахъ процесса познанія! Джонъ Стюартъ Милль, какъ извѣстно, не отвергая дедукціи, всегда старательно подчеркиваетъ чтобы всякая дедукція имѣла въ основѣ своей—индукція и затѣмъ провѣрялась путемъ согласія ея выводовъ съ опытомъ. Онъ не признаетъ чистаго мышленія тогда только, когда оно начинается свои построенія безъ эмпирической подкладки (исходный пунктъ у Сидонскаго) и кончаетъ безъ эмпирическаго подтвержденія (провѣрка методомъ метатетическимъ). На нашъ взглядъ, сходство тутъ несомнѣнно есть. И если „система логика“ появилась, какъ кажется, въ 1843 году, то мы не можемъ не признать, что дѣйствительно, о. Сидонскій нѣкоторыми мыслями, правда не вполне развитыми, предупредилъ великаго англійскаго мыслителя. Впрочемъ, вопросъ о взаимномъ пониманіи Миллемъ и Сидонскимъ отношенія между дедукціей и индукціей настолько серьезень, что самъ можетъ быть предметомъ особаго изслѣдованія...

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, какое имѣла въ нашемъ отечествѣ философская дѣятельность прот. Сидонскаго. Прежде всего, должно сказать, что трудъ о. Сидонскаго является, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ компетентныя лица, писавшія о Сидонскомъ,—первымъ серьезнымъ самостоятельнымъ философскимъ трудомъ на русской почвѣ. Правда, тѣ мысли, которыя проводилъ о. Сидонскій въ „Введеніи“ и которымъ онъ самъ остался до конца вѣрнымъ, мало нашли себѣ послѣдователей, что ясно видно уже изъ того, что послѣ выхода въ свѣтъ „Введенія“, у насъ замѣчается долгое время увлеченіе Гегелемъ, котораго такъ чуждъ былъ самъ Сидонскій.

Но его „Введеніе“ несомнѣнно сильно пробудило философскую мысль, вызвало интересъ къ философской наукѣ. Послѣ этого у насъ появляется гораздо больше чѣмъ прежде, переводовъ съ иностраннаго (самъ Сидонскій много занимался переводами), появляются и самостоятельныя русскія труды Кирѣевскаго, Хомякова, Карпова, Новицкаго, Гогоцкаго, Юркевича и др.

„Покойный о. Сидонскій, говоритъ проф. Рождественскій, смогъ съ утѣшеніемъ на закатѣ дней своихъ смотрѣть на тѣ плоды, которые привнесла его многолѣтняя заботливость о развитіи и распространеніи философскаго образованія въ русскомъ обществѣ, съ радостью смотрѣть на молодыя талантливыя русскія силы, заявляющія себя серьезными специально-философскими изслѣдованіями въ отечественной литературѣ, и уже, конечно, не написалъ бы тѣхъ грустныхъ словъ, которыми начинается его „Введеніе въ философію“, если бы ему пришлось издать подобный опытъ въ болѣе близкое къ намъ время“... ¹⁾).

И. В.

¹⁾ Хр. Чтеніе. 1876 г. Сентябрь. стр. 291.

ИЗВѢСТІЯ

П О

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Апрѣля № 7 1906 года.

Содержаніе. I Опредѣленіе Святѣйшаго Синода. — Епархіальныя извѣщенія.

I.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода:

отъ 9—10 марта 1906 года, за № 1396,

о совершеніи молебствія въ день производства выборовъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

По Указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о совершеніи молебствія въ день производства выборовъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Приказали: Святѣйшій Синодъ, признавая желательнымъ, чтобы выборы въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ среди православнаго населенія, какъ и всякое благое дѣло, были предварены молитвою ко Всевышнему о испосланіи Его божественной помощи къ благоуспѣшному выполненію предпринимаемаго дѣла, приглашаетъ епархіальныхъ преосвященныхъ сдѣлать распоряженіе о совершеніи молебствія во всѣхъ кафедральныхъ соборахъ Россійской Имперіи въ день, опредѣленный для производства выборовъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта; о чемъ и опредѣляетъ: объявить чрезъ напечатаніе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Діаконъ Николаевской церкви, слоб. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, Николай *Твердохлѣбовъ* опредѣленъ 20 марта сего года на 2-е священническое мѣсто при Успенской церкви, слободы Вѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Заштатный священникъ Іоаннъ *Ситенко* опредѣленъ 20-го марта сего года на священническое мѣсто при Всѣхсвятской церкви, села Малой Чернетчины, Сумскаго уѣзда.

в) Псаломщикъ Рождество Богородичной церкви, слободы Михайловки, Лебединскаго уѣзда, Іоаннъ *Смирновъ* опредѣленъ 28 марта сего года на діаконское мѣсто при Іоанно-Предтеченской церкви, слободы Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда.

г) Учитель народнаго училища Савва *Мирошниченко* опредѣленъ 28 марта сего года на діаконское мѣсто при Всѣхсвятской церкви, села Вировъ, Сумскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ Казанской церкви, села Деревокъ, Ахтырскаго уѣзда, Тимошей *Пунъ* опредѣленъ 28 марта сего года на діаконское мѣсто при Троицкой церкви, слободы Рѣчакъ, Сумскаго уѣзда.

е) Крестыяннъ Василій *Блюсовъ* опредѣленъ 28 марта сего года н. д. псаломщика къ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Михайловки, Лебединскаго уѣзда.

ж) Сынъ псаломщика Иванъ *Шеммоновъ* допущенъ 28 марта сего года къ исполненію обязанностей псаломщика при Александро-Невской церкви, села Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда.

з) Крестыяннъ Максимъ *Галушка* опредѣленъ 28 марта сего года н. д. псаломщика къ Троицкой церкви, слободы Качаловки, Богодуховскаго уѣзда.

і) Мѣщанинъ Владиміръ *Шарунъ* опредѣленъ 28-го марта сего года н. д. псаломщика къ Григоріевской церкви, слободы Новоселовки, Изюмскаго уѣзда.

л) Бывшій воспитанникъ 2 класса Харьковской духовной семинаріи Тихонъ *Торанскій* допущенъ 28 марта сего года къ исправленію должности псаломщика при Вознесенской церкви, слободы Бобріка, Сумскаго уѣзда.

к) Мѣщанинъ Александръ *Ивановъ* опредѣленъ 28 марта сего года н. д. псаломщика къ Казанской церкви, села Деревокъ, Ахтырскаго у.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

Священникъ Всѣхсвятской церкви, села Малой Чернетчины, Сумскаго уѣзда, Стефанъ *Крохатскій* перемѣщенъ 20 марта н. г. на должность духовника при Харьковской духовной семинаріи и законоучителя образцовой школы при оной.

3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Діаконъ Владимірской церкви, села Могрицы, Сумскаго уѣзда, Діонисій *Платоновъ*, уволенъ за штатъ 18 марта сего года.

б) Псаломщикъ Троицкой церкви, слободы Качаловки, Богодуховскаго уѣзда, Михаилъ *Улановъ* уволенъ за штатъ 16 марта сего года.

в) Псаломщикъ Александро-Невской церкви, с. Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда, Михаилъ *Шенигиновъ* уволенъ за штатъ 16-го марта сего года.

4. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви села Гомольши, Зміевского уѣзда утвержденъ 16 марта сего года старостою крестьянинъ Яковъ *Комиръ*.

б) Къ Богородичной церкви, села Александрополя, Старобѣльскаго уѣзда утвержденъ 18-го марта н. г. старостою крестьянинъ Исидоръ *Конюратенко*.

в) Къ Пророко-Ильинской церкви, села Березоваго, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 18 марта н. г. старостою крестьянинъ Ѳеодоръ *Костяница*.

г) Къ Иоанно-Богословской церкви, села Тетлѣги, Зміевского уѣзда, утвержденъ 18 марта н. г. старостою крестьянинъ Вуколъ *Рышковъ*.

д) Къ Крестовоздвиженской церкви, слоб. Черкасской Лозовой, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 21 марта сего года старостою крестьянинъ Семенъ *Чайна*.

е) Къ Покровской церкви, села Раздолья, Зміевского уѣзда, утвержденъ 22 марта сего года старостою крестьянинъ Андрей *Косиновъ*.

ж) Къ Богородичной церкви, села Кочвица, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 28 марта сего года старостою крестьянинъ Михаилъ *Игуменцовъ*.

з) Къ Рождество-Богородичной церкви, села Двурѣчнаго Кута, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 28 марта сего года старостою крестьянинъ Дмитрій *Савенко*.

5. Вакантныя мѣста.

а) Священническія.

При Рождество-Богородичной церк., слоб. Мартовой, Волчанскаго уѣзда.

— Сергіевской церкви, Харьковской 2-й мужской гимназіи.

— Покровской церкви, слободы Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда.

— Ѳеодосіевской церкви, села Михайловки, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Діаконскія.

При Николаевской церкви, слободы Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Владимірской церкви, села Могрицы, Сумскаго уѣзда.

в) Псаломщицкія:

При Ѳеодосіевской церкви, села Михайловки, Старобѣльскаго уѣзда.

II.

Содержаніе. II. Христось Воскресе! В.—Христось Воскресе! (Стихотвореніе). *Николая Катанскаго*.—Явленіе Господа апостоламъ. (Стихотвореніе). *А. Боткина*.—Рѣчь *Преосвященнаго Евгенія*, Епископа Сумскаго, произнесенная 26-го марта 1906 года, въ залѣ Харьковскаго дворянскаго дома, предъ выборами членовъ Государственной Думы отъ Харьковской губерніи.—О возрожденіи церковно-приходской общины. (Продолженіе). *Священника Данила Попова*.—Нѣсколько словъ по поводу сокращенія богослужебнаго устава. *Миссіонера Якова Глаголева*.—Историческое происхожденіе и значеніе изъятія частицъ изъ просфоръ на проскомидіи въ честь и память свѣтыхъ и за живыхъ и умершихъ. *С. Ч.*—О необходимости окружныхъ и областныхъ съѣздовъ духовенства. *Священника Константина Пятелсеймонова*.—Къ вопросу о преобразованіи учебныхъ курсовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. *Священника Н. Вознесенскаго*.—Дума сельскаго пастыря по поводу семинарскихъ неурядицъ. *Сельскаго священника Г. Горална*.—Нѣсколько словъ по поводу „голоса изъ среды сельскаго духовенства о причинахъ домогательства воспитанниковъ духовныхъ семинарій къ поступленію въ высшія свѣтскія учебныя заведенія“. *Священника А. С.*—О средствахъ для подъема приходской жизни. *Священника Василя Корлякова*.—Еще о пожеланіяхъ духовенства по поводу созванія Всероссийскаго церковнаго Собора. *Священника Г. Петрусенко*.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Избраніе выборщика отъ духовенства Харьковской епархіи въ Государственный Совѣтъ.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Ярославскій епархіальный съѣздъ духовенства.—Пастырское собраніе Могилевскаго духовенства.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Выборы членовъ Государственной Думы отъ Харьковской губерніи и выборщиковъ по г. Харькову.—Члены Государственной Думы. Объявленія.

Христось Воскресе!

Вѣрные своему обычаю общенія съ дорогими нашими читателями и сотрудниками, шлемъ имъ поздравленіе съ великимъ праздникомъ. Христось Воскресе!

Отъ всей души желаемъ всѣмъ и каждому ничѣмъ не омраченнаго радостнаго праздника.

Въ этотъ величайшій христіанскій „праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ“ каждый христіанинъ, не погрузившійся окончательно въ житейскую суету, переживаетъ особенное, умилительно-радостное чувство. Великому „христіанскому торжеству“ какъ бы сорадуется и оживающая весною природа...

„Воздухъ полонъ мистическихъ волнъ колокольнаго пасхальнаго звона. Праздниковъ праздникъ отражается торжествомъ изъ торжествъ въ каждомъ атомѣ мірозданія, и въ радостномъ привѣтѣ пасхальнаго „Христось воскресе“ участвуютъ, вмѣстѣ съ людьми, и звѣзды, и птицы, и полевья былинки... Вся природа ликуетъ. Все наполняется радостью. Душа окрыляется, возносится надъ сферою нашего земнаго существованія, тяжкаго,

обременительнаго и трудового, въ сферу бытія вѣчнаго, свѣтлаго, неизмѣняемо-радостнаго. Вражда умолкаетъ, жало злобы притупляется, люди начинаютъ чувствовать себя братьями, всюду слышится радостный привѣтъ и звуки лобзаній, и во истину вѣтъ на землѣ пѣсни болѣе дѣйственной, болѣе радостной, какъ пѣснь: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“¹⁾.

Въ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова мысль какъ-то невольно переносится къ современному положенію нашей дорогой родины. Во всѣхъ частяхъ своихъ послѣдняя ждетъ воскресенія на новыхъ началахъ. Оживленія жаждутъ и нашъ государственный строй, и Церковь православная, и наша школа, и наши городскія и земскія учрежденія и т. д.

Дай Богъ, чтобы все смутное кануло въ вѣчность, все чуждое и наносное отпало и наступили свѣтлые, истинно-русскіе дни, съ торжествомъ исконныхъ, незыблемыхъ, истинно-русскихъ началъ...

Вѣримъ, что Вседержитель не отступился отъ земли русской и въ этой вѣрѣ встрѣчаемъ мы свѣтлый праздникъ и желаемъ единомышленникамъ нашимъ той же вѣры, съ которою они могли бы на привѣтъ нашъ отвѣтить отъ души—„Во истину Воскресе“!... Б.

2 апр. 1906 г.

Христосъ Воскресе!

Гудятъ колокола... Волною серебристой
 Несется въ воздухѣ ихъ радостный призывъ,
 Онъ въ Божій храмъ зоветъ, торжественный и чистый,—
 И чувства свѣтлаго онъ будить въ насъ порывъ.
 Храмъ Божій озаренъ свѣчей лучистымъ свѣтомъ,
 Лампады теплятся предъ ликами иконъ,
 И ждетъ народъ, когда съ ликующимъ привѣтомъ
 Давно желанную услышитъ пѣсню онъ.
 Вотъ полночь настаетъ... Ночь, тихая, нѣмая
 Спустилася къ землѣ съ объятыхъ сномъ небесъ.
 Еще мгновеніе... и льется пѣснь святая:
 „Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе!“

¹⁾ Церк. Гол. №№ 13—14 за т. г., стр. 386.

РѢЧЬ

Преосвященнаго Евгенія,

ЕПИСКОПА СУМСКАГО,

произнесенная 26 марта 1906 г. въ залѣ Харьковскаго дворянскаго дома,

предъ выборами членовъ Государственной Думы отъ Харьковской губерніи.

Братія, въ настоящій часъ въ собраніи вашемъ одно обстоятельство воспоминаемаго нынѣ событія изъ земной жизни Господа Іисуса Христа въ особенности останавливаетъ на себѣ наше вниманіе. Когда взорамъ толпы, сопровождавшей Господа изъ Вифаніи съ радостными восклицаніями „осанна“, открылся въ ясномъ утреннемъ воздухѣ царившій надъ глубокими и тѣнистыми долинами Іерусалимъ, озаренный солнцемъ, когда восторги толпы, встрѣчавшей Мессію, достигли высшей степени напряженія, тогда Самъ Мессія-Христосъ съ плачемъ взывалъ: „о, если бы и ты (Іерусалимъ), хотя въ этотъ твой день узналъ, что служить къ миру твоему!“ Известно, какъ эти слезы сурово, страшно оправдались чрезъ 40 лѣтъ въ судьбѣ Іерусалима, — оправдались вслѣдствіе неразумія руководителей народныхъ, одна часть которыхъ „излиха“ ревновала объ отеческихъ преданіяхъ, другая легкомысленно увлекалась ученіями и нравами иноземными.

Все это невольно приходитъ на память, когда мы размышляемъ о современныхъ событіяхъ въ отечествѣ нашемъ.

Несомнѣнно, въ настоящій день, когда осуществляется воля Государя Императора, который, сообразуясь съ историческимъ ходомъ жизни, призываетъ къ устроенію блага Россіи лучшихъ сыновъ ея, сердца ваши полны восторга. Многіе давно желали видѣть подобный день и не видѣли, слышать о немъ, и не слышали... Но да

будеть позволено намъ сказать примѣнительно къ словамъ Спасителя: „о, если бы въ этотъ день вы, избранники народные, познали, что истинно служитъ къ миру великой нашей родины!“¹ Слѣдитъ она съ тревожнымъ взоромъ за дѣйствіями вашими, съ опасеніями за будущія судьбы народа съ его надежей—Государемъ, съ его дорогимъ сокровищемъ—вѣрою Христовою... Великій историческій моментъ великій нравственный отвѣтъ возлагаетъ на васъ.

Исполните же, братія, порученное вамъ дѣло, оставивъ всякіе личные счеты и увлеченія партійной борьбы, помня одно лишь благо общее. Выдѣлите изъ своей среды въ помощь Государю людей, которыхъ вы знаете, какъ честныхъ, съ чуткою ко всему доброму совѣстью. Совѣсть есть голосъ Божій въ душѣ человѣка, и, значить, тотъ особенно надежный дѣятель для блага общаго, кто Бога помнитъ, Его святого слова слушаетъ. Осанна! Благословенъ еси, Господи Іисусе Христе, гряди скоро, гряди избавить отъ бѣдъ, изстрадавшуюся отъ смуты, православную Россію и научи, како направить судьбы ея на путь миренъ.

О возрожденіи церковно-приходской общины.

(Продолженіе *).

Вотъ что объ участіи Церкви, а слѣдовательно и каждой приходской общины во внѣшнихъ общественно-государственныхъ дѣлахъ, о роли христіанства въ дѣлѣ устроенія внѣшне-общественной жизни говоритъ нашъ отечественный философъ—христіанинъ, Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ: „Если Россія не по имени только, но воистину есть страна христіанская, то въ основѣ ея общественной организаціи и жизни должно

*) См. „Извѣст. по Харьковской епархіи“ № 6 за 1906 годъ.

лежать нравственное свободное единеніе людей во Христѣ, образующее духовное общество или церковь.—Существовая во внѣшней средѣ гражданскаго общества и государства, церковь не можетъ обособиться и отдѣлиться отъ этой среды, но должна воздѣйствовать на нее своею духовною силою. Церковь должна привлекать къ себѣ государство и общество. Должна постепенно уподоблять ихъ себѣ, проводя свое начало любви и согласія во всѣ области человѣческой жизни. Какъ орудіе, какъ органъ такого воздѣйствія церкви на мірское общество, существуетъ учрежденіе духовной власти, или іерархія церковная. Сія іерархія особенно предназначена своимъ авторитетомъ и вліяніемъ служить духовному объединенію человѣческаго общества, вводя присущее церкви начало любви въ жизнь гражданскую и въ дѣла государственный и не словами только молясь, но дѣлами заботясь о томъ, чтобы имя Божіе святилось въ людяхъ, чтобы царствіе Божіе пришло въ міръ и чтобы воля Божія исполнялась не на небѣ только, но и на землѣ“.

Но, вѣдь, при этой высокой общественно-духовной миссіи, возражаютъ, Церковь Христова и каждая приходская община легко могутъ утратить изъ виду „единое на потребу“, могутъ быть втянутыми въ партійную борьбу, вдатся въ политику; а гдѣ дано мѣсто партійности, политической борьбѣ, тамъ наступаетъ вредъ и даже гибель вѣчному дѣлу церкви. „Не думаю, еще такъ недавно писалъ нашъ уважаемый землякъ, проф. Н. О. Сумцовъ („Южный Край“ за 1906 г. № 8699),—чтобы въ храмѣ умѣстны были какія либо политическія собранія; если сегодня въ немъ будутъ одни собранія, то кто можетъ поручиться, что завтра не появятся въ немъ другія съ шумомъ и гамомъ текущей жизни, съ партійными страстями и пристрастіями, и все это будетъ проноситься передъ строгими и скорбными ликами византійской живописи, передъ ихъ благословляющими перстами, Храмъ Божій—не политическая трибуна, а домъ молитвы“.

На это отвѣтимъ: да, опасность при этомъ для церкви и для каждой приходской общины великая и вредъ можетъ быть непоправимый. Но, во 1-хъ, полезнаго употребленія огня и

ножа никто не станетъ отрицать изъ—за неумѣнія дѣтей осторожно ими пользоваться. Нужна великая осторожность и богопросвѣщенная, мудрая опытность; нужно чувство мѣры и такта въ политическомъ, такъ сказать, руководствѣ приходскихъ общинъ своими сочленами, дабы—дѣйствительно—не превратить храмы въ „политическія трибуны“, дабы храмы всегда и неизмѣнно оставались *только* мѣстомъ молитвы, а не проповѣди какой бы то ни было политической программы; послѣднее, если неизбежно, можно дѣлать приходу и внѣ храма,—мѣсть и обстоятельство для этого найдется достаточно. А, во 2-хъ, легче предписать людямъ: избѣгай того или другого, чѣмъ выполнить это на дѣлѣ. Въ такіе тяжкіе и роковые моменты общественно-государственной жизни, какъ сейчасъ, чуждыми и свободными отъ захватывающихъ запросовъ ея могутъ быть или люди больные, или крайніе и жестокие эгоисты, ухитряющіеся ко всему приспособиться, изъ всего извлечь для себя выгоду. И вотъ, происходитъ слѣдующее: когда природу гонять въ двери, она часто пробирается въ окно. Если мы—члены Церкви и приходскихъ организацій будемъ чуждаться запросовъ текущей жизни и не будемъ давать имъ надлежащаго христіанскаго исхода и освѣщенія, то найдутся тысячи другихъ, которые используютъ мятущееся и растерянное положеніе нашихъ братій въ свою партійную и часто преступную пользу. Что же это будетъ за душе-пастырство со стороны нашего духовенства? что это будетъ за духовная приходская община съ нравственнымъ свободнымъ единеніемъ во Христѣ, когда наши сочлены въ тяжкіе и скорбные моменты общественно-политической жизни будутъ требовать отъ насъ разъясненія, поддержки и утѣшенія, а мы будемъ жестоко-сердно чуждаться ихъ и „словами только“ молиться? Не вправѣ ли они будутъ отвернуться отъ насъ и пойти за разъясненіями и утѣшеніями къ тѣмъ, кто съ готовностью предложитъ имъ это?..

Вотъ вопросы, которые съ такою тревогою и тугою сердечною приходится задавать себѣ при попыткахъ къ наиболѣе полному и успѣшному разрѣшенію вопроса о миссіи Церкви въ мірѣ, объ отношеніи приходскихъ общинъ къ теченіямъ

общественно-государственной жизни! Снова повторяемъ, что на этомъ пути церковная община легко можетъ обратиться въ исключительную функцію внѣшне-общественной жизни и вся Церковь стать послушнымъ орудіемъ государства, служить только его интересамъ, превратиться въ его „вѣдомство“, въ одно изъ государственныхъ учреждений. Объ этомъ нынѣ много пишутъ и толкуютъ...

Но для избѣжанія этой страшной опасности и гибели истинно-церковнаго дѣла, для постояннаго памятованія о „единомъ на потребу“, о своей миссиіи среди человѣческихъ обществъ и учреждений, какъ о соли ихъ, имѣющей высочайшую цѣль и назначеніе: предохранять эти общества и учрежденія отъ чрезмѣрнаго развитія въ нихъ эгоизма, насилія и грубой матеріальности и проникать ихъ своимъ духомъ Евангельской любви, вѣры въ Бога, въ безсмертіе души и въ существованіе высшаго идеала правды и возмездія,—для всего этого нужно идти каждой общинѣ путемъ *историческимъ*, съ строгимъ выборомъ и одобреніемъ такихъ именно внѣшнихъ формъ и условій земнаго существованія, при которыхъ Евангельская истина и достиженіе вѣчныхъ идеаловъ осуществлялись бы наилучшимъ и легчайшимъ способомъ и въ согласіи съ условіями и исконными запросами народнаго духа, исторически—выработаннаго и выстрадавнаго народомъ идеала правды и мира на землѣ...

Не подь силу разобраться въ этомъ не только отдѣльному человѣку, но часто и цѣлымъ общинамъ и учрежденіямъ! Поэтому, будемъ съ нетерпѣніемъ и великою надеждою ожидать церковнаго всероссійскаго собора! Пусть онъ „во многомъ совѣтъ“ богомудрыхъ архипастырей, просвѣщенныхъ пастырей и благочестивыхъ мірянъ, ревнующихъ о благѣ Церкви и о процвѣтаніи церковныхъ общинъ, а черезъ нихъ—и всей нашей дорогой изстрадавшейся родины—пусть этотъ соборъ выскажется, какъ осуществить правду Божию на землѣ, какъ устроиться на землѣ по Божьему, чтобы такое земное житіе возводило всѣхъ насъ къ вѣчному и небесному!..

Если мы доселѣ хотя нѣсколько уяснили свою основную

точку зрѣнія на то направленіе, въ которомъ должна идти дѣятельность приходскихъ общинъ, то мы считали бы задачу свою на половину исполненной. Это направленіе,—повторяемъ,—должно выражаться въ томъ, чтобы общины никогда не оставляли единственно-твердой и надежной почвы, почвы Евангельской, религіозной, и не переставали осуществлять правду Божию на землѣ и чрезъ это стремились-бы къ спасенію бессмертнаго человѣческаго духа; но при этомъ чтобы не чуждались и запросовъ временной, общественно-гусударственной жизни, напротивъ—проникая ихъ своимъ духомъ Евангельской правды, мира и любви, пользовались ими для достиженія своихъ вѣчныхъ цѣлей.

Но вѣдь, такое общее,—скажутъ,—и неопредѣленное начертаніе цѣлей для жизнедѣятельности приходскихъ общинъ настолько отвлеченно, безъ всякаго конкретнаго содержанія, что при практическомъ осуществленіи его въ жизни получится одно изъ двухъ: или приходъ вовсе не будетъ затрогивать жизни своихъ членовъ, какъ это видимъ нынѣ,—будетъ, такъ сказать, скользить по ея поверхности, или же явится широкимъ полемъ для какого угодно произвола.

Въ сознаніи справедливости такихъ опасеній мы желали бы дать сейчасъ обзорѣніе такихъ, наиболѣе опредѣлившихся нынѣ, программъ и врозковъ для дѣятельности возрожденныхъ приходскихъ общинъ, которыя, не отрицая необходимости сообразоваться съ нуждами и запросами текущей дѣйствительности, въ то же время утверждаютъ на строго-религіозныхъ, каноническихъ основахъ, и подчеркнуть въ нихъ такія стороны, которыя могутъ быть вполне приняты для осуществленія.

Здѣсь также опредѣлилось два крайнихъ взгляда. По одному изъ нихъ, приходу у насъ должны быть возвращены искони ему принадлежавшія и постепенно у него отнятыя слѣдующія автономныя начала: самостоятельное распоряженіе церковными имуществами, свободное избраніе себѣ духовенства (даже епископовъ—всею епархіею) и, наконецъ, право быть юридическимъ лицомъ, т. е. пріобрѣтать на свое имя недвижимыя имущества. При такихъ только условіяхъ, и ни при какихъ другихъ,—говорятъ представителя этого направленія,—только

и можетъ возродиться у насъ приходская жизнь на широкихъ Евангельскихъ началахъ, возвратиться къ своему древне-вселенскому каноническому строю. При этихъ только условіяхъ появится въ ней полнота внутренняго духа и возродится какъ церковное просвѣщеніе, такъ и высота жизни и идеаловъ, ибо все это можетъ приложиться приходу только свободному и автономному.

Взглядъ этотъ ищетъ для себя опоры исключительно въ практикѣ древне-вселенской Церкви и ея канонахъ и считаетъ нынѣ въ своихъ рядахъ много серьезныхъ приверженцевъ. Онъ раздѣляется не только нѣкоторыми свѣтскими публицистами „церковнаго“ и „нецерковнаго“ направленія, но и многими представителями образованнаго духовенства и богословской литературы (Журналы: „Церковный Вѣстникъ“, „Церковно-общественная Жизнь“, „Богословскій Вѣстникъ“ и мн. др.).

По своему тону и характеру онъ можетъ быть названъ либерально—прогрессивнымъ. Не трудно догадаться, что на немъ сильно отразились идеи нашего общаго „освободительнаго“ движенія съ его основнымъ стремленіемъ къ свободамъ, автономіямъ и правовому порядку, и что [центръ приходской реформы, по этому взгляду, долженъ заключаться въ возрожденіи прихода административномъ и экономическомъ. Главное же и существенное въ жизнедѣятельности общины, а именно: истинно христіанская вѣра, чистота жизни и нравовъ, свободный духовный союзъ вѣрующихъ на началахъ любви и братства остаются здѣсь на второмъ планѣ и выводятся, какъ слѣдствія экономическаго и правового порядка жизни въ приходѣ.

Естественно, что такое стремленіе главнымъ образомъ къ внѣшне-правовому, формально-экономическому и административному переустройству приходскихъ общинъ вызвало сильную оппозицію—и преимущественно среди вашихъ іерарховъ, труды которыхъ по церковной реформѣ, какъ матеріалы для предстоящаго собора, печатаются нынѣ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“. Представители послѣдняго направленія въ приходской реформѣ, напротивъ, переносятъ всю суть дѣла отъ периферіи къ центру и на основаніи тѣхъ же каноновъ и древне-церков-

ной практики, какъ вселенской, такъ и нашей русской церкви, а также исходя и изъ современнаго печальнаго положенія церковно-общественной жизни, доказываютъ необходимость, прежде всего, *внутренняго*, духовнаго обновленія и перерожденія нашихъ приходскихъ общинъ,—необходимость поднятія жизни и вѣры, возвышенія жизненныхъ идеаловъ и христіанскаго просвѣщенія среди пасомыхъ; требуемая же права для приходо́въ по самоуправленію и вообще ви́шше-правовое возрожденіе приходскихъ общинъ ноставляютъ въ зависимость отъ этого внутренняго, духовнаго обновленія членовъ каждой общины и считаютъ настоятельно необходимымъ сообразовать указанныя права не только съ древне-церковною практикою, но и съ тѣми, обозначившимися у насъ, серьезными условіями и запросами церковно-общественной жизни, которые получили у насъ значеніе церковно-бытоваго уклада.

Мы изобразили сейчасъ въ самыхъ, конечно, общихъ чертахъ сущность этихъ двухъ возрѣній на болѣе конкретный характеръ возрожденія приходскихъ общинъ. Конечно, обозрѣть въ нашемъ чтеніи, даже вкратцѣ, всѣ частныя положенія этихъ возрѣній нѣтъ никакой возможности,—настолько предметъ этотъ сложенъ. По каждому изъ этихъ положеній существуетъ уже много трактатовъ и обширныхъ ученыхъ изслѣдованій. Поэтому, попытаемся разобратъся, хотя-бы въ главныхъ и наиболѣе боевыхъ, такъ сказать, положеніяхъ того и другого возрѣнія.

Прежде всего, считаемъ необходимымъ отмѣтить слѣдующее характерное обстоятельство. Защитники автономныхъ началъ въ приходской жизни въ основаніе своей реформы, обыкновенно, полагаютъ каноны и практику *той* только одной помѣстной церкви, которая наиболѣе сохранила ихъ и передала намъ въ видѣ строго оредѣленной системы каноническаго права, а именно: практику и каноны Константинопольской церкви, совершенно не замѣчая ненаучности подобнаго метода изслѣдованія даннаго предмета. Что такой односторонности въ рѣшеніи вопроса о приходской реформѣ не должно быть мѣста, объ этомъ вотъ что говоритъ извѣстный авторитетъ въ области церковной исторіи, недавно умершій врсѣ. С.-Петербургской

духовной академіи, В. В. Болотовъ: „Что въ древности не было литургическаго однообразія, это фактъ, противъ котораго никто не спорить. Едвали столь же ясенъ другой фактъ, въ сущности болѣе понятный, чѣмъ первый: *въ древности не было полнаго единства формъ церковнаго управленія* (курсивъ нашъ)... То единство управленія, которое выясняется въ каноническомъ правѣ, въ главномъ и существенномъ есть воспроизведеніе практики *одной* Константинопольской Церкви, засвидѣтельство-ванной въ достаточномъ количествѣ памятниковъ. Но, представляя собою послѣдовательную эксплоатацію естественнаго тяготѣнія периферіи къ своему политическому центру, какимъ во дни оны былъ Новый Римъ востока — Константинополь, эта практика едва ли можетъ претендовать на честь—быть самою удобною и для Россіи, и теперь и—Богъ дастъ—еще на цѣлыя столѣтія почти сплошь *деревенской*“. И далѣе, въ своемъ „очеркѣ“ древнихъ епархій покойный профессоръ даетъ цѣнныя, хотя и скудныя указанія церковно древнѣйшей практики въ тѣхъ мѣстностяхъ (именно: въ Карфагенѣ, Египтѣ, Сиріи и Каппадокіи), которыя „лежали внѣ сферы константинопольскаго вліянія“, и церковное управленіе которыхъ онъ называетъ типомъ болѣе древнимъ и *болѣе сроднымъ намъ*, чѣмъ типъ константинопольскій. Наконецъ, онъ говоритъ: „Думаю, что нѣтъ большей несправедливости, какъ репрестинація (т. е. удержаніе, закрѣпощеніе) формъ давно прошедшаго, при совершенно измѣнившемся бытовомъ строѣ утратившихъ всякую соль и силу (напр. пресловутое выборное начало), и та реформа, которая дѣйствительно отвѣчаетъ потребностямъ даннаго времени и оправдала себя фактически: хорошими результатами,—и есть реформа истинно каноническая, не имѣй она за себя даже ни единаго прецедента. Исторія есть только полезный архивъ, никакъ не сводъ законовъ. *Суббота чловѣка ради бысть, а не чловѣкъ субботы ради*“¹⁾.

Конечно, при такомъ радикальномъ отношеніи къ урокамъ исторіи и къ канонической практикѣ хотя бы и одной Константинопольской церкви, отъ православія, какъ говоритъ въ своей запискѣ Преосв. Антоній Волинскій,—можетъ не остаться

¹⁾ „Епархія въ древней церкви“ (Церковн. Вѣдом. 1906 г. № 3, ст. 100).

ничего, ибо эти каноны именно и служатъ выраженіемъ православія. Тѣмъ не менѣе, взглядъ этотъ важенъ для насъ въ томъ смыслѣ, что устанавливаетъ строго-объективное отношеніе ко *всей* совокупности древне-вселенскаго церковнаго устройства, а не къ отдѣльно избираемымъ и произвольно толкуемымъ канонамъ одной какой-либо помѣстной церкви. При томъ же, взглядъ этотъ требуетъ, чтобы древне-церковная практика, гдѣ нужно, сообразовалась и съ тѣми условіями наличной дѣйствительности, которыя слагаются путемъ также историческимъ и являются часто для даннаго момента совершенно неодолимыми. *Суббота человека ради бысть, а не человека ради субботы ради...* Этой то объективности и сообразованіи съ наличной дѣйствительностью нашей церковно-общественной жизни и нѣтъ у большинства нашихъ „автономистовъ“.

Обычно, условія и способы для жизнедѣятельности приходскихъ общинъ выводятся изъ понятія о приходѣ, какъ о первообразѣ Церкви, какъ объ одной изъ тѣхъ составныхъ частицъ или ячеекъ, соединеніе которыхъ составляетъ великій организмъ, именуемый Церковію (А. Папковъ) ¹⁾. Въ Церкви же, при Апостолахъ, строго соблюдалось „единство духа въ союзъ мира“ (Ефес. IV, 3). Поэтому, христіанскія общины въ древности являлись живымъ союзомъ вѣрующихъ (Рим. XII, 4—5), во главѣ съ епископомъ, пресвитерами (Дѣян. XIV, 23) и ихъ ближайшими помощниками по завѣдыванію и распредѣленію церковными имуществами—діаконами и діакониссами (Дѣян. VI, 1—3; Рим. XVI, 1; I Тимоѳ. V, 9—10). Жизнь христіанская, братолюбивая выражалась въ широкомъ *взаимообщеніи*, а именно: во взаимномъ назиданіи, наученіи, въ общихъ молитвахъ и принесеніи покаянія (Ефес. V, 19; Солун. V, 11; Iак. V, 16);—далѣе: въ широкомъ *благодѣяніи*, какъ матеріальномъ (II Кор. VIII, 19; Гал. II, 10; Евр. XIII, 16), такъ и духовномъ (Гал. VI, 2, 10), и, наконецъ, въ братскомъ

1) „Это, замѣчаетъ прот. Благоразумовъ („Возрожденіе прихода“, „Вѣра и Церковь“, 1903 г., кн. 2, стр. 258, прилѣч.),—строго говоря, не вѣрно. Ячейкой, изъ которой развивается церковная жизнь, служитъ не приходъ, какъ община, а *цѣлая епархія*, т. е. мѣстный соборъ (собраніе) христіанъ подъ управленіемъ пастыря—*епископа*“.

примирительномъ *судѣ* (1 Кор. VI, 1—8). Общины имѣли какъ церковное имущество для нуждъ бѣдныхъ членовъ и содержанія пресвитеровъ и наставниковъ (1 Кор. IX, 13; Гал. VI, 6), такъ и особое, частное, съ производствомъ, въ потребныхъ случаяхъ, раскладки и добротныхъ даяній (II Кор. VIII, 13—14; Дѣян. XI, 29—30).

Эта практика Апостольской церкви, говорятъ „автономисты“, была жива и дѣйствена и въ ближайшее къ Апостоламъ время. Управление церковными имуществами во все это время было *гласное, общинное*, „исключавшее всякую возможность нареканій за управленіе неправильное или единоличное“ (А. Папковъ). Для доказательства широкой автономіи, затѣмъ, и древне-византійскихъ приходовъ въ распоряженіи церковными имуществами защитники полной автономіи приходовъ ссылаются на римскую юридическую точку зрѣнія, признававшую въ первые три вѣка христіанства собственниками этихъ имуществъ христіанскія *церкви*, т. е. церковныя общины или приходы, каковое право утверждено за христіанскими общинами и императоромъ Константиномъ Великимъ (IV. в.), повелѣвшимъ отнять у христіанъ имущества въ періодъ гоненій передать „корпорациі христіанъ“.

Пытаются, затѣмъ, ослабить силу и значеніе 38 правила св. Апостоловъ, указывающаго-де на право епископовъ управлять и распоряжаться церковными имуществами *только* на нужды церкви и запрещавшаго продавать ихъ подъ предлогомъ удовлетворенія неимущихъ. Много приводится и другихъ основаній въ защиту общиннаго управленія въ древности церковными имуществами ¹⁾; но двстаточно для нашей задачи и приведенныхъ ссылокъ.

Въ особенности же, изслѣдователи приходскаго вопроса указаннаго направленія дружно отмѣчаютъ широкое развитіе въ Константинопольской церкви такъ-называемой *соборности*, т. е.

¹⁾ Такъ: указываютъ, напр., на установленіе при епископѣ (при патриархѣ Гевнадіи, въ V вѣкѣ) должности „эконома“, дабы домостроительство церковное не безъ свидѣтелей было“;—и на существованіе въ Византіи свободныхъ монастырей и вѣтторскихъ церквей, которые-де имѣли полную и независимую отъ епископа, какъ имущественную, такъ и юридическую самостоятельность.

рѣшенія всѣхъ церковныхъ вопросовъ вѣры и жизни и управленія всею церковію и каждою приходскою общиною на широкихъ началахъ общности *всѣхъ* членовъ, во главѣ съ епископами, или—въ отдѣльныхъ приходскихъ общинахъ—во главѣ съ пресвитерами, но при непремѣнномъ участіи всего клира и мірянъ. Когда соборное начало лежало въ основѣ управленія всею церковію, то изъ него-де истекало право древнихъ общинъ избирать себѣ епископовъ, пресвитеровъ и остальныхъ клириковъ, право даже контроля и суда надъ ними, каковымъ порядкомъ церковной жизни только и можно объяснить ту полноту ея въ древнихъ общинахъ, ту широту въ нихъ христіанскаго просвѣщенія и взаимообщенія, которыя являются нынѣ для насъ только искомымъ идеаломъ. Когда, съ упадкомъ соборности, церковныя общины постепенно лишились этого выборнаго права и дошли до современнаго порядка, т. е. что епископовъ и пресвитеровъ назначаетъ нынѣ и увольняетъ свѣтская, или духовная центральная власть помимо воли и вѣдома общины, то отсюда-де и произошелъ вредъ для церковнаго дѣла неисчислимый; ни пастырь часто не успѣваетъ узнать своихъ пасомыхъ, ни пасомые узнать и полюбить своего духовнаго руководителя; связь между тѣмъ и другими—самая слабая, мертвая и формальная, а посему и жизнедѣятельность приходскихъ общинъ заглохла.

Для изображенія крайняго несовершенства въ нынѣшнемъ церковно-приходскомъ у насъ строѣ, и въ цѣляхъ указанія мѣръ и способовъ къ возбужденію жизнедѣятельности приходскихъ общинъ, всѣ „автономисты“ любятъ останавливаться и на нашей русской церковно-общинной практикѣ до-Петровской эпохи. Здѣсь обычно отмѣчаютъ также широкое автономное устройство древне-русскихъ приходоѡ: полное безконтрольное распоряженіе церковными имуществами и употребленіе ихъ на нужды общины, напр. на устройство „братчинъ“ и на воспомоществованіе членамъ общины, въ случаѣ нужды, хлѣбомъ и деньгами. Указываютъ на повсемѣстное и неоспоримое существованіе у насъ въ древности выборнаго начала священниковъ, на право древнихъ приходоѡ вріобрѣтать имущества и на вытекавшую отсюда широкую благотворительность. Отмѣчаютъ

существованіе братскаго приходскаго суда, а въ Малороссіи— повсемѣстное существованіе братствъ, имѣвшихъ самое плодотворное, какъ просвѣтительное, такъ и общественно-государственное значеніе. Указываютъ на существованіе и многихъ другихъ симпатичныхъ особенностей древне-русской, церковно-общественной жизни, о чемъ и мы достаточно упомянули въ первой половинѣ чтенія.

Но не отрицая значенія для того времени всѣхъ указанныхъ функцій древне-церковныхъ общинъ какъ обще-вселенской (вѣрнѣе константинопольской), такъ и нашей русской церкви и избирая оттуда для себя хорошее и полезное, мы, тѣмъ не менѣе не должны всѣмъ этимъ функціямъ придавать значеніе неизмѣнныхъ догматовъ и рабски слѣдовать имъ, напротивъ—на многія изъ нихъ должны смотрѣть глазами проф. В. В. Болотова и признать вслѣдъ за нимъ, что для нашего времени „исторія“ древне-приходскаго уклада „имѣетъ значеніе только полезнаго архива, но никакъ не свода законовъ“.

Будемъ идти по порядку. Коснемся, хотя-бы бѣгло, прежде всего, тѣхъ канонѣвъ, которые опредѣляютъ характеръ управленія церковными имуществами и вообще экономическое положеніе древней церкви. Такъ, 38 Апостольское правило, будто бы, ограничивавшее права епископовъ въ распоряженіи церковными имуществами, буквально читается такъ: „Епископъ да имѣетъ попеченіе о всѣхъ церковныхъ вещахъ и оными да распоряжается яко Богу назирающу“. Гдѣ же тутъ рѣчь объ ограниченіи епископовъ въ распоряженіи церковными имуществами?...

Далѣе: для нашей задачи важно привести еще и слѣдующее Апостольское правило (именно, 41-ое): „Повелѣваемъ епископу имѣти власть надъ церковнымъ имѣніемъ. Аще бо драгоценныя души человѣческія ему ввѣрены быти должны: то кольми паче о деньгахъ заповѣдать должно, чтобы онъ всѣмъ распоряжался по своей власти и требующимъ—черезъ пресвитеровъ и діаконовъ подавалъ со страхомъ Божиимъ и со всякимъ благоговѣніемъ“.

Еще интереснѣе слѣдующее мѣсто изъ гл. 35-ой Постановл. апост. кн. II: „Ты такъ и поступишь, какъ Господь поставо-

вилъ, и дашь священнику должное ему,—начатокъ гумна и точила и приношенія о грѣхахъ, какъ посреднику между Богомъ и нуждающимся въ очищеніи и заступленіи: ибо тебѣ прилично давать, а ему раздавать, потому что онъ—домостроитель и правитель церковныхъ дѣлъ. Только не требуй у епископа своего—отчета и не наблюдай за домостроительствомъ его,—какъ, или когда, или кому, или гдѣ, хорошо ли, или худо, или такъ ли, какъ должно, совершаетъ онъ его. У него есть свой требователь отчета—Господь Богъ, вручившій ему такое домостроительство и сподобившій его такого мѣста въ священствѣ“.

Такимъ образомъ, даже правила св. Апостоловъ и вся совокупность другихъ каноновъ, унаслѣдованныхъ нами отъ церкви Византійской, въ ихъ объективномъ освѣщеніи, далеко не говорятъ въ пользу мнѣнія, будто-бы въ древне-вселенской церкви епископы были строго ограничены въ правахъ распоряженія церковными имуществами, и будто бы такое распоряженіе принадлежало всецѣло приходскимъ общинамъ (парикіямъ).

По этому поводу другой ученый (канонистъ), проф. Н. А. Заозерскій („Церковь и ея прихожане“) говоритъ слѣдующее: „Такъ опредѣлился характеръ имущественныхъ церковныхъ отношеній при самомъ первоначальномъ возникновеніи церковнаго имущества. Жертва въ церковь или на церковь въ томъ и состоитъ по этой системѣ, что собственникъ добровольно отказывается отъ своего права, т. е. и владѣнія, и распоряженія, и отчужденія, и вмѣстѣ съ самою вещію переноситъ на церковь и все это свое право“. Онъ же (проф. Заозерскій), далѣе, приводитъ ссылки на христіанскихъ писателей трехъ первыхъ вѣковъ, напр., Іустина мученика и св. Кипріана Карфагенскаго, изъ каковыхъ ссылокъ видно со всею ясностію, что церковное имущество во времена этихъ писателей имѣло характеръ *церковнаго* или общаго, но не *общиннаго* имущества,—каковыя понятія церковно-приходскими „автономистами“ часто смѣшиваютъ,—и что распоряженіе этими имуществами было въ древности предоставлено *предстоятелю* церкви, т. е. епископу (у прот. *Благоразумова*, „Вѣра и Церковь“, 1903 г., кн. 2, стр. 264—265).

Священникъ Даниилъ Поповъ.

(Окончаніе будетъ).

Нѣсколько словъ по поводу сокращенія богослужебнаго устава.

„Быхъ съ немощными, яко немощенъ да немощныя приобрящу“ (1 Коринт. 9 гл. 22 ст.).

Приходится иногда читать въ духовныхъ журналахъ о стремленіяхъ нѣкоторыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ тому, чтобы на предстоящемъ помѣстномъ Всероссийскомъ Соборѣ былъ рассмотрѣнъ вопросъ о сокращеніи церковнаго устава. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ, напр., авторъ статьи „Объ упорядоченіи церковной службы“, помѣщенной въ 16 № журнала „Церков. Вѣстн.“ за прошлый 1905 годъ. Въ этой статьѣ авторъ скорбитъ о томъ, что нашими пастырями слишкомъ-то сокращается служба. Авторъ говоритъ, что это зло въ нашей церкви сильно волнуетъ истинныхъ чадъ ея, соблазняетъ многихъ на хулу по адресу церкви и даже доводитъ нѣкоторыхъ до полного отпаденія отъ нея. Къ прискорбію нужно сознаться, что все это справедливо. Справедливо то, что это зло сильно волнуетъ истинныхъ чадъ церкви и особенно служить соблазномъ для тѣхъ, которые живутъ вмѣстѣ со старообрядцами, гдѣ они видятъ строгое соблюденіе устава и послѣ этого у себя видятъ то, что изобразилъ авторъ въ своей статьѣ (см. его стат.). Какъ не прийти въ сомнѣніе малограмотному, когда ему еще приходится слышать отъ старообрядцевъ, что „проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ“ и еще приводимое изъ старопечатныхъ книгъ мѣсто: „кто прибавитъ или убавитъ, да будетъ проклятъ“, „а ваши попы, добавляетъ старообрядецъ, повыкинули цѣлыя псалмы и каноны“.

Итакъ, несоблюденіе устава, служить большимъ соблазномъ для православныхъ, имѣющихъ сношенія съ раскольниками; авторъ же статьи „Ц. В.“ старается еще о томъ, чтобы сама церковь составила новый сокращенный уставъ. Авторъ говоритъ: „если уже невозможно по условіямъ времени возвратитъ церковной службѣ прежнюю полноту ея формъ, то необходимо выработать новую норму, при которой служба

была бы не такъ продолжительна, но въ то же время сохранила бы въ себѣ все то, что придаетъ ей воспитательное значеніе и вмѣнить въ обязанность ни въ какомъ случаѣ отъ этой нормы не отступать". Но если наша церковь сдѣлаетъ измѣненія въ церковномъ уставѣ, то этимъ только дастъ лишнее оружіе въ руки старообрядцевъ, которые послѣ этого начнутъ говорить: „вотъ ваша церковь службу, которую составили св. отцы, сократила, значитъ по вашему св. отцы неправильно составили ее. Прежде у васъ частныя лица дѣлали сокращенія, а теперь вся церковь сдѣлала это. И этими словами многихъ темныхъ чадъ православной церкви они могутъ уловить въ свое заблужденіе.

Послѣ того, какъ церковь издастъ особый сокращенный уставъ, вѣроятно придется совсѣмъ бросить мысль о привлеченіи старообрядцевъ въ лоно православной церкви. Они не пойдутъ туда, гдѣ видятъ, что служба совсѣмъ не похожа на ту, которая находится въ старопечатныхъ книгахъ. Почему большой успѣхъ имѣетъ единовѣріе? Почему массами присоединяются старообрядцы въ православіе на правилахъ единовѣрія? Да потому, что въ единовѣрческихъ церквахъ они видятъ строгое соблюденіе устава. Неужели ради „немощныхъ силъ“ нельзя не дѣлать того, что предлагаетъ авторъ статьи „Цер. Вѣст.“. Вспомнимъ св. апостола Павла, который ради увѣровавшихъ іудеевъ исполнялъ еврейскій законъ (Дѣян. 21, 26), который (апост.) „быхъ съ немощными, яко немощенъ да немощенныя приобрящеть (1 Кор. 9, 22) и, вопреки своимъ словамъ (Гал. 5, 2) и постановленію апостольскаго собора (Дѣян. 15 гл.), обрѣзалъ ученика своего Тимофея, „іудеевъ ради сущихъ на мѣстѣхъ оныхъ“ (Дѣян. 16, 3). Да притомъ достигнемъ ли лучшаго, когда выработается сокращенный уставъ? Авторъ „Цер. Вѣст.“ говоритъ, что „необходимо выработать новую норму, при которой служба была бы не такъ продолжительна... и вмѣнить въ обязанность ни въ какомъ случаѣ отъ этой нормы не отступать“. Но если такъ легко рѣшается этотъ вопросъ, то зачѣмъ же составлять другой сокращенный уставъ? Не лучше ли, если это можно сдѣлать, вмѣнить въ обязанность всѣмъ священникамъ, особенно же священникамъ,

имѣющимъ приходы со старообрядческимъ населеніемъ,—строго придерживаться нынѣшняго устава и по своему произволу не сокращать его. Если этого нельзя сдѣлать, т. к. священники опять таки не будутъ соблюдать уставъ, то тогда кто поручится, что и новый сокращенный уставъ не будетъ еще болѣе сокращаться. Скажутъ: сокращенный уставъ не будутъ сокращать потому, что служба не будетъ такъ продолжительна. Но этого опять-таки навѣрно сказать нельзя, т. к. одному кажется и длинная служба короткой, а другому и короткая—длинной.

Будемъ надѣяться, что на Всероссійскомъ помѣстномъ Соборѣ не будетъ выработываться новый уставъ, чѣмъ и не дастся лишній поводъ обвинять старообрядцамъ св. православную церковь.

Миссіонеръ Яковъ Глаголевъ.

Сл. Ольховатка, Волчанскаго уѣзда, Харьковск. г.

Историческое происхожденіе и значеніе изъятія частицъ изъ просфоръ на проскомидіи въ честь и память святыхъ и за живыхъ и умершихъ.

Трудно съ точностію указать время, когда въ христіанской церкви возникъ благочестивый обычай—вынимать на проскомидіи помимо агнца частицы изъ другихъ просфоръ (въ честь и память святыхъ и за живыхъ и умершихъ). Но несомнѣнно то, что въ своемъ основаніи этотъ обычай имѣетъ обычай древне-христіанской церкви—дѣлать хлѣбныя приношенія для святой Евхаристіи и для такъ называемыхъ агапъ, вечереи любви. Изъятіе частицъ на проскомидіи составляетъ какъ бы продолженіе или дальнѣйшее развитіе (съ нѣкоторыми видоизмѣненіями) указанныхъ древне-христіанскихъ приношеній. Отъ этого послѣдняго обычая оно безъ сомнѣнія усвоило и тотъ смыслъ, какой соединяетъ съ нимъ православная церковь.

Еще отъ апостольскихъ временъ извѣстно, что по окончаніи священнодѣйствія, т. е. совершенія святѣйшаго таинства Евхаристіи и приобщенія св. Даровъ, все общество вѣрующихъ возлегало въ самой молитвенной храминѣ и совершало вечерю любви (ἀγάπη) (Дѣян. IV гл. 32—34 ст.), которая

составлялась изъ приносимыхъ богатыми въ церковное хранилище даровъ. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ объ апостолахъ: „общія трапезы творяху во дни изреченныя и собранію (литургіи) совершившуся, по приобщеніи Таинъ, на общее всѣ идящу собраніе, богатымъ убо приносящимъ снѣди, нищимъ же и ничтоже имущимъ отъ нихъ призываемымъ и обще всѣмъ ядущимъ“. Значить, во времена апостоловъ вѣрующіе, руководимые благочестіемъ и чувствомъ любви христіанской, приносили Богу посильные дары (хлѣба, вина и др.); что обычно соединялось съ приношеніемъ безкровной Евхаристической жертвы.

Эти приношенія, вѣроятно, были не только плодомъ простаго религіознаго чувства и желанія доставить пропитаніе бѣднымъ, но и дарами, жертвами Богу за *кого нибудь*, въ честь *кого нибудь*. По крайней мѣрѣ, на ряду съ ними существовалъ обычай поминать святыхъ и приносить за нихъ безкровную жертву. Въ древнѣйшихъ апостольскихъ литургіяхъ Іакова, Марка и др. находятся ясныя указанія на это. Отъ апостоловъ же, по словамъ Златоуста, „законоположихся, чтобы при страшныхъ тайнахъ памяти бысть (и) о отшедшихъ“. Впрочемъ на основаніи этого можно только предполагать, что приношенія въ апостольскія времена дѣлались за опредѣленныхъ лицъ. Но уже въ ближайшія къ апостольскимъ времена онѣ выступаютъ именно съ такимъ смысломъ. По свидѣтельству пзвѣстныхъ отцовъ и учителей церкви: Іустина Философа, Кипріана, Тертуліана, Августина, Григорія Богослова и др. древніе христіане въ высокаторжественные дни „памяти святыхъ“ и „поминовенія усопшихъ“ обыкновенно приносили въ храмъ хлѣбъ и вино, прося священнослужителей вспомнить и тѣхъ, кто приносить, и тѣхъ, за кого приносится. И дѣйствительно, надъ этими приношеніями священникъ совершалъ моленія, чтобы Богъ принялъ ихъ *въ жертву* за тѣхъ, кто принесъ и за кого принесены. Имена ихъ при этомъ читались діакономъ. Особенно этотъ обычай соблюдался во дни памяти мучениковъ. Все общество Христіанское собиралось на ихъ гробахъ и приносило *поименно* за каждаго изъ нихъ, какъ жертву въ честь ихъ, хлѣбъ или, по многочисленности именъ,

только частицу. Остатки отъ этихъ приношеній частию употреблялись всѣми вѣрующими на вечерахъ любви, частию же шли на содержаніе клира.

Такимъ образомъ хлѣбныя приношенія древнихъ христіанъ являлись ихъ дарами, жертвами Богу за дорогихъ имъ лицъ.

Въ сущности говоря, эти приношенія были ничѣмъ инымъ, какъ только видимымъ средствомъ доставить возможность извѣстнымъ лицамъ или умершимъ, или живымъ, но отсутствующимъ, лично участвовать въ совершеніи святѣйшаго таинства Евхаристіи. Здѣсь мы видимъ проявленіе высочайшей христіанской любви, которая всѣхъ и живыхъ и мертвыхъ, и присутствующихъ и отсутствующихъ, всѣхъ братьевъ по духу, желаетъ сплотить въ одинъ органъ славословія и моленія Богу; желаетъ всѣмъ сообщить благодатные плоды Евхаристической жертвы. И даже болѣе,—за тѣхъ лицъ, которые сами почему либо не могли присутствовать при совершеніи таинства Евхаристіи, церковь возсылала какъ бы особенныя моленія;—за нихъ какъ бы преимущественно совершала безкровную жертву,—предлагала ихъ особенному вниманію Христа Господа.

Значитъ, въ существѣ дѣла поименныя приношенія, являясь со стороны тѣхъ лицъ, кто приносилъ, проявленіемъ ихъ особенной братской любви и расположенія къ тѣмъ, за кого онѣ были приносимы, для этихъ послѣднихъ были ничѣмъ инымъ, какъ только ихъ видимыми образами, которые доставляли имъ возможность какъ бы лично участвовать въ совершеніи Евхаристіи, и чрезъ особыя молитвы за нихъ священнослужителей усвоили имъ особенно плоды Евхаристической жертвы. Такимъ образомъ христіане, совершая, на примѣръ, литургію на гробахъ мучениковъ, своими приношеніями за нихъ хотѣли только представить ихъ самолично участвующими въ совершаемой при этомъ Святѣйшей Евхаристіи. Естественно поэтому, что когда умножилось число вѣрующихъ и ихъ приношеній, а вечера любви уничтожились, а также утратилась практическая польза отъ приношеній, такъ какъ для содержанія клира были найдены другія средства,—естественно, что тогда хлѣбныя приношенія замѣнились частицами изъ просфоръ.

Церковь помимо агничной просфоры назначила отъ себя нѣсколько просфоръ для изыятія изъ нихъ частицъ въ честь и память святыхъ и за живыхъ и умершихъ. Впрочемъ, остался обычай дѣлать приношенія и молящимся, но уже не съ такимъ характеромъ. Изъ просфоръ молящихся, церковь, какъ и изъ своихъ, изымаетъ частицы за поименованныхъ при этомъ и полагаетъ ихъ около святого агнца, а самыя просфоры возвращаются къ принесшимъ ихъ. Измѣнилась значительно внѣшняя сторона обряда, но внутреннй смыслъ и цѣль его остались тѣ же. Частицы, вынимаемая теперь церковью на проскомидіи въ честь святыхъ, за живыхъ и умершихъ, являются ничѣмъ инымъ, какъ жертвою за нихъ, или точнѣе — внѣшними образами ихъ. „Вмѣсто убо лицъ суть, о нихъ же приносятся, и жертва есть о тѣхъ, приносимая Богу, якоже и іерей, ввсегда приносити, глаголетъ: приими, Господи, жертву сію“ (Симеонъ Солунскій). Такъ всегда смотрѣла и теперь смотритъ на проскомидійныя частицы православная церковь.

По выраженію весьма многихъ извѣстныхъ толкователей (Августина, Кириана, Іоанна Златоуста и др.), Агнецъ съ частицами, расположенными на дискоств вокругъ него, является образомъ Христа, Который, какъ таинственный глава церкви, окруженъ воинствами и небесными и земными. Но Агнецъ послѣ становится Тѣломъ Христовымъ, частицы же, лежація близъ него, такъ и остаются только видимыми образами тѣхъ (лицъ), за кого принесены и только въ соединеніи съ молитвами церкви приобрѣтаютъ освящающую или умилоствляющую силу для нихъ. Поэтому онѣ скорѣе не жертвы, а видимыя условія того, что за нихъ приносится великая безкровная жертва. Онѣ замѣняютъ собою тѣхъ лицъ, за кого приносятся и эти послѣднія такимъ образомъ являются какъ бы лично участвующими при совершеніи Святѣйшей Евхаристіи.

Поэтому говорить объ особенномъ высокомъ значеніи изыятія проскомидійныхъ частицъ для тѣхъ лицъ, за кого онѣ вынимаются, можно только примѣнительно къ тому отношенію, въ какое онѣ (частицы) ставятъ этихъ лицъ къ Евхаристіи. Разсматриваемое же какъ самостоятельный актъ, изыятіе частицъ не можетъ имѣть особенной силы и значенія для воспомина-

емыхъ, какъ и вообще не имѣть особаго самостоятельнаго значенія и вся проскомидія. Правда, частицы за живыхъ и умершихъ, какъ и въ первенствующей церкви (когда приносящій просилъ священнослужителей помолиться о тѣхъ, за кого приносится даръ), служатъ условіемъ особаго молитвеннаго ходатайства за нихъ церкви въ лицѣ ея представителя—священника. На проскомидіи возсылаются особыя молитвы за поминаемыхъ на ней. Молитва же священнослужителя, какъ представителя всего общества вѣрующихъ, несравненно выше, цѣннѣе молитвы домашней или личной: одно „Господи помилуй“, по словамъ Златоуста, „произнесенное въ церкви купно съ соборомъ вѣрующихъ, стобитъ цѣлой сотни земныхъ поклоновъ келейной молитвы“. И сама церковь, по примѣру своего Великаго Основателя (Мѣ. 18 гл.) признаетъ высокую силу общей (церковной) молитвы, когда опредѣленіемъ своего святаго собора налагаетъ строгое наказаніе на тѣхъ, кто избѣгаетъ посѣщенія храма и церковной службы.

Но, вѣдь, церковь и помимо проскомидіи непрестанно молится за живыхъ и умершихъ своихъ членовъ (ектении, молебны, панихиды, заупокойныя литіи и др.) какъ на литургіи, такъ и на другихъ службахъ. И молитвы на проскомидіи при изъятіи частицъ только развѣ своей степенью превосходятъ обычныя молитвенныя ходатайства церкви. То же самое можно сказать и относительно изъятія частицъ въ честь и память святыхъ. Если и его разсматривать, какъ самостоятельный актъ (безъ всякаго отношенія къ Евхаристіи), то это только будетъ простой способъ, которымъ земная церковь чествуетъ своихъ прославленныхъ членовъ и приобрѣтаетъ въ ихъ лицѣ себѣ вѣрныхъ молитвенниковъ и ходатаевъ, причемъ—способъ, мало превосходящій собою многіе церковныя обряды (чествованіе, лобзаніе иконъ, возжиганіе предъ ними свѣчей и др.), служащіе способами почитанія святыхъ.

Итакъ, изъятіе частицъ, *какъ самостоятельный актъ*, особаго значенія не имѣетъ. Это только обрядъ, обычай, а не *сакраментальный актъ*. Вообще же изъятіе частицъ на проскомидіи имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Свое значеніе, свою силу и дѣйственность частицы заимствуютъ отъ Евхари-

стической жертвы, къ которой стоятъ въ близкомъ отношеніи. — Евхаристическая жертва, по общему церковному сознанію, имѣющему въ своей основѣ слова Самого ея Основателя, есть дѣйствительная жертва. Великій Первосвященникъ и архіерей во вѣкъ на алтарѣ церковномъ приносить Себя Самого въ жертву Богу Отцу (за людей) такъ же, какъ нѣкогда принесъ Себя же на алтарѣ Крестномъ за весь родъ человѣческой. Только тамъ на Голгоѣ была принесена жертва кровавая, со страданіями и смертью, здѣсь же на престолѣ церковномъ— безкровная, безстрастная, безсмертная. Тамъ видимо и открыто, здѣсь же видимо, но непостижимо, прикровенно. Но какъ тамъ на Голгоѣ Христосъ—Богочеловѣкъ приносилъ въ жертву свою дѣйствительную плоть,—такъ и здѣсь на престолѣ присутствуетъ весь Христосъ и Богъ и человѣкъ, и предлагаетъ Свое истинное Тѣло и Свою истинную кровь. „Если Самъ Господь опредѣленно сказалъ о хлѣбѣ—„сіе есть тѣло Мое“, кто осмѣлится послѣ того сомнѣваться въ этомъ? и если самъ подтвердилъ и изрекъ: „сіа есть кровь Моя“, кто усомнится и скажетъ: „нѣтъ это не кровь Его“? (Кириллъ Іерусалимскій.— Оглас. Поуч.)? Но съ тѣломъ неразрывно соединена душа Христа, съ душою же необходимо мыслится и присутствуетъ Его Божество; слѣдовательно,—весь Христосъ, Истинный Богъ и истинный человѣкъ, присутствуетъ при Евхаристіи.—Поэтому, какъ Голгоеская жертва,—жертва Единороднаго Сына Божія,—имѣла великую искупительную силу для человѣчества; такъ и Евхаристическая жертва, являющаяся такъ сказать, продолженіемъ Голгоеской или благодарственнымъ воспоминаніемъ о ней, имѣетъ великую силу освящающую и умиловляющую (людей),—какъ жертва дѣйствительная.

На Голгоѣ Христосъ принесъ себя въ жертву за всѣхъ, здѣсь же на престолѣ и за тѣхъ, кого предлагаетъ Ему церковь. На Голгоѣ Христосъ искупилъ все человѣчество, съ которымъ, принявъ плоть человѣческую, соединился тѣлесно, здѣсь же особенное свое освященіе и благодатные дары овъ сообщаетъ и тѣмъ, кто, такъ сказать, сообщается съ Нимъ тѣлесно,—пріобщается Св. Тайнъ. Причастившись Тѣла Христова и Крови Христовой, по словамъ

Кирилла Іерусалимскаго, „вѣрующій содѣлывается содѣлесникомъ и единокровнымъ Христу, дѣлается Христоносцемъ, потому что Тѣло и Кровь Христовы сообщаются Ему членамъ“. Такой человѣкъ получаетъ особенное освященіе,—ему Самъ Христосъ въ большемъ изобиліи сообщаетъ благодатные дары своей безкровной жертвы, за него Онъ какъ бы особенно ходатайствуетъ предъ Своимъ Отцемъ, когда приноситъ Ему въ жертву Свою пречистую плоть.

И частицы, которыя являются вмѣсто тѣхъ лицъ, за кого приносятся, находясь близъ Св. Тѣла, Агнца, напоаясь Божественной кровью, когда въ концѣ литургіи всѣ погружаются въ св. потиръ, безъ сомнѣнія, доставляютъ этимъ лицамъ то, что доставляетъ человѣку пріобщеніе Св. Даровъ. Св. Сүмеонъ Солунскій говоритъ объ этомъ такъ: „Часть, о комъ-либо принесенная, близъ Божественнаго Тѣла лежащая, ввсегда оному священнодѣйствоватися и Тѣлу быти Христову, то освященія и тоя причащается; внесена же будучи въ чашу, соединяется съ кровію, тѣмже и душѣ, о ней же приносится, бываетъ благодать; бываетъ убо общеніе умное;... Многажды же и тѣлесную обрѣтаетъ пользу“. Такимъ образомъ, чрезъ частицы, какъ бы чрезъ причащеніе Св. Таинъ, извѣстнымъ лицамъ въ изобиліи усвоятся благодатные плоды Евхаристической, а слѣдовательно, Голгоѣской жертвы. Живымъ и умершимъ братіямъ нашимъ бываетъ отъ этого великая польза: „Усопшимъ подается избавленіе отъ грѣховъ и Божественныя Благодати соединеніе; живымъ же, аще въ покаяніи токмо живъ совершаютъ, отъ лютыхъ премѣненіе, оставленіе грѣховъ и надежда жизни вѣчной“ (Сүмеонъ Солунскій).

Понятно вообще, какое значеніе имѣетъ приношеніе безкровной жертвы для несовершенныхъ членовъ церкви какъ живыхъ, такъ и умершихъ. Но какое значеніе имѣетъ оно для святыхъ, прославленныхъ членовъ церкви и въ особенности для Пресвятой Богородицы! Вѣдь святые, какъ свободные отъ грѣховъ и прославленные, повидимому, не нуждаются въ очищеніи; и нѣкоторые отцы церкви дѣйствительно полагаютъ, что принесеніе безкровной жертвы въ честь и память святыхъ имѣетъ значеніе только благодарственное, умилостивительное

же или вообще освящающее значеніе ея совершенно отрицаютъ. Конечно, отъ лица земной церкви, воинствующей, не можетъ не быть благодарности Богу за святыхъ, за церковь торжествующую, небесную. Церковь (земная) должна благодарить Господа за то, что въ лицѣ святыхъ Онъ возвысилъ „истлѣвшее человѣческое естество“, удостоилъ его славнаго пребыванія на небесахъ; должно благодарить и за то, что въ лицѣ тѣхъ же святыхъ, въ ихъ жизни, полной подвиговъ благочестія, даны примѣры и образцы для подражанія. „Взирающе на скончаніе жителства ихъ и подражая вѣрѣ, любви, надеждѣ, ревности жизни, твердому перенесенію страданій, терпѣнію даже до крови, мы сами можемъ получить вѣнецъ славы“. (Іоаннъ-Дамаскинъ). И церковь нѣкоторымъ образомъ выражаетъ свою благодарность Богу за это, когда въ честь и память святыхъ приноситъ Ему безкровную жертву. Евхаристическая жертва является нашимъ благодареніемъ Богу за плоды искупленія; прославленіе же святыхъ, поселеніе ихъ въ обителяхъ небснаго Отца есть прямой плодъ искупленія; слѣдовательно, принося Богу благодареніе за искупленіе вообще, Церковь въ частности благодаритъ Его и за святыхъ.

Но нельзя отрицать значенія безкровной жертвы (а слѣдовательно и приношенія частицъ) и для самихъ святыхъ. Это значеніе необходимо предполагается уже тѣмъ, что Евхаристія есть воспоминаніе объ Голгоѣской жертвѣ или даже какъ бы продолженіе ея. Господь для всѣхъ пострадалъ на олтари крестномъ, принесъ себя въ жертву искупленія за грѣхи всего міра. „Добрый пастырь“, говоритъ Феодоръ Андидскій, „пролилъ кровь не только за грѣшниковъ и не для ихъ только примиренія съ Богомъ принесъ себя въ жертву, но и для самихъ праведниковъ, ибо нѣтъ такого, кто былъ бы живъ и не согрѣшилъ“. Никто изъ людей не могъ и не можетъ спастись, если бы не были омыты грѣхи его честною кровью Христа Спасителя. И святые Божіи и даже Пречистая Матерь Христова получили славу только въ силу Его искупительныхъ заслугъ. Частицы, вынутыя изъ просфоръ и расположенныя вокругъ Св. Агнца, изображаютъ собою всѣхъ вообще людей, искупленныхъ кровію Христовою. Если для всѣхъ ихъ была не-

обходима жертва Голгоѣская, то необходима или во всякомъ случаѣ весьма полезна и жертва Евхаристическая. Для несовершенныхъ изъ нихъ она служитъ, какъ сказано выше, умилоствленіемъ, очищеніемъ отъ грѣховъ; тѣмъ же, которые чужды положительныхъ недостатковъ, сообщаетъ бѣльшее освященіе и возвышеніе, бѣльшее дерзновеніе къ Богу. Если церковь торжествующая, небесная и выше церкви земной, то все-таки и она еще не пришла въ мѣру своего совершенства. Пока не настало царство славы, она составляетъ съ церковью земною нѣчто единое, нераздѣльное. Необходимо должна исполниться еще нѣкоторая мѣра святости церкви, послѣ чего послѣдуетъ страшный судъ, и прославленная церковь обратится въ „царство славы“. Поэтому и святые еще не получили окончательнаго прославленія и для нихъ не безразличны тѣ моленія и приношенія, которыя дѣлаетъ за нихъ церковь земная. Поскольку небесная церковь связана съ земной, постольку для первой имѣютъ значеніе дѣйствія второй. Святой Сумеонъ Солунскій говоритъ, что частицы, вынимаемыя за святыхъ „суть во славу ихъ и честь и во умноженіе достоинства, и Божественнаго просвѣщенія въ бѣльшее пріятище... чрезъ Божественное священнодѣйствіе бываетъ имъ въ пріумноженіе немерцающей славы.“

Таково значеніе изыятія частицъ для самихъ святыхъ, прославленныхъ членовъ церкви. Имѣетъ изыятіе частицъ въ честь святыхъ и нѣкоторое, такъ сказать, косвенное значеніе. Доставляя чрезъ принесеніе безкровной жертвы святымъ безмѣрную радость и наслажденіе, церковь пріобрѣтаетъ въ нихъ усердныхъ молитвенныхъ ходатаевъ Богу и вѣрныхъ помощниковъ всѣмъ своимъ несовершеннымъ членамъ и ихъ меньшимъ братьямъ, а особенно же тѣмъ, которые поминаются при Евхаристіи вмѣстѣ съ ними. Относительно этого Златоустъ говоритъ: „Безъ сомнѣнія, возможно пріобрѣсти имъ (живымъ и умершимъ) прощеніе чрезъ дары, приносимые за нихъ и чрезъ именуемыхъ съ ними“.

С. Ч.

О НЕОБХОДИМОСТИ ОКРУЖНЫХЪ И ОБЛАСТНЫХЪ СЪѢЗДОВЪ ДУХОВЕНСТВА.

Едва ли кто станетъ отрицать большую пользу отъ собраній, упомянутыхъ нами въ заголовкѣ настоящей замѣтки. На этихъ собраніяхъ мы можемъ почерпнуть силы и увѣренность въ себѣ, запастись энергіей для борьбы, опытомъ.—„Въ настоящее время, говоритъ нашъ Харьковскій Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній, особенно необходимы сплоченность, солидарность и единство пастырей между собою. Вспомнимъ громадной важности событія послѣдняго времени въ нашей внутренней жизни... Къ какимъ новымъ и труднымъ задачамъ все это призываетъ насъ, какого подъема силъ все это требуетъ отъ насъ! Въ этомъ случаѣ взаимный обмѣнъ мыслей является прекраснымъ средствомъ облегченія предстоящихъ намъ трудовъ“... (Изъ бесѣды Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія съ о.о. благочинными Харьковской епархіи. „Вѣра и Разумъ“ № 20, 1905 г.). Слова нашего Благостнѣйшаго Святителя—глубокая правда!

На окружныхъ собраніяхъ мы не только выскажемся по наиболѣвшимъ вопросамъ, но и должны рѣшить способы наилучшаго воздѣйствія на прихожанъ, отношеніе пастыря къ современному общему и, въ частности, къ крестьянскому движенію. Если насъ приглашаетъ земство къ содѣйствію въ открытіи библіотекъ, въ дѣлѣ развитія внѣшкольнаго образованія и народныхъ чтеній, то отчего мы сами не позаботимся объ этомъ. Что читать народу, гдѣ взять наиболѣе пригодныя книги для народа,—все это лучше и удобнѣе рѣшить сообща.

Тамъ-же на окружныхъ собраніяхъ мы не только рѣшимъ эти вопросы, но и должны изыскать для этого матеріальныя средства. Чего я не въ состояніи сдѣлать одинъ по недостатку средствъ, то мы можемъ сдѣлать сообща: напр., для очереднаго пользованія по приходамъ можно бы выписать два—три волшебныхъ фонаря, озаботиться устройствомъ на общій счетъ уличныхъ подвижныхъ библіотекъ, читалень и т. п.

Чтобы съѣзды не были одной лишь формальностью, чтобы они были жизненнѣе и плодотворнѣе, нужно, намъ кажется, при-

гласить на нихъ не только причты, но и мірянъ. Послѣдніе могутъ много помочь въ пастырскомъ дѣлѣ опытомъ и знаніемъ жизни. Мы разумѣемъ мірянъ, конечно, наиболѣе преданныхъ церкви и добросовѣстныхъ. Намъ нужно не формально, а чистосердечно сплотиться съ прихожанами, нужно посвятить ихъ въ свои пастырскія дѣла, въ свои радости и невзгоды, чтобы—не смотрѣли на насъ какъ на касту, или какъ на чиновниковъ. Жизнь въ вѣкоторыхъ православныхъ приходяхъ замерла; а самому духовенству безъ содѣйствія мірянъ оживить приходскую жизнь трудно.

Придутъ на пастырскія окружныя собранія многіе и изъ людей интеллигентныхъ: многіе изъ нихъ ищутъ мира, готовы съ любовью трудиться на благо ближняго,—протянемъ имъ руку, покажемъ имъ, что мы дѣйствительно *добрые* пастыри, заботящіеся о своемъ стадѣ, о его моральномъ воспитаніи, о его умственномъ развитіи.

Подготовившись на окружныхъ съѣздахъ, ознакомившись съ мнѣніемъ и взглядами мірянъ, мы можемъ во всеоружіи опыта и знанія явиться и на областныя съѣзды въ лицѣ своихъ представителей. На этихъ областныхъ съѣздахъ, подлѣ мудрымъ руководствомъ святителей и опытныхъ указаніяхъ наиболѣе авторитетныхъ нашихъ собратій, мы можемъ выработать мѣры къ наилучшему пастырскому воздѣйствію на своихъ пасомыхъ, искорененію разныхъ неприглядностей въ жизни послѣднихъ,—столковаться о мѣрахъ къ повсемѣстному возрожденію приходскихъ общинъ и т. д.

Окружныя съѣзды пастырей, совмѣстно съ мірянами, крайне необходимы, чтобы грядущія событія не обрушились на духовенство неожиданно, не захватили его неподготовленнымъ, какъ и случилось въ западныхъ губерніяхъ, чтобы мы—пастыри—не были подобны тѣмъ неразумнымъ дѣвамъ, которымъ сказалъ женихъ: истинно, говорю вамъ, не знаю васъ и не допустилъ ихъ на брачный пиръ.

Священникъ Константинъ Пантелеимоновъ.

Сл. Святодмитріевка, Старобѣльскаго уѣзда.

Къ вопросу о преобразованіи учебныхъ курсовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ *).

I.

Вопросъ о реформѣ средней духовной школы давно уже назрѣвшій, большой вопросъ. И особенно истекшіи 1905 г. обогатилъ насъ въ этомъ случаѣ обильнымъ матеріаломъ. Припомнимъ цѣлый рядъ статей, которыя помѣщались и во всевозможныхъ газетахъ, и въ различныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и въ солидныхъ богословскихъ журналахъ, особенно Церковномъ Вѣстникѣ, органѣ С.-Петербургской Духовной Академіи, и завершившейся спеціальной работой Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ синодѣ, опубликованной въ 46 и 47 №№ Церковныхъ Вѣдомостей; припомнимъ о заявленіяхъ епархіальныхъ съѣздовъ и о десяткахъ петицій, посланныхъ семинаристами Свят. Синоду... Полнымъ и обстоятельнымъ сводомъ всѣхъ многоразличныхъ воззрѣній и проектовъ по этому вопросу, вмѣстѣ съ внимательнымъ и объективнымъ комментариемъ къ нимъ, подарилъ насъ не такъ давно г. Тихомировъ ¹⁾. Къ нему и отсылаемъ всѣхъ, кто поинтересовался бы ближе ознакомиться со всѣмъ этимъ вопросомъ.

По нашему же мнѣнію не въ томъ бѣда, что наши семинаріи и училища въ своихъ учебныхъ курсахъ преслѣдуютъ двоякаго рода цѣли: во 1-хъ, *общаго образованія* своихъ питомцевъ и во 2-хъ, *спеціальной подготовки* въ нихъ пастырей церкви, или иначе, гуманитарно-классическія и профессионально-пастырскія цѣли. Нѣтъ, вся бѣда въ томъ, что школы эти, по *конечной своей цѣли* дѣйствительно *профессиональныя*, служебно-церковныя, въ то же самое время являются просто *словными школами*, школами вообще для дѣтей духовенства, каковы бы ни были эти послѣднія, къ чему бы ни готовили себя въ будущей практической жизни.

*) Печатаю практическія замѣчанія по предлагаемому вопросу нашего сотрудника, надѣмся, что они вызовутъ всестороннее обсужденіе читателей, интересующихся этимъ вопросомъ. Ред.

¹⁾ Д. И. Тихомировъ. *О реформѣ духовной школы* С. П. б. 1905 года. 1—84стр.

Мы тоже признаемъ въ полной мѣрѣ значеніе валичной несостоятельности нашихъ училищъ и семинарій; признаемъ, далѣе, что основной причиной этой несостоятельности является двойственность задачъ, преслѣдуемыхъ ими. Но въ то же время признаемъ и то, что обѣ эти задачи—сословная и профессиональная—чуть не въ равной мѣрѣ въ этихъ школахъ законны и необходимы. Подъ такимъ лишь угломъ зрѣнія и можно, по нашему убѣжденію, вести рѣчь о желательной реформѣ средней духовной школы.—И такъ, эта реформа должна необходимо считаться и съ той, и съ другой ея задачею, какъ основными началами данной ея исторической жизни.—Въ отличіе же отъ неудовлетворительнаго положенія семинарій и училищъ въ настоящее время эта, желаемая нами реформа, должна проводить въ нихъ каждую изъ этихъ задачъ возможно полно, цѣлесообразно, на здоровой педагогической основѣ ¹⁾.

II.

Какой же исходъ мы бы съ своей стороны предложили?— Не остановиться ли намъ на томъ рѣшеніи вопроса, какое предлагаетъ ректоръ Иркутской семинаріи—архимандритъ Никонъ ²⁾. Именно—раздѣлить въ корнѣ эти двѣ задачи и для каждой изъ нихъ создать свою особую, вполне законченную школу. Для дѣтей духовенства, нуждающихся въ общемъ образованіи, устроить спеціальныя сословныя общеобразовательныя гимназіи, отдавъ имъ для этого существующія училища и семинаріи. Для профессиональныхъ же, пастырскихъ цѣлей завести въ монастыряхъ особыя, уже дѣйствительно профессиональныя, строго церковныя, школы, также съ 10-лѣтнимъ курсомъ.

Очевидно, автору этого проэкта нельзя отказать ни въ послѣдовательности, ни въ радикальности взглядовъ: затянувшійся и крайне запутанный Гордіевъ узелъ онъ въ своемъ проэктѣ разрубаетъ однимъ ударомъ. Но думается, не менѣе очевидна

¹⁾ Редакція пашла нужнымъ печатать эту статью съ значительными сокращеніями, слѣдствіемъ чего и явилась замѣтная отрывочность въ изложеніи,—съ сохраненіемъ однакоже основныхъ мыслей сочиненія. *Примѣч. автора.*

²⁾ Тихомировъ. Стр. 44—48.

и практическая несостоятельность такой, слишкомъ уже радикальной, реформы. Не будемъ повторять въ этомъ случаѣ всего сказаннаго самимъ г. Тихомировымъ. Подчеркнемъ лишь, что съ матеріальной стороны весь этотъ проэктъ *не упрощеніе*, а только *осложненіе* вопроса. Въдь на осуществленіе его для устройства по нему такихъ пастырскихъ-монастырскихъ школъ, по одной на 2—3 епархіи, потребовались бы многіе милліоны, десятки милліоновъ. Но не менѣе важною представляется намъ здѣсь и другая сторона дѣла, имѣющая значеніе не для одного о архимандрита, но и вообще для всѣхъ тѣхъ, кто отсѣкаетъ профессиональную школу отъ общеобразовательной, хотя бы въ видѣ особой трехъ или двухъ годичной спеціальной семинаріи. Боимся мы, что заводя, въ томъ или иномъ видѣ, эти особыя, собственно-церковныя школы, наличныя же духовныя училища и семинаріи трактуя, какъ сословныя общеобразовательныя, эти лица, сами того, быть можетъ, не подозрѣвая, *на дѣлѣ отнимаютъ ихъ у духовенства*. Въдь несомнѣнно, существуя въ данномъ видѣ, наши духовныя школы даже въ настоящее время содержатся на церковныя средства не столько, какъ сословныя школы, школы для дѣтей духовенства, сколько какъ именно школы церковныя, профессиональныя. Тѣмъ болѣе такъ должно будетъ обстоять это дѣло потомъ, когда участіе въ рѣшеніи этого вопроса приметъ, какова бы она ни была, Государственная Дума. Но само собою разумѣется, разъ будутъ существовать обособленныя церковно-пастырскія школы, принимающія учащихся изъ всѣхъ гимназій, то онѣ то и должны будутъ существовать на средства Церкви. Напротивъ, прежнія училища и семинаріи, какъ бы ихъ ни называли, какъ *общеобразовательныя* только сословныя школы, мало будутъ имѣть отношенія къ самой Церкви. И думается, самый завзятый клерикалъ мало будетъ имѣть побужденій—отстаивать законность содержанія ихъ на счетъ церкви, а не самого духовенства. И дай Богъ, чтобы послѣднему безмездно отдали тогда самыя зданія прежнихъ его училищъ и семинарій!

Наконецъ, уже опять относительно одного проэкта о. Никона, не мѣшаетъ еще замѣтить, что практически его предложеніе повело бы не къ допущенію *иносословныхъ* въ церков-

ную школу (что безусловно необходимо), но почти къ полной *замѣнѣ* здѣсь послѣдними дѣтей духовенства, которыя, по проекту, должны направляться по свѣтской дорогѣ. А это и нежелательно, и по меньшей мѣрѣ странно. Вообще, проектъ о. архим. Никона можетъ служить къ правильному и цѣлесообразному рѣшенію даннаго вопроса скорѣе не положительными, а отрицательными своими сторонами.

Несравненно выше во всѣхъ отношеніяхъ должно быть поставлено то рѣшеніе вопроса, которое можно назвать профессорскимъ и либерально-прогрессивнымъ, такъ какъ оно проводилось на страницахъ лучшихъ журналовъ, начиная съ академическихъ ¹⁾. Разумѣемъ настойчивыя и наиболѣе громкія и общія заявленія о необходимости реформы семинарій—въ смыслѣ разграниченія проводимыхъ ими задачъ *по времени*, такъ чтобы общее образованіе и профессионально-пастырское представляли *два особыя, послѣдовательно смѣняющіяся, ступени*. При этомъ одни для этого пастырскаго образованія намѣчаютъ, какъ мы уже говорили, особую двухъ или трехлѣтнюю добавочную школу; другіе по прежнему мыслятъ его въ видѣ двухъ послѣднихъ классовъ (5 и 6) оставляемыхъ, семинарій. Къ этому послѣднему рѣшенію вопроса примыкаютъ и проекты Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ ²⁾ и въ значительной мѣрѣ самого Д. И. Тихомирова ³⁾.

Уже въ первомъ своемъ, чистомъ, видѣ предлагаемое намъ рѣшеніе вопроса о реформѣ семинарій представляется намъ настолько основательнымъ и серьезнымъ, что съ нимъ необходимо серьезно же и считаться. Не даромъ же за него—не только голосъ самихъ учащихъ, особенно остро и тяжело чувствующихъ на себѣ недочеты даннаго состоянія своей школы, но, какъ мы видѣли, самыя академіи въ своихъ журналахъ, и смѣло можно сказать, общій голосъ всѣхъ, кто интересуется судьбою семинаріи въ настоящее время.

1) Напр. Церковный Вѣстникъ за 1904 и 1905 г.г. (особенно ст. Лебедева въ №№ 2, 4, 7, 11, 15, 17—1904 т.); Богословскій Вѣстникъ (ст. проф. В. Н. Мышцына: июль—августъ 1905 г.); Миссіонерское Обозрѣніе (ст. Д. И. Боголюбова: 1905 г. № 4) и др. См. у Д. И. Тихомирова, въ названной книгѣ.

2) Церковн. Вѣдом. № 46.

3) Церк. Вѣд. № 47 и кн. О реформѣ духовной школы.

Въ самомъ дѣлѣ: на что, кажется, естественнѣе и лучше. Пусть остаются наши училища и семинаріи по прежнему школами для дѣтей духовенства, а вмѣстѣ—и для всѣхъ, кто желаетъ, и изъ другихъ сословій. Первые 8 лѣтъ—это ихъ общеобразовательный курсъ, курсъ особой духовной гимназіи, со стороны учебной во всемъ приравненной къ другимъ гимназіямъ общаго типа. Здѣсь будутъ получать всѣ учащіеся то общее развитіе, которое необходимо образованному человѣку для какой-угодно будущности, для любой карьеры. Затѣмъ уже, по окончаніи этой духовной гимназіи, каждый свободно, въ зависимости отъ индивидуальныхъ наклонностей и сложившихся у него воззрѣній, идетъ, куда хочетъ. Есть влеченіе, онъ идетъ и въ спеціально-пастырскую школу ¹⁾, и не только изъ этой духовной гимназіи пойдутъ въ нее, а и изъ всякой другой—того же общаго типа. Такимъ образомъ, духовная школа никого уже не будетъ давить собою, принуждать, какъ бы палкой вгонять въ рясу. Устранится нежелательный, столь вредный для дѣла, контингентъ невольныхъ и полусознательныхъ пастырей, какихъ чуть не въ основной массѣ выпускаютъ наши семинаріи въ настоящее время. Напротивъ, пойдутъ туда только люди *по призванію*, только лица достойныя, которыя дѣйствительно явятся въ своемъ пастырскомъ служеніи свѣточами истинно-христіанской жизни. И такъ, уже помимо своей осуществимости и простоты, какъ извѣстно, великаго достоинства въ рѣшеніи каждаго вопроса, проектъ этотъ еще въ высокой степени и идеалистиченъ.

И однако, мы не можемъ согласиться и съ этимъ проектомъ, и боимся, что будь онъ осуществляемъ,—не на пользу Церкви послужила бы проводимая въ немъ реформа.

Въ самомъ дѣлѣ, приглядимся къ нему поближе, взглянемъ на дѣло еще проще, съ трезво-практической точки зрѣнія. Итакъ: что давала бы, прежде всего, собою эта, отдѣляемая по своему курсу, духовная гимназія? Куда бы шли ее питом-

¹⁾ Считаемо нужнымъ замѣтить, что и здѣсь и далѣе мы одинаково разумѣемъ какъ такую школу въ обособленномъ видѣ, такъ и въ видѣ старшихъ классовъ 10-лѣтней семинаріи, такъ какъ въ данномъ случаѣ различіе между ними слишкомъ не велико.

цы? — Они могли бы итти въ университеты, лицеи, разные институты — филологическій, технологическій, ветеринарный и т. д., — однимъ словомъ, во всѣ почти наши *высшія свѣтскія школы*, совершенно такъ же, какъ идутъ въ нихъ теперь всѣ окончившіе гимназисты. Могли бы, далѣе, итти и въ свою духовную школу (или въ спеціально-богословскіе классы), но только не въ академію, а въ семинарію, т. е. *не въ высшую, а въ ту же среднюю школу*, какъ и та гимназія, которую они и ихъ товарищи окончили передъ этимъ. Спрашивается: много ли найдется охотниковъ — учиться въ этой послѣдней, церковной, школѣ?!... Съ какой бы точки зрѣнія мы ни посмотрѣли на соотносительное положеніе ея въ сравненіи съ тѣми свѣтскими, высшими, школами, она ни въ коемъ случаѣ не можетъ соперничать съ ними. Возьмемъ ли учебные курсы. — Тамъ — курсы настоящей, чистой, плѣняющей молодежь, науки: — здѣсь только той же самой учебы, знакомые всѣмъ намъ семинарскіе *предметы*, т. е. лишь жалкіе и сухіе обрывки и безъ того для немногихъ завлекательной богословской науки. Возьмемъ ли самую постановку ученья: тамъ — лекціи, самостоятельная работа, здѣсь — уроки, спросоотвѣты... Дисциплину... — понятно, что въ семинаріи, съ только что названной системой обученья, невозможно, немислимо дать полную студенческую свободу, тѣмъ болѣе въ школѣ духовной, гдѣ дисциплина непременно должна быть болѣе требовательной и строгой; репутацію въ обществѣ, опредѣляемую школой карьеру... — все, все говоритъ за то, что въ пастырскую семинарію пойдутъ развѣ крайне немногіе избранники (буквально единицы на десятки и сотни идущихъ въ другія школы), да голяки и убогіе духомъ, если только продержатъ ихъ до 8-го класса. Говорить, въ успокоеніе намъ, о восполненіи этихъ семинарій изъ другихъ гимназій можно только забывая о такой постановкѣ дѣла, о томъ, что такія семинаріи останутся все тою же средней школой. Разумѣется и оттуда, *на этотъ немалый подвиг самоотреченія*, могутъ рѣшаться лишь рѣдкія и рѣдкія исключенія, примѣрно одинъ — двое на весь курсъ какой нибудь Воронежской или иной гимназіи. Поэтому, и мы не можемъ не присоединиться въ данномъ случаѣ къ заявленію нѣкоего священника изъ Оренбурга:

„мы увѣрены, что при общеобразовательной семинаріи—гимназіи спеціально-богословскій классъ служилъ бы развѣ моделью класса пустоты“¹⁾. И епархіальнымъ преосвященнымъ, пожалуй, „съ борку да съ сосенки“ пришлось бы брать нужныхъ кандидатовъ священства²⁾.

Но это лишь одна сторона дѣла. Приглядимся теперь къ предлагаемому намъ гимназическо-семинарскому курсу въ цѣломъ его составѣ. Итакъ, онъ долженъ тянуться по этимъ проэктамъ 10 или и 11 лѣтъ. Какъ же распредѣляются здѣсь эти долгіе годы—преимѣнительно къ выясненной двойной задачѣ нашей духовной школы? Какъ мы уже сказали, та и другая цѣль семинарскаго образованія, профессиональная и общая, отграничивается, обособляется во всѣхъ этихъ проэктахъ: объединеніе ихъ достигается здѣсь путемъ временныхъ, по существу—чисто внѣшнихъ, наслоеній. Сначала преслѣдуются по нимъ цѣли общеобразовательныя, потомъ—спеціальныя, богословско-пастырскія. Сколько же времени удѣляется авторами этихъ проэктвъ той и другой цѣли?! Огвѣтъ на это уже данъ: 8 лѣтъ изъ всего курса, т. е. $\frac{8}{11}$ или $\frac{4}{5}$ всего его состава, отдается этой первой, сословной, цѣли; остальное время, 3 или 2 года, профессиональной, церковной.

Теперь отрѣшимся на время отъ своей „духовной“ точки зрѣнія, потребуемъ выйти изъ сферы привычныхъ нашихъ, *сословныхъ* понятій и отношеній. Представимъ себѣ, что все это узналъ бы какой нибудь безпристрастный и просвѣщенный представитель народной нашей массы, вѣрный интересамъ своей церкви. Какъ бы онъ взглянулъ на такое рѣшеніе вопроса?!...—не думаемъ, чтобы онъ его одобрилъ. Навѣрно, онъ обвинилъ бы насъ въ клерикализмѣ, особенно—если бы, какъ мы говорили, узналъ онъ, что эти, такимъ образомъ преобразованныя, семинаріи должны по прежнему существовать преимущественно на церковныя свѣчки и кружки.

Да, удовлетворяя въ полной мѣрѣ потребностямъ и интересамъ нашего сословія, еще болѣе радуя сердце самой учащейся молодежи, преобладающаго въ настоящее время типа,

1) Тихомирова. Стр. 38.

2) Ср. объ этомъ у Тихомирова, стр. 35.

такая реформа семинаріи зато слишкомъ явно и рѣзко, если можно такъ выразиться, обижаетъ самую церковь, мало служить ея интересамъ и цѣлямъ. И это, видимъ, ясно для каждаго съ перваго же взгляда, при простомъ механическомъ подсчетѣ. Но всмотримся въ дѣло поглубже. Можно ли по существу, признавая, какъ выше, семинарію въ основѣ професіональною школою, отводить эту собственно-професіональную часть ея курса на послѣдніе 2—3 года, дѣлая изъ нихъ своего рода спеціальный 8-й классъ женскихъ гимназій?

Здѣсь, въ этомъ пунктѣ, въ предлагаемомъ типѣ рѣшенія вопроса о реформѣ семинарій, при всемъ его либерализмѣ и идеализмѣ сказывается, по нашему мнѣнію, все тотъ же внѣшне-формальный, чисто-бюрократическій взглядъ на нашу школу, когда весь строй, вся дѣятельность ея, берется совершенно независимо, *отрѣшено отъ живой, настоящей ея жизни*. Въ самомъ дѣлѣ, только совершенно отрѣшаясь отъ этой жизни, только совсѣмъ забывая о дѣйствительномъ процессѣ развитія воспитываемой молодежи, можно дѣлать такое строгое разграниченіе: вотъ эти годы — на общее образованіе ея, а тѣ — на ея церковно-пастырское развитіе. Такими перегородками легко и удобно распредѣлять и обособлять программы, учебные предметы семинарскаго курса. Но если взять дѣло въ цѣломъ составѣ и жизненно реальной постановкѣ, если имѣть намъ въ виду самое развитіе, воспитаніе дѣтей, ихъ школьное приготовленіе къ будущему святому служенію, куда хочетъ послать ихъ эта школа: то для каждаго должно быть до очевидности ясно, что это воспитаніе и развитіе — дѣло всего даннаго періода ихъ обученія, всего цѣлостнаго курса школы, а не той или иной, хотя бы и заключительной, его части. Духовная школа дѣйствительно должна представлять собою, какъ говорилъ нѣкогда митрополитъ Филаретъ, „организмъ, въ которомъ *одна жизнь* (курсивъ нашъ) развивается и возвышается (и надъ вѣтвями и листьями общаго образованія восходитъ духовный плодъ“)¹⁾. Не можемъ не согласиться мы въ этомъ случаѣ и съ помянутымъ архим. Никономъ, когда онъ говоритъ объ одномъ изъ этихъ проэк-

¹⁾ Церк. Вѣд. № 39.

товъ ¹⁾, что тамъ „связь между церковно-богословскимъ отдѣленіемъ и общеобразовательными классами семинаріи признается и устанавливается только *внѣшняя* (курсивъ Тихомирова), и пастырское воспитаніе, не входя въ общія задачи курса, является въ немъ не необходимою органическою частью учебнаго заведенія, а лишь дополненіемъ къ нему или особымъ самостоятельнымъ курсомъ, тогда какъ готовящая къ пастырству „профессіональная“ школа, чтобы быть хорошей, *должна измлада воспитывать челоуѣка въ определенномъ направленіи, съ определенной цѣлью*“ (курсивъ нашъ) ²⁾. Итакъ, не 2—3 года, а всѣ отводимые здѣсь ей 10—11 лѣтъ эта школа, разъ существуетъ она, какъ спеціально-пастырская школа, должна преслѣдовать, на ряду съ общеобразовательными, и эти свои спеціальныя цѣли. Только подъ этимъ условіемъ и можетъ, и будетъ существовать она, какъ церковная школа, содержимая на церковныя средства. Только такая школа и можетъ давать Церкви въ своихъ питомцахъ—вѣрныхъ ея пастырей, служеніе Богу ставящихъ ближе для себя и неизмѣримо выше всѣхъ иныхъ служеній...—Ясно, насколько мало удовлетворяютъ этому основному и необходимому требованію отъ церковной школы разбираемые проекты, трактующіе общее 8-лѣтнее образованіе и двухъ или трехлѣтнее пастырское—какъ двѣ особыя самостоятельныя части.

Не совсѣмъ въ достаточной мѣрѣ имѣетъ его въ виду, кажется, и тотъ проектъ, который былъ предложенъ въ прошломъ году Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ. На нашъ взглядъ, отъ тѣхъ болѣе радикальныхъ проектовъ онъ отличается главнымъ образомъ двумя поправками. Во 1-хъ богословскіе классы по нему не только остаются въ той же школѣ, томъ же самомъ зданіи ея, но и во всемъ сохраняютъ по внѣшности свое прежнее положеніе 5-го и 6-го классовъ, вообще мало мѣняющихъ свой внѣшній обликъ семинарій ³⁾.

1) Вышеупомянутый проектъ Лебедева—въ Церк. Вѣстн. 1904 г.

2) Тихомировъ. Стр. 45.

3) Правда, Священное Писаніе (Ветх. Заветъ) и часть общая и церковная исторія выдвинуты и въ предшествующіе классы, но, понятна, существа дѣла это не мѣняетъ.

Во 2-хъ, что самое важное,—ученики, прошедшіе всѣ 8 обще-образовательныхъ классовъ, не заканчиваютъ, однако же, этого курса и не получаютъ права на поступленіе въ университеты, а приобрѣтаютъ его только по окончаніи всего 10-лѣтняго курса, то есть—лишь по прохожденіи и спеціально-богословскихъ классовъ.—Безспорно, съ чисто-практической точки зрѣнія подробности эти имѣютъ свою, немалую, цѣнность. Съ одной стороны, онѣ дѣйствительно сохраняютъ за семинаріями все тотъ же кажущійся характеръ спеціально-церковной школы; главное же—ими задерживается здѣсь и для старшихъ классовъ достаточный контингентъ воспитанниковъ, изъ которыхъ, вполне возможно, многіе и по окончаніи уже не захотятъ воспользоваться своими „свѣтскими“ правами, а поспѣшатъ не откладывая „пристроиться къ мѣсту“...

Можно опасаться, однако, что съ собственно-церковной точки зрѣнія реформа обѣщаетъ измѣнить наши семинаріи только къ худшему. Отъ усиленія и безъ того преобладающаго вліянія свѣтскаго образованія въ училищѣ и младшихъ классахъ семинаріи, въ ней можетъ увеличиться количество такихъ питомцевъ, которые уже здѣсь будутъ смотрѣть въ сторону отъ служенія Церкви. Естественнымъ продолженіемъ ихъ чисто-общаго образованія будетъ не богословіе, не пастырскіе классы, а высшая свѣтская школа. Правда, ихъ туда по проѣкту не очень-то пустятъ: раньше-де пусть окончатъ они всю семинарію... Но увы! эта искусственная задержка ихъ въ совсѣмъ несродныхъ ихъ душѣ, а потому—крайне скучныхъ для нихъ богословскихъ классахъ, можетъ принести лишь вредъ для обще-классовой жизни самихъ этихъ классовъ.

Намъ могутъ, однако, замѣтить: не всѣ же задержанные указаннымъ способомъ явятся лицами съ такимъ анти-церковнымъ настроеніемъ. Не мало найдется и такихъ, которыя лишь хромаютъ на оба колѣна, и для нихъ-то это и помимовольное пребываніе въ 5 и 6 классахъ прямо желательно и полезно... Да,—но въ томъ-то и горе, что замѣтное-то вліяніе окажутъ не эти послѣдніе: они сами подпадутъ вліянію другихъ. Вліять же будутъ тѣ первыя лица, какъ, такъ сказать—оцвѣченныя болѣе ярко и рѣзко, имѣющія уже извѣстные сложившіеся

взгляды ¹⁾: имъ-то и нужно дать изъ семинаріи выходъ, и чѣмъ равнѣе, тѣмъ лучше.

Не того можно было бы ожидать отъ предполагаемой нами, столь для всѣхъ желательной *реформы*.

Священникъ П. Вознесенскій.

(Продолженіе будетъ).

Дума сельскаго пастыря по поводу семинарскихъ неурядицъ.

За послѣднее время жизнь нѣкоторыхъ семинарій выбилась изъ нормы и до сихъ поръ не вполне вошла въ свою колею. Причины этихъ ненормальностей не всегда и не вездѣ одинаковы. Кромѣ общихъ требованій предъявленныхъ воспитанниками, въ петиціяхъ послѣднихъ есть не мало указаній на частныя, *мѣстныя* нужды... Неудовлетвореніе этихъ частныхъ нуждъ, намъ кажется, особенно волновало питомцевъ нашей средней духовной школы... Нынѣ Св. Синодъ въ своемъ опредѣленіи, отъ 8 февраля, сдѣлалъ все возможное къ удовлетворенію этихъ нуждъ. Конечно, это должно подѣйствовать самымъ умиротворяющимъ образомъ.

Но и мѣры, предпріятыя Св. Синодомъ, не исключаютъ, намъ кажется, пользы родительскихъ собраній, совѣщаній по поводу текущихъ семинарскихъ событій. Объ этихъ собраніяхъ мы и намѣрены сказать нѣсколько словъ въ настоящей замѣткѣ.

Нужно намъ, родителямъ и родственникамъ воспитанниковъ, высказаться, столкнуться общимъ голосомъ,—черезъ Епархіальное Собраніе или родительскій съѣздъ,—о чемъ слѣдуетъ просить Епархіальную власть.

Въ охватившемъ всѣ семинаріи движеніи, на почвѣ улучшенія учебно-воспитательнаго строя духовной школы, мы, духовенство, предоставили своихъ дѣтей почти (а мимъ себѣ). Мы были какъ бы посторонними зрителями, выжидавшими

¹⁾ Известно, что въ этомъ возрастѣ, при юношескомъ задорѣ, рѣзко и опредѣленно слагаются именно отрицательно-критическіе взгляды, и искушенію этому скорѣе всего поддаются ученики изъ болѣе даровитыхъ.

того или иного послѣдствія. А каковы послѣдствія—видно теперь многимъ...

Въ то время, какъ свѣтское общество для урегулированія жизни свѣтскихъ учебныхъ заведеній составляло и составляетъ кружки, родительскія собранія,—чѣмъ оказало значительную услугу какъ педагогической корпораціи, такъ и своимъ дѣтямъ.—мы, духовенство, отнеслись къ своему юношеству довольно равнодушно.

Какъ печально видѣть, что нѣтъ среди насъ солидарности, нѣтъ объединяющихъ личностей съ добрыми намѣреніями, нѣтъ идейныхъ побужденій во имя общаго блага. Все у насъ, сводится къ личнымъ расчетамъ, на все смотрится съ узко-эгоистической точки зрѣнія. Мы пребываемъ въ предосудительномъ состояніи: ни теплы, ни холодны...

Теперь сколько дѣтей нашихъ осталось за порогомъ семинарій быть можетъ по увлеченію и безсознательно?! Сколько жертвъ юношескаго пылкаго воображенія, быстрогаснущаго чувства, непреклоннаго самолюбія?! Эти жертвы—упреки намъ за нелюбовь нашу къ своей almae matris...

Пора и духовенству прійти на помощь своимъ дѣтямъ; забывши всѣ эгоистическіе личные расчеты, общимъ голосомъ озаботиться о введеніи въ семинаріяхъ нормальной жизни.

Сельскій священникъ І. Гораинъ

Нѣсколько словъ по поводу „голоса изъ среды сельскаго духовенства о причинахъ домогательства воспитанниковъ духовн. семинарій къ поступленію въ высшія свѣтскія учебныя заведенія“ *).

Настоящей краткой замѣткой мы имѣемъ въ виду указать на нѣкоторыя положенія почтеннаго о. З—аго, въ его статьѣ о причинахъ домогательства воспитанниковъ духовн. семинар. къ поступленію въ высшія свѣтскія учебныя заведенія,—положенія, съ которыми мы затрудняемся согласиться. О. З—ій пишетъ: „если мы замѣчаемъ въ послѣднее время особенно усилившееся стремленіе не только лучшихъ силъ, но и вообще едва ли не

*) Печатаемъ настоящую замѣтку, памятуя, что „audiator et altera pars“. Ред.

большой части окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ поступать въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, — лишь бы только избѣжать службы по духовному вѣдомству, — то, не скрывая истины изъ ложнаго стыда, скажемъ, что причина этого печальнаго явленія, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что духовенству плохо живетъ, что духовенство въ своей жизни мало видитъ того ласкающаго и согрѣвающаго свѣта, того располагающаго къ себѣ и вдохновляющаго добра, которые бы влекли къ себѣ многихъ“ и т. д.

Недоумѣваемъ, зачѣмъ автору понадобилось обращаться къ столь отдаленнымъ основаніямъ для объясненія самаго обыкновеннаго повседневнаго явленія? Не лучше ли было поискать ихъ ближе и не въ такомъ или иномъ положеніи духовенства, а въ самомъ университетѣ? Почему нельзя предположить, что въ университетъ и др. высшія свѣтскія учебныя заведенія воспитанниковъ семинаріи влечетъ только жажда знанія?

Обращаемся къ частнымъ доводамъ, на группировку которыхъ авторъ потратилъ тоже не мало усердія. Къ нимъ принадлежатъ: отсутствіе инициативы въ духовенствѣ, указы и циркуляры и наконецъ фіналь всѣхъ бѣдъ — недостаточность матеріальнаго обезпеченія. Что инициативы нѣтъ, это изъ ложнаго или вполне основательнаго стыда, скрывать не приходится, но что виною тутъ циркуляры и указы, мы никакъ согласиться не можемъ. Если, напр., указомъ предписывается неослабно проповѣдывать при богослуженіи и заводить внѣбогослужебныя собесѣдованія, то гдѣ же тутъ посягательство на пастырскую инициативу, гдѣ помѣха для духовнаго истинно пастырскаго воздѣйствія на прихожанъ? Вся организація подобнаго рода просвѣтительной дѣятельности предоставляется личному почину самого духовенства. И однакоже иногда проповѣди и бесѣды пастырей проникнуты такой мертвящей скукой, что даже наши крестьяне, вообще не избалованные на этотъ счетъ, выслушиваютъ ихъ „съ хладнымъ сердцемъ и сухими очами“. Кто же виноватъ во всемъ этомъ? Едва ли циркуляры!...

Что же касается до отсутствія приличнаго казеннаго жалованья, то это уже не первый и не послѣдній голосъ. Всѣ ожидаютъ, что опредѣленное жалованье волеетъ новую

энергію въ пересохшія жилы нашего духовнаго организма, уничтожить недоразумѣнія, возникающія между духовенствомъ и прихожанами на почвѣ вознагражденія за требоисправленіе и т. д... По идеѣ это такъ и должно быть. Но тутъ же закрадывается въ душу и опасеніе, что нынѣшнее бѣдствующее духовенство, получивши достаточное обезпеченіе, превратится въ сытое чиновничество, и сама церковь, потерявши всякій религіозный обликъ, сдѣлается государствомъ въ государствѣ...

Священникъ А. С.

О средствахъ для подъема приходской жизни.

Въ №№ 3 и 4 наст. журнала, въ февральской книжкѣ за текущій годъ, помѣщена замѣтка священника о. Іоанна Гораина, въ которой онъ высказываетъ свой взглядъ на пользу отъ церковныхъ совѣтовъ. Онъ сожалеетъ, что прихожане иногда стоятъ въ сторонѣ отъ церковныхъ дѣлъ, что ихъ отношеніе къ храму выражается въ томъ, что они въ извѣстные дни посѣщаютъ его во время богослуженія, требъ и только, — экономическаго же положенія дѣлъ церковныхъ прихожане не знаютъ. По мнѣнію священника Гораина стѣдуетъ только при храмѣ устроить церковный совѣтъ, который, занимаясь обсужденіемъ дѣлъ церковныхъ, будетъ контролировать приходъ и расходъ церковныхъ суммъ, и приходъ возродится, приходская жизнь оживетъ.

Не такъ легко, намъ кажется, обновить и оживить приходъ и ни съ этого, по нашему мнѣнію, надо начинать. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что прихожане желали бы знать, куда дѣваются ихъ гроши, но имъ это и не безызвѣстно: церковный староста лучшій изъ прихожанъ, притомъ же выбранный ими же т. е. приходомъ, и 2, а гдѣ и больше, уполномоченныхъ отъ того же прихода, слѣдящіе за приходомъ и расходованиемъ денежныхъ церковныхъ суммъ, могутъ и обязаны знакомить прихожанъ съ хозяйственнымъ теченіемъ церковныхъ дѣлъ, — слѣдовательно всякій прихожанинъ, интересующій-

ся, куда дѣвается церковная копѣйка, можетъ это узнать отъ старосты и уполномоченныхъ. Когда случается приходу производить большія затраты на устройство церкви, церковныхъ домовъ, постройку ограды, солидный ремонтъ храма и т. д., то обыкновенно прихожане выбираютъ изъ себя строительный комитетъ. Утвержденный Епархіальнымъ Начальствомъ, онъ вѣдаетъ наличность церковныхъ суммъ и слѣдитъ за цѣлесообразнымъ расходованіемъ ихъ во время работъ.

Что касается, далѣе, до суммъ, собираемыхъ при богослуженіяхъ, то это жертва Богу и кто-же въ правѣ распорядиться ею, кромѣ служителей алтаря вкупѣ со старостою?! Они и распорядятся ею законно, на основаніи примѣра первоустроителей церкви Св. Апостоловъ (Дѣян. IV 34, 35) и на основаніи гражданскихъ законовъ православной Россіи.

Что-же нужно дѣлать, что бы оживить приходскую жизнь? По нашему мнѣнію, нужно оживить, обновить и возродить душу прихода и прежде всего приходскаго священника. Мысли не новы, но въ наше трудное время нужно чаще повторять ихъ, ибо, какъ намъ кажется, здѣсь корень зла. Нужно, чтобы наши пастыри не были такъ забиты, запуганы, обезличены, а были бы авторитетны и сильны духомъ; нужно, чтобы слово ихъ къ прихожанамъ было сильно и могуче, разумныя желанія ихъ и стремленія въ улучшеніи церковной и приходской жизни—были для прихода законъ; словомъ надо поднять авторитетъ священника. А для этого, прежде всего, надо улучшить матеріальную сторону священника, назначеніемъ ему казеннаго содержанія въ приличныхъ размѣрахъ для безбѣднаго его существованія или же—назначить ему опредѣленное годовое вознагражденіе отъ общины за его труды. Доброхотныя даванія за трудъ б. ч.—горечь для священника... Короче—нужны хорошія условія, при которыхъ пастырь могъ бы работать на пользу прихода, не покладая рукъ, и нужны хорошіе пастыри, а безъ этого главнаго, намъ кажется, едва ли помогутъ дѣлу церковныя совѣты.

Священникъ с. Хатняго, Волчанскаго у., *Василій Корляковъ.*

Еще о пожеланіяхъ духовенства по поводу созванія Всероссійскаго церковнаго Собора.

Къ пожеланіямъ духовенства по поводу созванія Всероссійскаго Собора, высказаннымъ свящ. Пестряковымъ (ж. „Вѣра и Разумъ“ 1906 г. №№ 3—4), позволю себѣ присоединить и слѣдующія пожеланія.

1. Слѣдуетъ освободить православное Россійское духовенство отъ земледѣлія. Обязанности агронома и священника въ одно и то же время несомвѣстимы. При условіи отобранія земли въ пользу крестьянъ—дать въ жалованье отъ казны: священнику до 1200 р., діакону 600 руб. и псаломщику 500 р.

2. Едва ли примѣненіе выборнаго начала къ епархіальнымъ должностямъ улучшить суть дѣла. Могутъ возникнуть притѣсненія и даже гоненія противъ лицъ, неподавшихъ въ свое время голоса въ пользу избранныхъ.

3. Пенсію для духовенства слѣдовало бы увеличить и срокъ службы до нея уменьшить. Священнику за 25 лѣтъ положить 400 р., діакону 250 р. и псаломщику 150 р.

Священникъ І. Петрусенко.

Сл. Черк. Лозовал, Харьков. уѣзда

Архіерейскія богослуженія

24-го марта Преосвященный Евгеній, епископъ Сумскій, совершалъ всенощное бдѣніе въ кафедральномъ соборѣ.

— 25-го марта Его Преосвященство пзволялъ совершить литургію въ кафедральномъ соборѣ, а предъ литургіей читалъ акаѳистъ Божіей Матери.

Въ тотъ же день, въ 4 часа пополудни, послѣ малой вечерни въ Кафедральномъ соборѣ и освященія ваій, былъ совершенъ, во главѣ съ Его Преосвященствомъ, крестный ходъ съ ваіями въ

Покровскій монастырь, при громадномъ стеченіи народа ¹⁾. Всенщное блѣніе въ этотъ день Его Преосвященствомъ совершено было въ кафедральномъ соборѣ.

— 26-го марта, въ недѣлю Ваий, Его Преосвященство совершля литургію въ кафедральномъ соборѣ. Въ этотъ же день, въ 12 ч. дня, Его Преосвященство служилъ молебенъ съ соборнымъ духовенствомъ въ Харьковскомъ Дворянскомъ Собраніи по случаю назначенныхъ на этотъ день губернскихъ выборовъ членовъ Государственной Думы отъ Харьковской губерніи. Въ концѣ молебна было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и Его Преосвященствомъ провознесено было вышенанечатанное слово; послѣ же молебна архіерейскимъ хоромъ былъ трижды исполненъ народный гимнъ.

— Въ великій понедѣльникъ, вторникъ и среду Преосвященный служилъ Преждеосвященныя литургіи въ Покровскомъ монастырѣ.

— 30-го марта, въ Великій Четвертокъ, Преосвященный Евгеній изволилъ совершать въ кафедральномъ соборѣ въ 9¹/₂ часовъ утра литургію и въ 6 час. вечера—послѣдованіе Св. Страстей Христовыхъ.

— 31-го марта, въ Великій Пятокъ, Его Преосвященствомъ совершена была, въ 2 часа дня, въ кафедральномъ соборѣ торжественная вечерня и крестный ходъ съ плащаницей въ Собора въ Покровскій Монастырь. Крестный ходъ совершенъ былъ въ образцовомъ порядкѣ, при большомъ стеченіи народа; въ крестномъ ходѣ принимали участіе г-нъ Харьковскій генераль-губернаторъ и многіе представители разныхъ вѣдомствъ, преимущественно военнаго. По принесеніи плащаницы въ монастырь, было провознесено слово протоіеремъ о. В. Добровольскимъ.

— 1-го апрѣля, въ Великую Суботу, Преосвященный Евгеній совершилъ утреню, въ 4 часа утра, въ кафедральномъ соборѣ, а въ 12 часовъ дня—литургію въ Покровскомъ монастырѣ.

— 2-го апрѣля, въ день Святой Пасхи, въ 12 часовъ ночи Его Преосвященство совершля къ кафедральномъ соборѣ пасхальную утреню и непосредственно послѣ нея литургію. На богослуженіи присутствовали: г-нъ Генераль-Губернаторъ, генералитетъ и много лицъ высшаго общества. Въ тотъ же день въ 4 часа пополудни

¹⁾ По прибытіи крестнаго хода въ Озерянскую церковь было провознесено слово священ. о. П. Вишняковымъ и затѣмъ архіерейскимъ хоромъ исполненъ концертъ „Воспойте людіе“.

Его Преосвященствомъ была отслужена вечерня въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря.

— 3-го апрѣля, Преосвященный Евгеній совершилъ литургію въ Харьковской Воскресенской церкви, по случаю храмоваго праздника. Въ служеніи участвовали: протоіерей о. Тимоѳей Буткевичъ, ключарь собора протоіерей І. Гончаревскій, настоятель церкви протоіерей о. Н. Соколовскій, благочинный священникъ о. П. Оминъ, священникъ о. Г. Рудинскій и законоучитель священникъ о. Л. Добромысловъ, при протодіаконѣ В. Вербицкомъ и при пѣніи архіерейскаго хора.

— 4-го апрѣля, во вторникъ, Преосвященный Евгеній совершилъ литургію въ Василювской церкви с. Песочина, по случаю престольнаго праздника въ честь Иверской иконы Божіей Матери.

— 5-го апрѣля, въ среду, Преосвященный Евгеній совершалъ литургію въ Куряжскомъ монастырѣ, 6-го въ четвергъ и 7-го въ пятницу—въ Покровскомъ монастырѣ; 8-го въ субботу и 9-го въ воскресенье—въ кафедральномъ соборѣ.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Избраніе выборщика отъ духовенства Харьковской епархіи въ Государственный Совѣтъ.

Согласно Высочайше утвержденнымъ 7 марта с. г. правиламъ о порядкѣ избранія Св. Синодомъ членовъ Государственнаго Совѣта (ст. 4 Полож. о Госуд. Сов.), опредѣленію Св. Синода, отъ 10-го марта т. г., и распоряженію Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, 8-го апрѣля состоялось избраніе выборщика отъ духовенства Харьковской епархіи въ Государственный Совѣтъ.

Выборы происходили въ Харьковскомъ Кафедральномъ соборѣ. Выборщикомъ Харьковской епархіи членовъ отъ духовенства въ Государственный Совѣтъ, избранъ докторъ богословій, заслуженный ординарный профессоръ Харьковскаго Императорскаго Университета, протоіерей Т. Ив. Буткевичъ.

Въ тотъ же день происходили выборы и во всѣхъ уѣздныхъ благочиніяхъ Харьковской епархіи. Здѣсь также единогласно избраннымъ оказался протоіерей Буткевичъ.

Выборы членовъ, какъ извѣстно, должны состояться въ Петербургѣ, при Святѣйшемъ Синодѣ.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Ярославскій епархіальный съѣздъ духовенства

Упомянутый съѣздъ, наиболѣе неотложными церковными нуждами, м. проч., призналъ: 1) необходимость измѣненія способа матеріальнаго обезпеченія духовенства въ смыслѣ замѣны подаяній за требы опредѣленнымъ жалованьемъ, хотя бы въ размѣрѣ 1000 р. на двухчленный причтъ (священника и псаломщика), съ тѣмъ, чтобы всѣ таинства и погребеніе совершались бесплатно, а обязательныя требы, напр., молебны, панихиды и пр., по прежнему оплачивались добровольно; при этомъ духовенство согласно уступить государству часть церковныхъ земель съ оставленіемъ небольшихъ усадебныхъ участковъ при церквахъ и домахъ церковнослужителей; жалованье является, такимъ образомъ, отчасти какъ бы выкупною платою за земли; 2) желательно ввести судъ чести среди духовенства: если священнослужитель ведетъ себя недостойнымъ образомъ, ему дѣлаютъ сначала увѣщаніе два или три товарища, которые, если не достигнутъ исправленія, заявляютъ благочинническимъ совѣтамъ; если и впушеніе совѣта не достигнетъ цѣли, заявляютъ окружному съѣзду духовенства, который представляетъ послѣ увѣщаній къ устраненію отъ должности, причемъ дѣти устраненнаго пользуются всѣми правами сиротъ; этимъ путемъ съѣздъ надѣется ослабить, по крайней мѣрѣ, пьянство въ духовенствѣ; 3) желательно, чтобы въ приходахъ составлялись періодическія приходскія собранія подъ руководствомъ священника для выясненія мѣръ борьбы съ общественными пороками, для развитія приходской благотворительности, для улучшенія школьнаго и библіотечнаго дѣла, для завѣдыванія церковнымъ хозяйствомъ и т. д., 4) желательна коренная реформа духовно учебныхъ заведеній, слабо удовлетворяющихъ своему назначенію; 5) по вопросу о выборномъ началѣ въ избраніи кандидатовъ священства найдено нежелательнымъ предоставлять прихожанамъ право избранія священниковъ, въ виду малой культурности народа и возможности всякихъ злоупотребленій, но въ избраніи благочинныхъ, судебныхъ слѣдователей и другихъ должностныхъ лицъ въ духовенствѣ предоставить все дѣло въ исключительное

вѣдѣніе самого духовенства; 7) ходатайствовать о пересмотрѣ церковнаго устава и объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ.

Пастырское собраніе Могилевскаго духовенства

На пастырскомъ собраніи Могилевскаго духовенства, бывшемъ 3 января, с. г., подъ предсѣдательствомъ еп. Стефана, обсуждался вопросъ объ урегулированіи приходской жизни на началахъ, указанныхъ св. Синодомъ. Коснувшись круга дѣятельности приходскихъ собраній, пастырское собраніе нашло возможнымъ присвоить имъ слѣдующія права и обязанности:

а) Устраивать при церквахъ на мѣстныя средства, по мѣрѣ ихъ, библиотечки религіозно-нравственнаго содержанія.

б) Устраивать въ районѣ прихода публичныя народныя чтенія въ школахъ и другихъ удобныхъ для сего мѣстахъ.

в) Какъ религіозно-нравственный союзъ, обще-приходскія собранія должны взять на себя обязанность и право нравственно воздѣйствовать на порочныхъ или нравственно слабыхъ членовъ прихода. Хорошо зная пороки своихъ членовъ, общеприходскія собранія путемъ увѣщавій, взаимныхъ нравственныхъ обязательствъ и др., могутъ направить совратившихся съ пути истиннаго на путь правый, принимая по мѣрѣ надобности тѣ или другія мѣры, въ крайнихъ случаяхъ до устраненія такихъ лицъ отъ участія въ дѣлахъ обще-приходскихъ включительно.

г) Общеприходскія собранія должны наблюдать и, по возможности, вести борьбу съ инославною или сектантскою пропагандою.

д) Въ цѣляхъ просвѣтительныхъ или благотворительныхъ общеприходскія собранія должны заботиться объ устройствѣ школъ и богадѣленъ, изыскивая для сего мѣстныя средства, путемъ самообложенія. Средствами храма общеприходскія собранія могутъ, съ разрѣшенія епархіальной власти, пользоваться исключительно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, по удовлетвореніи всѣхъ обще-церковныхъ, епархіальныхъ и окружныхъ благочинническихъ нуждъ и расходовъ на содержаніе храма, останутся свободные остатки. Изыскавъ средства путемъ самообложенія или другими способами на нужды своихъ храмовъ, обще-приходскія собранія или, по ихъ полномочію, приходскіе совѣты имѣютъ полное право и расходовать ихъ, безъ всякаго на то разрѣшенія епархіальнаго начальства, но если будетъ требоваться ремонтъ храма, хотя и на средства прихожанъ, но съ техническимъ измѣненіемъ зданія церковнаго, или нарушеніемъ Св. Престола, или ремонтъ храмовъ

древнихъ, то на таковой попрежнему обязательно разрѣшеніе должно быть испрошено.

е) Въ началѣ каждаго года обще-приходскому собранію необходимо составлять приблизительную смету предстоящихъ расходовъ а равно намѣчать и источники для ея выполненія, а затѣмъ повѣрять дѣятельность приходскихъ совѣтовъ за истекшій годъ.

ж) Въ цѣляхъ возбужденія въ прихожанахъ усердія къ храму общеприходское собраніе или, по его полномочію, приходскій совѣтъ долженъ имѣть особливую заботу: а) о сохраненіи внѣшняго порядка при богослуженіяхъ, б) дабы самое богослуженіе и требоисправленіе совершалось въ удобное для прихожанъ время (сообразуясь съ церковными правилами на сей предметъ, напр. начало утренняго богослуженія отъ 3—6 часовъ утра, литургіи отъ 6—10 утра в т. д.), благообразно и по чину, в) учителство въ храмѣ со стороны церковнослужителей было ислѣдственное и въ строго православномъ духѣ, г) церковное пѣніе благопристойное, располагающее къ молитвѣ.

з) Желательно было бы, чтобы всѣ неудовольствія прихожанъ съ причтомъ во всѣхъ отношеніяхъ и наоборотъ поступили прежде всего въ приходскій совѣтъ и чтобы сей послѣдній принималъ соотвѣтствующія мѣры къ ихъ устраненію и лишь въ случаѣ, когда не послѣдуетъ умротворенія и въ случаяхъ особо важныхъ уже сообщалъ о возникшемъ недоразумѣніи епископу съ отзывомъ заслуживаютъ или не заслуживаютъ жалобщики и указанные ими свидѣтели довѣрія. (С. Л.).

Разныя извѣстія и замѣтки.

Выборы членовъ Государственной Думы отъ Харьковской губерніи и выборщиковъ по г. Харькову.

26 и 27 марта с. г. состоялись выборы членовъ Государственной Думы отъ Харьковской губерніи. Выборы происходили въ залѣ Дворянскаго дома.

Въ присутствіи всѣхъ губернскихъ выборщиковъ, въ числѣ 150 челов., совершено было, какъ уже сказано выше, соборне, Преосвященнымъ Евгеніемъ, Епископомъ Сумскимъ, Вякаріемъ Харьковской епархіи, молебствіе. Затѣмъ Владыка обратился къ соб-

равшимся съ вышенапечатанною рѣчью. По окончаніи же рѣчи приступлено было и къ самому акту выборовъ.

Предсѣдатель собранія, губернской предводитель дворянства Г. А. Фирсовъ прочелъ статьи закона, относящіяся до порядка и условій участія въ выборахъ. Затѣмъ былъ составленъ протоколь о числѣ прибывшихъ выборщиковъ, которыхъ оказалось: 1) отъ сѣзда землевладѣльцевъ 43, 2) отъ городовъ—43, 3) отъ волостей 61 и 4) отъ рабочихъ—4, а всего—150.

Членами Государственной Думы избраны слѣдующіи лица:

Ковалевскій Максимъ Максимовичъ, представитель Харьковскаго уѣзда, докторъ государственнаго права, партіи народнаго благоденствія, получилъ 107 избирательныхъ противъ 43 неизбирательныхъ.

Ковалевскій Николай Николаевичъ, представитель Лебединскаго уѣзда, губернской гласный, конституціоналистъ-демократъ.

Иваничій Федоръ Игоревичъ, представитель г. Зміева, предсѣдатель уѣздной земской управы, конституціоналистъ-демократъ.

Оранскій Юсіфъ Алексѣевичъ, крестьянинъ Купянскаго уѣзда, торговецъ, окончилъ уѣздное училище.

Фирсовъ Георгій Андреевичъ, Харьковскій губернской предводитель дворянства, окончившій курсъ въ университетѣ, землевладѣлецъ Старобѣльскаго уѣзда, членъ „Союза 17-го октября“, получившій избирательныхъ шаровъ 110 противъ 31 неизбирательнаго.

Деларю Михайль Данвловичъ, губернской гласный, инженеръ-технологъ, землевладѣлецъ Волчанскаго уѣзда, конституціоналистъ-демократъ, получилъ 82 избирательныхъ противъ 59 неизбирательныхъ,

и *Линтваревъ* Георгій Михайловичъ, губернской гласный, окончившій курсъ реального училища, землевладѣлецъ Сумскаго уѣзда, конституціоналистъ-демократъ.

6-го апрѣля состоялось избраніе выборщиковъ по городу Харькову. Это избраніе происходило по участкамъ, въ разныхъ общественныхъ зданіяхъ.

Избранными оказались: *1-й участокъ*. Грищенко, Грузинцевъ, Егоровскій, Мѣрный, Порхаевъ, Кондратьевъ, Стрѣльниковъ, Звѣревъ, Соловьевъ, Някитицъ, Егоренковъ, Чаевскій, Брейтигамъ, Піотровскій, Бергеръ.

2-й участокъ. П. М. Соленовъ, Н. Н. Евдокимовъ, В. Д. Лесенко, Л. Л. Чунякинъ, Н. П. Андіонъ, М. П. Ивановъ, П. Д.

Максименко, Н. Т. Яхновскій, Д. П. Миллеръ, Н. К. Рексъ, С. В. Генелесъ, С. Ф. Яичевскій, А. М. Воловникъ.

3-й участокъ. Степановъ, Багалѣй, Миклашевскій, Гиршманъ, Чубинскій, Писнячевскій, Ковалевскій, Кузнецовъ, Станиславскій, Иванецкій, Игумновъ, Гредескуль, Эйнгорнъ, Коганъ-Бериштейнъ.

4-й участокъ. С. А. Козловъ, О. А. Павловскій, А. А. Николаевъ, Л. Я. Тауберъ, Н. И. Страдомскій, С. Г. Сурукчи, О. П. Браунштейнъ, А. Я. Немировскій.

5-й участокъ. Красновъ А. Я., свещ. Шаповаловъ В. В., Жмудскій Н. А., Кислицынъ Н. С., Павловъ П. С., Цономаренко В. М., Рейнгартъ Л. В., Выставкинъ И. И., Семеновъ И. В., Соколовъ К. Р., Явченко Е. А., Копыловъ И. И., Ягуновъ В. В., Езерскій Д. В., Карчевскій В. С., Несцюшко-Буйницкій С. И., Оттовичъ Р. В.

6-й участокъ. Вышинскій Л. М., Сумцовъ Н. Ф. Кугушевъ В. И., Гаврилко А. С., Рѣдинъ Г. К., Фавръ В. Е., Шебалинъ, Чагинъ, Булгаковъ И. Е., Жидковъ Я. А., Фавръ В. В., Квятковскій А. А., Юзефовичъ А. Б.

Члены Государственной Думы.

Свѣдѣнія о выбранныхъ членахъ Государственной Думы, по словамъ „Русск. Гос.“, рисуютъ положеніе дѣлъ въ слѣдующемъ видѣ: всего въ члены Думы избрано 179 лицъ. По сословіямъ члены Думы распредѣляются такъ: дворянъ—49, городскихъ обывателей—26, крестьянъ—99 и лицъ духовнаго знанія—4, прочихъ званій—1. По вѣроисповѣданіямъ: православнаго—154, римско-католическаго—10, лютеранскаго—2, іудейскаго—5 и магометанскаго—8. По образованію: лицъ съ высшимъ образованіемъ—53, со среднимъ—11, съ низшимъ—83 и неграмотныхъ—2. По роду занятій: находящихся на государственной службѣ—30, священнослужителей—4, —лицъ, занимающихся частной юридической дѣятельностью—10, врачей—4, техниковъ—3, коммерсантовъ—11, помещиковъ—20, крестьянъ земледѣльцевъ—64, рабочихъ—5, лицъ, занимающихся ученой и педагогической дѣятельностью—5, сельскихъ учителей—5, писателей и литераторовъ—2, находящихся на частной службѣ—2. По цензу: землевладѣльцевъ—26, крестьянъ, владѣющихъ надѣльною землею,—74, домовладѣльцевъ—6, квартирнанимателей—9, лицъ, находящихся на службѣ—8, лицъ, выбирающихъ промысловыя свидѣтельства—9, прочихъ видовъ ценза—8. По принадлежностямъ къ партіямъ: правыхъ партій—6, центра—20, лѣвыхъ партій—74, вѣспартійныхъ или принадлежность коихъ къ партіямъ неизвѣстна—79.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ Ш-Й.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1906 г. НА ЖУРНАЛЬ

ВѢСТНИКЪ ПСИХОЛОГІИ,

КРИМИНАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГІИ И ГИПНОТИЗМА,

ПОДЪ ОБЩЕЮ РЕДАКЦІЮ

Акад. В. М. БЕХТЕРЕВА.

Редакторы отдѣловъ:

Прив.-доц. Н. О. Лоссий—общей психологіи.
Прив.-доц. А. Ф. Лазурскій и д-ръ А. А. Крогіусъ—экспер. психологія.
А. П. Нечаевъ—педалогической психологіи.

Проф. Л. В. Блуменау—психопатол.
Прив.-д. В. П. Осиповъ—гипнотизма.
Д. А. Дриль и проф. В. Ф. Чижъ—криминальной антропологіи и общественной психологіи.

Журналь въ 1906 году выйдеть въ количествѣ 5 книжекъ въ годъ, объемомъ въ 5—6 листовъ каждая, по слѣдующей программѣ: 1) оригинальныя статьи по психологіи общей, ея исторіи, по психологіи экспериментальной и педалогической, по зоопсихологіи, по психопатологіи и гипнотизму, по криминальной антропологіи и общественной психологіи; 2) обзоры, рецензіи и рефераты по указаннымъ отдѣламъ; 3) корреспонденціи, отчеты и письма; 4) хроника, біографіи и некрологіи; 5) объявленія и извѣщенія. Книжки 2-я и 4-я будутъ предоставлены для статей и рефератовъ, относящихся исключительно къ области педалогической психологіи.

Въ текущемъ году въ видѣ бесплатнаго приложенія будетъ разо-слано сочин. акад. Бехтерева „Основы ученія о функціяхъ мозга“ (вып. IV и V).

Оригинальныя статьи и рефераты (въ заказныхъ бандероляхъ) по-корнѣйше просятъ адресовать въ редакцію (Боткинская 9, Клиника душевныхъ и нервныхъ болѣзней). Пріемные часы по вторникамъ, отъ 1—2, и пятницамъ, отъ 2—3. Статьи въ случаѣ надобности подлежатъ сокращеніямъ и редакціоннымъ поправкамъ. Размѣръ оплаты статей гонораромъ опредѣляется по соглашенію съ авторами. Статьи, присылаемые въ редакцію безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи. О книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, будутъ дѣлаться объявленія. Книжки и журналы просятъ присылать въ бібліотеку редакціи (С.-Петербургъ, Боткинская, д. № 9, Клиника душевно-больныхъ). Плата за объявленіе 30 руб. за страницу.

Подписная цѣна 3 р. въ годъ за 5 книжекъ, съ перес. 3 руб. 50 коп. Цѣна за двѣ педалогическія книжки 1 руб. 50 коп. съ пересылкою. Тре-бованія и деньги адресовать: въ контору П. П. Сойкина, С.-Петербургъ Стремянная, 12.

Редакторъ: В. М. Бехтеревъ.

Секретарь В. Протопоповъ.

ГОДЪ
ЧЕТВЕРТЫЙ
1906 г.

„МИРНЫЙ ТРУДЪ“

ГОДЪ
ЧЕТВЕРТЫЙ
1906 г.

(повременное научно-литературное и общественное издание)

выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ Іюля и Августа)
ежемѣсячными выпусками не менѣе 150 листовъ въ годъ.

Признавая мирный трудъ единственнымъ средствомъ для осуществле-
нія столь необходимыхъ общественныхъ преобразованій, редакція ставитъ своей задачей послѣднее содѣйствіе пробужденію чуждаго всякой нетерпимости, русскаго національнаго самосознанія, усиленію культурнаго общенія со славянствомъ, изученію созидательной работы Запада и росту общественной самостоятельности, оцѣнивающей свое и чужое, независимо отъ партійныхъ соображеній и указокъ.

Въ журналѣ принимаетъ постоянное участіе рядъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія, 2) Бллетристиче-
скія новости, 3) Литературная критика, 4) Искусство, театръ и
музыка, 5) Вопросы воспитанія и обученія, 6) Внутреннее обозрѣ-
ніе, 7) Политическая лѣтопись, 8) Статьи по разнымъ отраслямъ
наукъ, 9) Обозрѣніе научныхъ журналовъ, 10) Дѣятельность уче-
ныхъ обществъ, 11) Научныя мелочи, 12) Критическій разборъ
научныхъ изслѣдованій, 13) Библіографія, 14) Объявленія.

Постоянно сообщаются свѣдѣнія о дѣятельности Русскаго Собра-
нія и его Отдѣловъ, усматривающихъ въ сознательномъ служеніи твор-
ческимъ началамъ Православія, Самодержавія и Народности основу благоденствія
и развитія Россіи, залогъ избавленія отъ виѣшнихъ и внутреннихъ опасностей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: для городскихъ (харьковскихъ) под-
писчиковъ 5 руб. въ годъ, для иногороднихъ съ пересылкой
6 руб. на полгода 3 р. Отдѣльная книжка 1 р. съ пересылкой

Подписка на 1906 г. принимается:

во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, удерживающихъ
за комиссію и пересылку денегъ по 30 коп. съ годового эк-
земпляра, и въ редакціи журнала (Дѣвичья, № 14. Харьковъ).

*Журналъ „Мирный Трудъ“ Учебнымъ Комитетомъ при Свя-
тѣйшемъ Синодѣ одобренъ для фундаментальныхъ библіотекъ
духовно-учебныхъ заведеній, а Учебными Комитетами Мини-
стерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Финан-
совъ допущенъ къ приобрѣтенію въ фундаментальныя библіо-
теки учебныхъ заведеній обоихъ вѣдомствъ, рекомендованъ для
фундаментальныхъ библіотекъ военно-учебныхъ заведеній и до-
пущенъ въ бесплатныя народныя читальни.*

Плата за объявленія: 20 рублей за полную страницу, 10 руб. за
половину и 5 руб. за четверть страницы.

Редакторъ-издатель проф. А. Вяигинъ.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издається съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Ижмгатора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетге въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія мовизма“ Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Диницаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введѣвскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шалтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній евеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фунлье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно, отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

✎ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.